

L O U I S E
R O Z E T T

confessions of an
ANGRY
GIRL

So what if she has anger issues?
You would, too.

У Роуз Царелли, которая сама себя провозгласила ботаником и сердитой девчонкой, есть кое-что, в чем она хотела бы признаться:

1. Я всё время очень зла. Почему? Мой отец погиб. Моя мама едва разговаривает. Мой брат оставил нас. По-моему, мне можно быть злой, не так ли?

2. Регулярно вывожу людей из себя. Хотите пример? Я поцеловала Джейми Форта, самого крутого парня, который мог бы встречаться с чирлидершей. Сейчас она в ярости и жаждет крови. Моей.

3. Старшие классы могут так же быть и Марсом. Мой лучший друг может быть заменен пришельцем, и я всё время вижу красное. (Марс красный и «видеть красное» значит быть в гневе — понятно?) Вот ещё другие слова, описывающие мою жизнь:

Несоответствующий. Нестерпимый. Невыносимый.

(Не знаете, что они означают? Ищите в словаре сами). (Извините. Это было грубо).

Луиза Розетт

Признания разгневанной девушки

Пролог

Это, дорогой читатель, история об аде старших классов. О том, каково быть заброшенным в мир, где все словно говорит на незнакомом языке. Где друзья становятся врагами, а враги — ночными кошмарами. Где жизнь внезапно становится похожей на вереницу сценариев низкопробных фильмов для уроков биологии.

Это история о девушке с богатым словарным запасом, которой осталось четыре года до колледжа и полтора — до водительских прав. О девушке, запертой во враждебной вселенной, где часы девственности безжалостно отсчитывают время, игнорируя смягчающие обстоятельства, больно ранящие и меняющие её жизнь.

Это история о смерти. О периодических приступах паники, неспособности замолчать и о школе в пригороде, где нет сотовых телефонов.

Читайте и плачьте.

ОСЕНЬ

рухнуть (глагол): упасть неожиданно, резко, стремительно
(см. также: переходить в старшие классы)

— Джейми, ты будешь это есть? Джейми. Этот пончик. Ты будешь его есть? Потому что я реально проголодался, чувак. Мама выперла меня, не успел я доесть хлопья. И не дала мне ни цента.

Джейми подвинул Энджело половинку сочащегося маслом пончика, не поднимая головы от рисунка на обороте его тетради. Энджело помолчал несколько секунд, а затем продолжил выискивать взглядом объедки других учеников. Раздался треск школьной радиосистемы, шум становился всё громче вместе с голосами, пытавшимися его перекричать.

— Доброе утро, школа «Юнион Хай»! Пожалуйста, встаньте для произнесения Клятвы верности.

Ярко окрашенные стулья, приваренные к столам кафетерия в целях безопасности ещё в 1970-х, разом скрипнули, когда весь зал поднялся на ноги, чтобы произнести то, о чём мы не думали и не понимали — или не могли заставить себя сказать. Джейми остался сидеть, его карандаш медленно скользил по линиям рисунка.

— Форта, это что, твоё почётное место? — Джейми кивнул мистеру Селла, учителю физкультуры, который, скорее, окажется где угодно, чем будет следить за классом на первом уроке самоподготовки. — Тогда вставай и присоединяйся к остальным, чтобы поклясться в верности нашей замечательной стране, — несколько саркастично сказал мистер Селла, переходя к следующему столу.

Осмотревшись, Джейми понял, что народ уже на середине клятвы. К тому времени, как он встал, все остальные уже сели.

— Джейми, у тебя есть деньги? Я всё ещё голоден, чувак. Мне просто нужен ещё один пончик или кусок тоста или что-то в этом роде. Завтра я тебе верну. Мне нужен всего доллар. У тебя есть? Можешь мне дать?

Джейми полез в карманы за мелочью и вытащил монету в 25 центов. Он протянул её Энджело, который выглядел крайне разочарованным.

— Это всё, что у тебя есть, Джейми?

— Вот. Вот 75 центов, — слегка вспотевшая новенькая девочка в синем свитере, сидящая на конце стола, также известная как я, протянула три монеты по 25 центов, довольная, что сделала это, не бросая деньги, под видом ещё одной клятвы в верности флагу. На самом деле я не испытываю желания клясться в преданности Америке в наши дни и ещё долго не буду делать это, а может быть вообще никогда.

Энджело посмотрел на монеты с подозрением. Возможно, он удивился, что я неожиданно заговорила с ним после того, как промолчала первые три дня в школе. Может быть, он считает меня снобом, но в действительности я просто боюсь поднять голову от учебников. Я пережила худшее лето в моей жизни и совсем забыла, как общаться с людьми. К тому же, я только перешла в старшую школу — а этот парень, кажется, провёл здесь больше, чем положенные четыре года.

— Удачного дня! — прокричала радиосистема, прежде чем отключиться. Энджело медленно взял у меня деньги.

— Спасибо. Я должен тебе их вернуть?

— Мм, нет, если ты... не можешь.

Энджелло уставился на меня и, не сводя глаз, направился к груде пончиков на прилавке. Он взял один и улыбнулся мне. Я быстро снова уткнулась в свои книги, думая, что могла совершить ошибку, будучи милой с одним из «профессионально-технических» парней. Особенно, с одним из старших «проф-тех» парней. Он расплатился и вернулся за полупустой стол на шестерых, усевшись напротив Джейми. Его пиджак был слишком мал для него, а надетая на нём потрёпанная футболка с «Нирваной» выглядела так, словно она принадлежала его старшему брату ещё тогда, когда Курт Кобейн был на самом деле жив.

— Вкусный пончик, — обратился ко мне Энджелло, пока я притворялась погруженной в учебник по биологии. — Что читаешь?

— Я готовлюсь к тесту по биологии, — сказала я, не поднимая глаз.

— У тебя уже есть тест? — спросил он. — Мы вернулись несколько дней назад. Ты из тех классов для умных?

На этот раз я решила не отвечать, но это мне не помогло.

— Ты не готовишься дома? Ты похожа на девчонку, которая занимается дома.

— Я готовилась. Но думаю, что этого недостаточно.

— Хочешь, чтобы я тебя поспрашивал? Я могу тебя проверить.

— Нет, спасибо.

Энджелло пересел и оказался совсем рядом со мной. Он наклонился ко мне и произнёс:

— Уверен, что это помогло бы.

Я слегка отодвинулась. У него была колючая чёрная щетина, и от него пахло сигаретами и дезодорантом Акс. Он выглядел лет на двадцать как минимум.

— Всё нормально.

— Уверена? — он потянулся за моим учебником. — Я кое-что знаю из биологии.

— Оставь её в покое, — сказал Джейми, не отрываясь от своей тетради. Энджелло повернулся, удивлённо подняв брови. — Она не хочет с тобой разговаривать. Она занимается.

— Всё отлично, чувак. Я оставлю её в покое, — Энджелло поднялся и направился к другому столу.

— Увидимся, — сказал он мне. — Кстати, как тебя зовут?

Я хотела ответить, но Джейми резко поднял голову от рисунка и уставился на Энджелло.

— Ты чего, чувак? — сказал Энджелло. — В чём дело? Она твоя девушка или что?

Я почувствовала, что краснею — горячая волна проделывала свой путь от ключиц к щекам. Джейми посмотрел прямо на меня — впервые, насколько мне известно, — и мне пришлось опять уткнуться в книгу. Слова расплывались перед глазами, а я пыталась сосредоточиться на чём угодно, кроме того, что происходило прямо передо мной.

— Я только пытаюсь быть вежливым. Она же дала мне денег. — Никто не ответил. Джейми разглядывал истончившийся грифель карандаша. — Всё нормально. Увидимся в магазине, Джейми. Пока, Свитер.

Джейми вернулся к своему занятию. Я едва дышала. Трейси, моя лучшая подруга с незапамятных времен, внезапно уселась напротив меня. Я не могла поверить, что она здесь — обычно старшеклассники ходят, куда хотят на уроке самоподготовки, но новички сидят как приклеенные к своим местам.

— Ты готовилась вчера вечером? Кажется, будет сложно. С тобой всё в порядке? Ты вся красная, — она поднесла ко рту ложку йогурта, разглядывая моё лицо со странным обеспокоенным видом, который я часто замечала в последние несколько месяцев. Затем она

искоса посмотрела на Джейми, его рабочие ботинки и потрёпанные грязные отвороты слишком длинных джинсов.

— Жаль, что ты застряла за этим столом. Мы все вместе готовимся вон там, — она указала на большой стол на 12 человек, где сидели новички, которые, видимо, обсуждали сегодняшнюю пивную вечеринку на спортивном поле соседней частной школы, куда они не попадут. А если даже и попадут, меня это не интересует. Но Трейси приучила меня не произносить такие вещи вслух. Мисс «Teen Vogue» считает, что это не способствует росту моей популярности.

— Мне лучше готовиться одной.

— Да, я знаю, ты всегда так говоришь. Наверно, именно поэтому ты всегда получаешь пятерки.

— Я не всегда получаю пятерки.

— Ой, замолчи! Ты подумала на тему, о которой мы говорили?

Трейси перешла к тому, должна ли она заняться сексом со своим парнем, Мэттом Хэллисом. Мы постоянно говорим об этом на протяжении последних недель, и это стало моей самой нелюбимой темой — по множеству причин. Сначала я думала, что она всё время поднимает этот вопрос, чтобы отвлечь меня и заставить подумать о чём-то другом. Но теперь я понимаю, что она абсолютно помешалась. Похоже, она решила, что одновременно с переходом в старшие классы она должна лишиться невинности или же она не сможет быть как все. Или быть крутой. Или быть... ещё какой-нибудь.

Мистер Селла появился позади Трейси, которая заметила, как я смотрю за её спину, и замерла.

Он сверился с планом рассадки учеников.

— Мисс Геррен, не могли бы вы вернуться на предназначенное для вас место?

— Мы просто говорили о тесте по биологии, мистер Селла.

— Уверен, что у вас было достаточно времени прошлым вечером, чтобы обсудить это по телефону, или смс, или по Интернету. Вернитесь на своё место.

Трейси встала.

— Ты в порядке, да? — спросила она. Я кивнула. — Жаль, что ты тут застряла, — снова сказала она, перед тем как мистер Селла проводил её через весь кафетерий, даже не удостоив меня взглядом.

Потребовалось всего два дня, чтобы учителя перестали смотреть на меня как на какого-то жалкого придурка. Произошло именно так, как предсказывал Питер, когда я жаловалась ему на то, что пойду в старшую школу всего через три месяца после похорон нашего отца.

Точнее, того, что от него осталось.

Пытаюсь сосредоточиться на биологии и не обращать внимания на румянец на моих щеках, которому нужно время, чтобы исчезнуть.

Я украдкой бросаю взгляд на Джейми.

Джейми Форта.

Я знаю, кто такой Джейми. Знаю благодаря Питеру. Джейми и Питер были в одной хоккейной команде, когда я училась в седьмом классе, а Питер — в старшей школе. Тогда Джейми был новичком. Мы с папой ходили на хоккей болеть за Питера, но однажды после игры я присмотрелась к Джейми на парковке и с тех пор стала наблюдать в основном за ним. На следующий год Джейми выгнали из команды на первом же матче сезона за то, что он ударил клюшкой по шее игрока из «Вест Юнион» по имени Энтони Паррин.

Хотя я не видела Джейми целый год, я узнала его в ту же секунду, когда меня усадили за этот стол. Даже без хоккейной экипировки.

Я слышала скрип карандаша Джейми, когда он рисовал, стирая графит до самого дерева. Мой взгляд пробирался через страницы моей книги и через стол к его тетради. За одно мгновение я узнала в перевернутом рисунке дом — дом странного вида, стоящий в лесу, с крыльцом и массивной входной дверью на верху широкой лестницы. Я даже наклонилась к столу, чтобы лучше разглядеть. И тут поняла, что он перестал рисовать.

Я боялась поднять глаза от страницы. Когда я, наконец, сделала это, Джейми смотрел на меня, держа карандаш на весу. Снова румянец залил всю мою грудь, шею и щёки. Прежде чем отвернуться, думаю, я заметила, как в его глазах промелькнула лёгкая, малейшая, просто миниатюрная улыбка.

— Очень милый рисунок, — прошептала я, неспособная произнести это вслух.

Он посмотрел на карандаш, покачал головой, увидев сточенный грифель, и положил его рядом с тетрадью. Он полез в карман, откуда достал доллар, встал из-за стола и направился к прилавку с едой. Очевидно, он наловчился оставлять деньги себе, не отдавая все Энджелю.

— Тебе нужно заниматься, — сказал он с тем же намеком на улыбку в глазах и ушел. Я почувствовала, как жар становится всё сильнее от звука его голоса, делая кожу на лице стянутой, как после солнечного ожога. Он исчез в толпе старшеклассников, которые только что вошли в кафетерий, чтобы успеть поесть до звонка.

Я закрыла книгу и убрала её в рюкзак, надеясь отыскать в нём жевательную резинку, чтобы избавиться от сухости во рту, которая сопровождает унижение. Покопалась в новой косметичке, которую Трейси собрала для меня («Ты не можешь пойти в старшую школу без косметички»), и обнаружила старую жевательную резинку, наполовину без обертки, прилипшую к сломанному карандашу для глаз (видимо, мне достались её «обноски»). Я вытащила карандаш и отделила от него жвачку, решив, что она выглядит достаточно чистой для жевания. Странно, но у неё вкус губной помады. Продолжаю копаться в косметичке в поисках того, что поможет мне восстановить душевное равновесие. Пальцы натываются на точилку для косметических карандашей.

Я вытащила точилку и быстро глянула через плечо на Джейми, который стоял в очереди, чтобы заплатить за кофе. Я схватила его карандаш, вставила в точилку, повернула, повернула и еще раз повернула, наблюдая, как желтые стружки отваливаются и ложатся на стол. Вытащила карандаш и посмотрела на его ставший острым кончик. Точилка, испачканная карандашом для глаз, оставила на древесине несколько ярких синих линий, но грифель теперь идеален. Я быстро спрятала ее в косметичку, как раз вовремя, потому что Джейми уже отвернулся от кассира, чтобы вернуться к столу. Раздаётся звонок. Хватаю рюкзак и убегаю.

болван (существительное): неуклюжий человек, совершающий ошибки
(см. также: я)

— Моя бабушка говорит, что лучше не быть красивой — тогда тебе нечего терять. Тогда ты знаешь, что парень, который на тебе женился, сделал это по правильным причинам, — сказала Стефани.

— Или знаешь, что он тоже страшный, — ответила Трейси.

— Полагаю, уровень общительности в классе означает, что все закончили свои тесты? — спросил мистер Рома со своего места у доски. — О, у Роберта осталась его работа, поэтому, девушки, никаких разговоров, пока он не закончит. У тебя десять минут, Роберт. Роберт остался один?

Больше никто ничего не произносит. Роберт смотрит вверх, ловит мой взгляд и подмигивает. Я отворачиваюсь. Трейси и Стефани смеются.

— Хватит, девушки. Пусть парень закончит.

— Гению нужно время, мистер Рома, — говорит Роберт.

— У тебя есть девять минут.

Я вдруг вспомнила ответ, который нужно было дать на пятый вопрос, и решила, что провалила тест. Но я всегда уверена, что провалила, однако такого ещё не случалось. Класс просидел в тишине уже две минуты, когда на мою парту приземлилась записка. Кстати, по тому, как она сложена, я могу сказать, что её автор — Трейси.

Ученикам запрещается приносить сотовые телефоны, смартфоны и всё такое в класс. Это бесит многих людей, включая Трейси, зависимых от общения по смс или ICQ. Но я могу не волноваться из-за этого правила, потому что:

а) Дурацкому упрощенному смс-языку я предпочту красиво сложенную записку со словами, содержащими все положенные буквы.

б) Ненавижу тех, кто списывает, а сотовые существенно упрощают этот процесс. Наконец, в) У меня нет сотового телефона. Я совсем отстала от общества, и Трейси считает, что это просто отстой.

Я собиралась купить себе телефон перед началом учебного года, но кое-что нарушило мои планы. Кое-что вроде смерти.

Я попыталась бесшумно открыть записку, но мистер Рома всё равно услышал. Он поднес палец к губам, чтобы я не шумела, но не отобрал записку и не зачитал ее вслух — именно это он вчера проделал со Стефани. Со мной он ограничился неодобрительной ухмылкой. Очевидно, мистер Рома, в отличие даже от мистера Села, все еще думает, что я жалкий придурок, нуждающийся в сочувствии. Я заглянула в записку.

«Что ты сделала с парнем, с которым вы сидели за одним столом в кафетерии? Он спросил меня, где твой последний урок».

У меня замерло сердце. «Где твой последний урок» может означать несколько вещей: «Где ты хочешь встретиться, чтобы вместе пойти на тренировку?» или «Где я должен тебя найти, чтобы продать те наркотики?» или «Где я могу тебя подкараулить, чтобы избить?». Поскольку Джейми и я не играем в одной команде (я вообще ни в одной не играю и не думаю, что его когда-нибудь допустят в команду), и я не заинтересована в покупке наркотиков (даже не уверена, что он их продает), остается только одно. Но это абсолютно лишено смысла. Я всего лишь заточила его карандаш.

Я повернулась к Трейси и беззвучно спросила: «Ты ему сказала?» «Что?» — так же,

одними губами, ответила она. Я указала на записку и повторила вопрос, на этот раз медленнее. Она серьезно кивнула и пожала плечами в ответ на мое перепуганное выражение лица.

— Что я должна была делать? Он меня напугал, — прошептала она.

— Он что, псих?

— Типа того...

— Трейси Геррен! Хватит! Пересядь к окну.

Трейси закатила глаза, собрала свои вещи и направилась в конец класса. «Большое спасибо», — прошипела она в мой адрес. Роберт демонстративно положил свою работу на стол мистера Рома.

— Дамы и господа, официально сообщаю, что я закончил. Теперь вы можете поговорить.

— Садись, Роберт. И помолчи. Собственно, все должны молчать вплоть до звонка. Я решил, что мне больше нравится этот класс, когда он сидит тихо.

До звонка три минуты. Понятия не имею, что меня ожидает за пределами класса. Я почувствовала легкую тошноту, и это натолкнуло меня на отличную мысль. Я встала со своего места и пошла к столу мистера Рома. Роберт попытался схватить меня за руку, когда я проходила мимо. От него пахнет сигаретами. Я сделала вид, что не заметила. Я игнорирую его с шестого класса.

— Мистер Рома, я знаю, что скоро звонок, но мне нужно в уборную.

Мистер Рома протянул мне розовый талон, записал на нём время, и всего лишь поднял одну бровь в ответ на мою просьбу.

Догадываюсь, что у статуса придурка есть свои преимущества.

* * *

Когда прозвенел звонок, я была в туалете около спортзала — этот туалет дальше всего от главного входа в школу. В последней кабинке курят две девчонки. Тяжело дышать. Я жду, пока они уйдут, а потом выжидаю еще несколько минут. Все еще тяжело дышится. Может быть, это та самая паническая атака? Мама уверена, что я их испытываю. Чтобы отвлечься, читаю надписи на стенах, одна из которых написана ярко-розовым лаком для ногтей и гласит: «Соси».

Какая оригинальность в «Юнион Хай»! Какое прекрасное использование языка!

Когда мне становится легче дышать, я выхожу.

В коридорах практически пусто. Иду к своему шкафчику. Достāju книги. Я взяла валторну из оркестровой комнаты, чтобы попрактиковаться, и вышла через главный вход, потому что другого способа покинуть школу в конце дня просто не существует; нас гонят через эту воронку, чтобы следить за нами. Стою у пешеходного перехода и вижу его на другой стороне улицы. В его руках нет книг. Красная рука на светофоре меняется на серебристого человечка, а я боюсь идти, но приходится. Я все ближе и ближе, но он не говорит ни слова. Более того, я просто прошла мимо, как будто не заметила его. А через несколько секунд... Мои ноги продолжали идти, когда он сказал: «Роуз».

За всю свою жизнь я ни разу, ни разу не слышала, чтобы кто-то так произносил мое имя. Я даже не знала, что моё имя может звучать, таким образом, пока он его не назвал.

— Да?

Он протянул мне свой карандаш.

— Что ты с ним сделала?

— Я... просто... это..., — пробормотала я.

— Что за фигня на нем?

— О, мм, извини — это карандаш для глаз.

Он подошел поближе и внимательно посмотрел на мои глаза.

— Ты же не пользуешься этим.

Начинаю краснеть. Пока что медленно, но я буду вся красная — румянец распространяется от плеча к плечу, а через три секунды он появится над воротником. Замечаю, что у него глаза орехового цвета с золотистым отливом, и не могу больше смотреть.

— Иногда пользуюсь.

— И когда же?

— Когда иду гулять с моим парнем или еще куда-нибудь.

— О, правда? И кто же он? — Мне нечего ответить. — Ты новенькая, да? — спросил он.

— Мне четырнадцать, — вырвалось у меня. Затем я спросила: — А тебе сколько?

Как будто мы в песочнице играем.

В его глазах снова показался отблеск улыбки и сразу же исчез, не дав мне убедиться, что я на самом деле его заметила.

— Давай я тебя подвезу до дома.

— Ты не знаешь, где я живу.

— Нет, знаю, — сказал он. Я молча уставилась на него. Он спросил: — Как твой брат?

Вопрос меня удивил. Пусть даже Питер и Джейми играли вместе в хоккей, но я была уверена, что они никогда не разговаривали за пределами поля.

— Думаю, нормально. Он в университете Тафтс. А вы с ним друзья?

— Я отвез его домой, когда Бобби Пассео переехал ему пальцы, — произнёс он вместо ответа на мой вопрос.

— Знаешь, я тебя видела. Когда ты играл в хоккей. Когда вы ещё были в команде. — Я притворилась очень заинтересованной своей обувью, понимая, что выгляжу как невнятно бормочущая четырнадцатилетка — а именно ею я и была. Он посмотрел на меня в ожидании продолжения. Когда я так ничего и не сказала, он спросил: — Ну что, хочешь прокатиться?

Мой ответ:

— Я не могу сесть в твою машину. — Я больше не бормочущая четырнадцатилетка. Теперь мне десять. А может, и восемь.

На этот раз он не смог справиться с собой и широко улыбнулся. В этот момент моё сердце подпрыгнуло.

— Думаешь, что-то случится? — спросил он, забирая у меня валторну. Я почувствовала себя идиоткой. — Пойдем, новенькая. Я отвезу тебя домой.

* * *

У него старая проржавевшая машина странного тускло-зеленого цвета. Но внутри она чистая, черная и пахнет прохладой после дождя. Я сажусь подальше от него, смущаясь из-за

того, что смутилась, когда он открыл передо мной дверь на школьной парковке. По радио играет Канье Уэст, но Джейми переключает на классический рок. Группа «Pearl Jam». Когда я ходила в детский сад, Питер включал «Pearl Jam» и заставлял меня перечислить членов группы и инструменты, на которых они играли. Эдди Веддер, солист. Майк Маккриди, гитарист. Не могу вспомнить басиста. Какой-то Джефф. Питер приучил меня к хорошей музыке и настоящим музыкантам с очень юных лет, и честно говоря, это не принесло мне никакой пользы в обществе.

Не могу поверить, что сижу в одной машине с Джейми Форта.

— Замерзла?

— Нет.

— А выглядишь, как будто замерзла.

— Не совсем. — Он прав. Мне холодно. Но не из-за погоды — в Коннектикуте в сентябре продолжается лето. Первые три недели учебного года я всегда хожу вспотевшая в новой осенней одежде, потому что не могу больше вынести ни минуты в летней. Наверно, я единственный человек из всех 2500 учеников школы, который пришел сегодня в свитере, желая, чтобы на улице стало прохладнее.

Ну что ж, похоже, мое желание исполнилось. Теперь я мерзну. Из-за страха.

Я смотрю на него, а он смотрит на дорогу. Останавливается на желтом светофоре. Удивлена. Я думала, что такие, как Джейми Форта, запросто проезжают на желтый, даже не задумываясь об этом. Он продолжает смотреть на дорогу. Похоже, нам не о чем говорить. Я снова смущаюсь. Я много смущаюсь сегодня. И, в основном, благодаря ему.

— Где твоя тетрадь? — спрашиваю я.

— В школе.

— У тебя нет домашнего задания?

Он посмотрел на меня, как будто я сказала что-то смешное. Загорелся зеленый свет, и он свернул налево. Я поняла, что он на самом деле знает, где я живу.

Тишина. Тишина, тишина, тишина.

— Мне понравился дом, который ты рисовал.

— Да?

— Ты хороший художник.

Он еще раз поворачивает налево. Мы проезжаем дом Трейси — коричневый с красной отделкой, где я проведу первую половину сегодняшнего вечера, лежа на полу ванной и продолжая наш бесконечный разговор о сексе. После того, как она решает, что «скоро» переспит с Мэттом, хотя они встречаются с начала восьмого класса, она переходит к тому, должна ли я встречаться с Робертом. Обычно она говорит, что не должна, но иногда отмечает, как хорошо он ко мне относится. Затем я напоминаю ей, что ненавижу сигареты. Она предлагает мне заставить его бросить курить. Я отвечаю, что люди бросают, только если сами захотят. Она говорит, что он мог бы сделать это ради меня.

По мнению Трейси, Роберт влюблен в меня с шестого класса. Я сказала ей, что это невозможно — ведь откуда нам в начальной школе знать, что такое любовь? Она утверждает, что если мы и не можем распознать любовь в одиннадцать лет, то вполне можем её почувствовать. Возможно, она права. Понятия не имею. Зато знаю, что я никогда не была влюблена в Роберта. И не собираюсь встречаться с ним только потому, что он в меня «влюблен». А может, и не влюблен. С чего бы ему вообще меня любить? Я не симпатичная, и я люблю употреблять слова, в которых много букв, а это два серьезных

отпугивателя парней.

Мой папа всегда злился на меня, когда я говорила подобные вещи в его присутствии. «Во-первых, Роуз, ты симпатичная», — говорил он мне. «А во-вторых, никогда не смотри во второй раз на мужчину, который не ценит в женщине ум. Никогда». Он постоянно давал кучу хороших советов, которым невозможно следовать.

Через некоторое время после смерти папы я стала видеть его во сне практически каждую ночь. Мне снилось, что я нахожусь в пустом кинотеатре, сижу посреди моря красных кресел и вижу его на огромном экране, как будто он кинозвезда. Ростом шесть метров, каштановые волосы торчат в разные стороны, голубые глаза сияют неоновым светом... Он просто приковывает меня к креслу таким взглядом, как будто ждет, чтобы я что-то сделала, нашла выход из ситуации, выпустила его из боевика или вестерна, где он застрял, и вернула в реальный мир.

Иногда мне снилось то, что происходило на самом деле. Например, когда мне было десять, он взял меня и Трейси на концерт Спрингстина, и меня смущали его странные танцы, но вместе с тем я гордилась, что он был на концерте. Или я видела во сне, как мы заглядываем в папин 20-томный Оксфордский словарь, чтобы узнать историю и происхождение какого-нибудь хитрого слова, которое он произнес, типа «иглокожести». Однажды за ужином он заявил: «Пит, ты, кажется, унаследовал нашу волосную иглокожесть — проклятие мужчин Царелли, от которого можно избавиться только стрижкой». Позже, когда Питер понял, что папа сравнил его волосы с ежиком, он не разговаривал с отцом около недели.

Уверена, что теперь Питер об этом жалеет.

Периодически, вместе со сном про кинотеатр, я вижу то, в чем сама не участвовала. Например, как будто автоколонна, в которой едет папа, взрывается, убивая всех в радиусе пятнадцати метров.

Папа не должен был попасть в Ирак. Он не был солдатом. Он поехал туда только потому, что потерял работу авиаинженера из-за экономического кризиса. Он пошел служить по контракту, так как ему предложили большую сумму денег за короткий срок службы. Мама была помешана на деньгах, им предстояло оплачивать восемь лет учебы в коллежде (спасибо нам с Питером), поэтому он согласился.

Мы с Питером никогда не говорили родителям, но оба думали, что это просто безумие. И оказались правы. Папа уехал в Ирак в феврале и погиб в июне, когда грузовик, в котором он ехал, взорвался на самодельной дорожной мине. Чтобы мы успокоились, нам сообщили, что он умер мгновенно. Но это нас не успокоило — по крайней мере, меня. Наоборот, мое воображение начало работать, представляя, что там на самом деле произошло.

И вызывая сны о том, что там на самом деле произошло.

Сны об автоколонне обычно беззвучны. Я ни разу не слышала звук взрыва, крики погибающих или ещё что-нибудь. И в них нет крови. Я только вижу папу, взлетающего в воздух, с широко раскрытыми глазами, он крутится, поворачивается, а потом падает на спину и разбивается на кусочки, как стекло, которое падает в нескольких сантиметрах от него. Он разбивается, но всё ещё сохраняет форму.

Немного погодя сны прекратились, и я вздохнула с облегчением — но потом начала по ним скучать. Теперь я вообще не вижу папу и боюсь, что совсем его забуду.

Джейми поворачивает направо, затем быстрый поворот налево, и через десять секунд мы уже возле моего дома.

— Вот он, правильно?

— Да. — Тишина. — А когда Бобби Пассео переехал Питеру пальцы?

— Не знаю. Думаю, года два назад.

Даже не верится, что он все ещё помнит, где мы живем.

— Постой, так у тебя были права два года назад?

Он мотает головой и прислоняется спиной к дверце, глядя на меня своими абсолютно ореховыми глазами, заставляющими меня нервничать.

— Всё нормально? — спрашивает он, а по его лицу словно проходит облако грусти. Его вопрос и мрачное выражение лица застают меня врасплох, пока я обдумываю, как он ездил без прав. За последние несколько месяцев тысячи людей бесили меня, задавая этот вопрос. Но я не злюсь, когда его задает Джейми. — Я сожалею. О твоём отце, — говорит он.

Я киваю, и это всё, что я могу сделать. Я не рискну заплакать перед Джейми. Вообще я не могу предсказать, когда собираюсь заплакать, но когда я всё же делаю это, получается очень много соплей.

— Ну, спасибо, что довёз, — говорю я и тянусь к дверной ручке.

— Роуз, — говорит он. — Ты знаешь, как меня зовут, да?

Как его зовут? Он думает, я не знаю, как его зовут? Мысль о том, что я настолько нахожусь в своем мире, что даже не слышала, как Энджелло звал его «Джейми» или «Джейм» каждые две минуты — и о том, что я не знаю, как его зовут, что я не знаю, кто он, после того, как столько раз была на хоккее — просто безумна. Но стоит ли мне признаваться, что я знаю его имя? Если я знаю, подумает ли он, что... он мне нравится?

— Мм... — ответила я.

Его взгляд быстро стал бессмысленным. Он повернулся к рулю и переставил рычаг с положения парковки на передачу, как будто собирался умчаться в тот же миг, когда мои ноги коснутся тротуара.

— Джейми, — сообщил он, глядя прямо перед собой и ожидая, когда я выйду.

Я идиотка. Но если я теперь скажу: «Конечно, я знаю, как тебя зовут, я всегда это знала», он мне не поверит. Всё, на что меня хватило: «Ещё раз спасибо, что довез».

Я вылезла из машины как можно быстрее, он уехал, а я осталась стоять на улице и ощущать себя полной неудачницей, которая притворяется, что не знает имени человека, который был добр к ней и который искренне сожалеет о случившемся.

Отличный ход, Роуз. Так ты заведешь друзей. Продолжай в том же духе.

воинственный (прилагательное): склоняющийся к враждебности или войне
(еще раз см. также: я)

Несколько часов спустя я нахожусь на своем обычном для вечера пятницы месте — дома у Трейси. Лежу, растянувшись на ярко-оранжевом ворсистом коврик, который мы купили в магазине «Target» — ждём Роберта и Мэтта, чтобы пойти в пиццерию «Cavallo's». Я очень ловко избегаю разговоров о Джейми, хотя чувствую, что просто лопну, если не буду о нем говорить. Он был таким милым, а я всё испортила. Мне хочется узнать мнение Трейси — я действительно ему нравлюсь или он всего лишь меня жалеет, но судя по тому, как она на него посмотрела сегодня в читальном зале, Джейми ей явно не симпатичен. Поэтому проще ничего не говорить.

Сегодня, как и ожидалось, на повестке дня у нас с Трейси три вопроса: её девственность, Роберт и её отбор для команды чирлидинга. Честно говоря, мне не верится, что Трейси собирается стать чирлидером «Юнион Хай». Ведь наша команда — не из тех потрясающих, супер-атлетических конкурсных команд — они не делают заднее сальто в прыжке с безумно высокой акробатической пирамиды после первого тайма. Их самая акробатическая «фишка» — синхронный взмах волосами. И потом, быть чирлидером в нашей школьной команде — совсем не то, что быть чирлидером в частной школе... Здесь это не поднимает тебя на верхушку пищевой цепи. Да, некоторые из чирлидеров — красавицы, которые тусуются с крутыми ди-джеями, но многие — совершенно обычные девочки, которые просто умеют танцевать. Кто-то из них умён, кто-то — нет. У кого-то есть деньги, у кого-то — нет. Другими словами, далеко не все они популярны. И в конце концов, у чирлидеров в «Юнион Хай» довольно распутная репутация. По крайней мере, я однажды слышала это от Питера.

Поэтому, даже если Трейси попадет в команду — а я в этом не уверена — она не получит автоматический доступ в элиту «Юнион Хай». Но я не собираюсь ей об этом говорить. Она просто обзовет меня снобом. И в некоторой степени будет права — ведь я все-таки считаю, что чирлидинг в «Юнион Хай» — это пустая трата времени для девочек-подростков.

Но всё же лучше обсуждать чирлидинг, чем девственность.

— Не думаю, что в пятнадцать слишком рано ее терять, правда, же?

Я ненавижу эту часть беседы.

— Я не знаю, — бормочу я.

— Ты всегда говоришь так.

Ну, что я знаю? Я не могу себе представить, что позволяю парню увидеть меня голой, не говоря уже о том, чтобы позволить ему сделать это со мной, пока я голая. Так что я действительно не знаю, что и думать. Я не хочу думать об этом вообще, большую часть времени. Которая заставляет меня думать, что четырнадцать лет, вероятно, слишком рано. А пятнадцать лет действительно сильно отличается от четырнадцати?

— Может быть, я должна принимать таблетки, — говорит она.

Я чуть сквозь землю не провалилась. Внезапно почувствовала себя так, словно ей тридцать лет, а я ещё детсадня.

— Трейси, ты не можешь принимать таблетки.

— Почему нет?

— Ты знаешь почему. Ты должна использовать презервативы. Без них слишком

опасно, — я говорю.

— Ты такая параноидальная в том, что касается секса, Розы. Ты всегда была такой. Лучше расслабься.

В этом она тоже права. Я напоминаю параноика, если речь заходит о сексе. Наверно, потому что мой старший брат за день до отъезда в колледж решил поведать мне обо всех опасностях секса. Точно не знаю, почему Питер так серьезно к этому отнесся, но могу предположить, что он чувствовал себя обязанным восполнить родительскую пустоту. С тех пор, как умер папа, мама перестала быть «доступной» или «настоящей» или как там еще они говорят. Звучит забавно, так как она психотерапевт. Специализируется на подростковой психологии. Когда она разговаривала со мной в те дни, она использовала свой особый «терапевтический» голос, который я переставала воспринимать практически мгновенно.

Благодаря ее работе, у нас дома достаточно книг для подростков, и я могла бы найти ответ практически на любой свой вопрос, если бы поискала. А я не ищу. Видимо, поэтому Питер позвал меня в свою комнату, чтобы поговорить о сексе, пока он собирал вещи.

Он слушал Coldplay, и я предположила, что он хочет раскритиковать альбом и объяснить, почему Крис Мартин, по его мнению, был таким халтурщиком. Но нет.

— Никогда в жизни не позволяй парню уговорить тебя на секс без презерватива, — заявил Питер абсолютно без предупреждения. Я застыла на месте в центре его комнаты. — Он будет пытаться объяснить, что ничего не почувствует, и что для вас обоих будет лучше им не пользоваться, но он просто эгоистичный засранец. Ты можешь заразиться всеми половыми болезнями. У девушек от секса бывает даже рак шейки матки. Поэтому не слушай этих неудачников, которые твердят, что у них не встанет с презервативом. Такого не бывает с парнями, пока они, типа, не состарятся. И не принимай таблетки ни из-за кого. Ты еще узнаешь обо всех этих вещах на уроках мисс Масо — она крутая.

Питер чертовски меня напугал, даже несмотря на то, что я не поняла половину из сказанного. А может быть, я именно из-за этого так перепугалась. Я плохо представляю, что такое шейка матки. Несмотря на мой вышеупомянутый аномально огромный словарный запас, я могу иногда намеренно притвориться немой.

Трейси соскочила с кровати и подошла к большому зеркалу, чтобы посмотреть, как выглядит ее попа в новых джинсах от Rock & Republic — в очередной раз. Как будто мы собираемся на показ мод, а не в пиццерию. Я вдруг заметила, что все её плакаты с парнями из музыкальных групп исчезли. Стены просто пусты. Не могу в это поверить, учитывая, сколько времени, мы потратили, вешая и перевешивая их на стены в прошлом году. Я только открыла рот, чтобы спросить о плакатах, когда она сказала:

— Мэтт хочет, чтобы я принимала таблетки.

У меня в голове зазвучали слова Питера о парнях, которые не хотят пользоваться презервативами, и мне сразу же захотелось прибить Мэтта.

— Это безумие, Трейси. Зачем?

— А как насчет того, чтобы не забеременеть? Таблетки защищают лучше презервативов, ты же знаешь.

— Но они не защищают от инфекций.

— Розы, мы с Мэттом — девственники. Он ничем меня не заразит.

Видимо, я не единственная, кто намеренно иногда притворяется немой.

Слова всплывают в моей голове, и я знаю, что не должна произносить их вслух. Но я как бы не могу ничего с собой поделаться в эти дни. Если я хочу что-то сказать, я говорю это, к

лучшему или к худшему.

— Ты действительно знаешь, что он никогда не делал этого раньше, Трейси?

Она отворачивается от зеркала и смотрит на меня с подозрением.

— Ты знаешь что-то, о чем не знаю я?

— Нет!

— Потому что если ты знаешь, Роза, то тебе лучше сказать мне это сейчас...

— Не знаю! Но я просто спрашиваю, Трейси, как ты узнала, что Мэтт — девственник?

— Потому что он мне сказал. А я ему верю, — медленно произнесла она, как будто говорила с человеком, не знающим английский.

Могу уже сказать, что ей потребуется несколько дней, чтобы простить мне это.

— Ладно, ладно, извини.

Она пристально посмотрела на меня, затем повернулась обратно к зеркалу и принялась расчесывать свои прямые каштановые волосы настолько яростно, что я поразилась, как они еще остаются у нее на голове.

— И он не собирается меня обманывать.

По крайней мере, она учитывает такую возможность. Хороший знак, даже если она в это не верит.

— Я просто говорю, что всякое бывает. И защитить себя никогда не помешает. — В этот момент я поразила саму себя — это выглядело так, словно я знаю, о чем говорю. Забавно, ведь Трейси гораздо опытнее меня, о чем она любит часто напоминать. Хотя весь её «опыт» она приобрела этим летом. А точнее, в прошлом месяце.

Внизу раздался звонок в дверь, и мама Трейси позвала нас, говоря, что мальчики уже здесь. Трейси закончила подводить глаза еще жирнее и вышла из комнаты, не сказав мне ни слова. Я взяла сумку, которую она мне одолжила, настояв на том, что с рюкзаком я выгляжу как идиотка, и последовала за ней. Это определенно будет одна из худших ночей.

* * *

В «Cavallo's» полно народа. Мэтт остановился поболтать со своими друзьями из команды по плаванию — они учатся в выпускном классе, и они просто огромные. Если бы я их не знала, решила бы, что они на стероидах. Но как я заметила в последние четыре дня, между 14-летними и 18-летними существует довольно большая физическая разница. И это делает спортивные соревнования в старшей школе похожими на анекдот. У парня из выпускного класса, который на днях проводил собрание для команды по кроссу, ноги длиннее моих как минимум в два раза.

Мой папа считал, что беспокоиться не стоит. «Важна не длина ног, а длина шага», — говорил он. Он всегда советовал мне делать большие шаги, когда мы вместе бегали. Папа совершил ошибку, взяв меня смотреть полумарафон, когда мне было девять — именно там и тогда я решила, что буду участвовать в забеге в следующем сентябре. Он пообещал меня натренировать, и на самом деле все лето опаздывал на работу, бегая вдвое дольше, чем я когда-либо бегала. Мы выбегали из дома рано утром, пока не становилось слишком жарко. Конечно, папе требовалось некоторое время, чтобы вытащить меня из постели, поэтому мы никогда не начинали так рано, как ему хотелось. А потом, чем дольше мы бежали, тем сильнее я замедлялась, и ему приходилось возвращаться из-за меня. Не думаю, что ему было

весело, но он гордился мной, когда я, в конце концов, поучаствовала в забеге. Я бежала целую вечность, но пробежала всю дистанцию. И была самой младшей девочкой, участвующей в забеге в том году.

Я не бегала с тех пор, как папа умер. После того, как мама в миллионный раз спросила меня, когда я снова начну бегать, Питер отвел меня в сторону и сказал, что я не должна бегать, если сама не захочу. Но я захочу. И буду... Я думаю.

Мы с Робертом заняли столик, но Трейси кружила вокруг Мэтта, пока не поняла, что он не собирается знакомить ее с пловательными гигантами. Тогда она вернулась к нам, пытаясь выглядеть довольной, но выглядела она рассерженной. И грустной, к тому же.

— Итак, Роуз, — сказала она. По тому, что она назвала меня Роуз, а не Розы, я поняла, что влипла. А еще по тому, что она не говорила со мной с тех пор, как мы вышли из ее комнаты. — Я сегодня видела тебя с тем парнем на парковке возле школы.

Роберт посмотрел на меня. Официантка с невероятно пышным начесом на волосах подошла, чтобы принять наш заказ. Она известна тем, что требует от детей оплату, включая чаевые, прежде чем принести заказанное. Мы, должно быть, выглядели солидно, так как заказали пиццу и газировку, и она удалилась.

— С каким парнем? — спросил Роберт.

Я уставилась на Трейси. Вот как она собирается отомстить за мои слова о том, что Мэтт, возможно, не рыцарь в сияющих доспехах. Я поняла, что у нее была эта информация еще днем, но она скрывала ее от меня. Несомненно, Трейси внимательно смотрит «Сплетницу» и оттуда узнает, как обращаться с друзьями словно с отбросами.

— Джейми Форта. Ты села в машину к Джейми Форта, — сказала она. Как интересно — когда это удобно для нее, она знает его имя. Она впила глазами в Роберта, ожидая его реакции. Он, видимо, выглядел достаточно удивленно или обиженно, потому что она казалась удовлетворенной. Я решила сосредоточиться на доске с меню, висящей над прилавком, хотя мы уже все заказали, и я знаю его наизусть.

— Что, чёрт возьми, ты делала с Джейми Форта? — спросил Мэтт, только что севший за наш столик. — Этот парень такой неудачник. Я слышал, он пытается окончить школу уже года три или типа того.

Раньше мне нравился Мэтт, ещё в восьмом классе. Но этим летом, когда он начал предварительные тренировки с командой по плаванию, что-то изменилось. Он стал с ними тусоваться и теперь думает, что он такая важная персона, а это раздражает. Я возненавидела его, когда поняла, что он давит на Трейси, чтобы заняться сексом. Но сегодня, прямо сейчас, я снова возненавидела его — уже совсем по другой причине.

— Он младше, Мэтт. И ты о нем ничего не знаешь.

— Но с ним точно что-то не так, — сказал Мэтт. — Он кретин.

— Ты знаешь его, Роуз? — спросил Роберт.

Официантка принесла четыре газировки. Мэтт полез за кошельком, но она по-прежнему не просила заплатить. Он выглядел озадаченно. Я сделала небольшой глоток напитка, пытаясь выиграть время.

— Розы? — позвал Роберт.

— Да, — наконец ответила я, икнув от пузырьков газа. — Он был в одной хоккейной команде с Питером.

— Питер его знает? — спросила Трейси, слегка покраснев. Мэтт строго посмотрел на Трейси. Она безответно влюблена в Питера с того дня, как стала моей лучшей подругой.

Совпадение? Сомневаюсь. Но возможно, это просто моя циничная сторона характера.

— Джейми однажды отвез Питера домой, когда Бобби Пассео переехал ему руку. — Я знала, что никто из присутствующих понятия не имеет, кто такой Бобби Пассео, но, может быть, он поможет уйти от этой темы.

— Джейми странный, — сказала Трейси, не обращая внимания на Мэтта. — Что он от тебя хотел?

Мы ушли от темы слишком далеко.

— Ничего. Трейси, он имеет право со мной поговорить. Он даже имеет право подвезти меня до дома.

— Он старшекласник, — встревоженно произнес Роберт.

— Ну и что? Разве нам нельзя говорить с людьми не из нашего класса?

— Наверно, он чего-то от тебя хотел, — снова сказала Трейси.

— Ничего. — Я твердо решила ничего ей не говорить. Отплачу ей той же монетой.

— Ну и отлично. Не рассказывай мне, если не хочешь, — огрызнулась она.

— Тут и рассказывать не о чем, — огрызнулась я в ответ.

Теперь парни следили за нашим диалогом, как за игрой в теннис. Мэтт казался изумленным, а Роберт — смущенным. Трейси в упор посмотрела на меня, а затем разыграла свою козырную карту. На самом деле, я не знала, что у нее есть козырная карта, но она была.

— Он гуляет с Региной Деладдо, которая дружит с Мишель Виченца. Они обе в отряде, — сказала Трейси, используя ее любимое, на редкость раздражающее, название команды чирлидеров. — Мишель — капитан, а Регина — лейтенант.

Нужно жить в глухом подземелье, чтобы не знать, кто такая Мишель Виченца. Она королева дискотек и встреч выпускников в «Юнион Хай». И это продолжается уже четыре года. Она, наверно, родилась сразу с этим титулом. Каждая девочка в «Юнион» тайно — или не тайно — хочет быть Мишель. Она встречается с Френки Кавальо, который окончил институт два года назад и теперь управляет «Cavallo's» — бизнесом его семьи. Питер познакомил меня с Мишель в прошлом году на его выпускном. Я думаю, она самая красивая девушка из всех, кого я видела.

Но я понятия не имею, кто такая Регина Деладдо.

И почему вдруг оказалось, что Трейси знает всё о Джейми Форте, когда она две минуты назад называла его «тот парень».

Официантка принесла нашу пиццу и передвинула тарелки на столе, чтобы пицца там поместилась. Я рада, потому что мне нужно время чтобы смириться с фактом, что Трейси знает о Джейми больше, чем я. А из-за того, как она выдает эти сведения, мне хочется ее убить. Откуда Трейси узнала, что Регина Деладдо ходит на свидания с Джейми? Должно быть, она выискивала информацию с того момента, как мы пошли в школу во вторник.

Джейми встречается с чирлидершей? У меня даже голова заболела.

Я очень-очень стараюсь сидеть с бесстрастным лицом.

— Ого. Я знаю её. Она кажется немного... — Он отхлебнул свой напиток, ища подходящее слово.

— Ненормальной? — сказал Мэтт, качая головой и откусывая пиццу. — Прикиньте, какво трахаться с такой хищницей, — добавил он. Роберт чуть не подавился газировкой. Трейси уставилась в стол.

Мэтт — девственник? Да-да. Ещё бы.

— Они идеально подходят друг другу, — продолжил он. — Оба идиоты.

Во второй раз за один вечер я поняла, что сейчас наговорю лишнего, но не смогла сдержать вырвавшиеся слова.

— Только потому, что ты все лето напивался со старшеклассниками, ты считаешь себя умнее всех?

Мэтт медленно положил на тарелку кусок пиццы.

— В чем проблема?

— Моя проблема, Мэтт, в том, что ты ведешь себя как ничтожество. И это продолжается уже два месяца.

— Что-то еще? — спросил он.

Я в ударе, а когда эта новая я в ударе, ничто меня не остановит. А это классно — говорить то, что думаешь.

— Да, действительно, что-то еще. Прекрати обращаться с моей лучшей подругой как с грязью. Представь ее своим друзьям, когда ты с ними разговариваешь, и пусть она стоит рядом с тобой. А ты, видимо, хочешь...

— Перестань! — закричала Трейси, сильно пиная меня под столом. Мэтт перевел взгляд от меня на Трейси и обратно, затем встал из-за стола и пошел к своим плавательным гигантам. Глаза Трейси наполнились слезами.

— Ты не можешь говорить все, что хочешь, что бы ни случилось с тобой этим летом, — прошипела она, схватила свою сумку и демонстративно направилась к выходу. Мэтт смотрел, как она уходит, но не пошел за ней. А мне вдруг стало безумно неловко.

— Хорошая работа, — сказал Роберт.

Я попыталась мысленно вернуться назад и сообразить, что меня задело и заставило вести себя так. Вернулась официантка.

— Ты младшая сестра Питера, верно? — спросила она. Я кивнула. — Очень жаль твоего папу, милая. Газировка за счет заведения.

Она положила счет на стол и удалилась. Если бы я была в хорошем настроении, посмеялась бы над тем, что один умерший папа равен четырем бесплатным газировкам в «Cavallo's».

— Розы, я думаю, тебе стоит пойти за ней, — предложил Роберт, взяв счет, с незажженной сигаретой во рту. — И, может быть, извиниться.

Он прав. Мне стоит. И я пойду.

Слезливый (прилагательное): печальный, вызывающий слезы
(см. также: быть плаксой)

Джейми не появлялся на уроках самоподготовки с пятницы. Сегодня среда. С начала этой недели я сижу на этих уроках и притворяюсь читающей «Сепаратный мир», а сама пытаюсь придумать, что ему сказать — нечто такое, что исправит ошибку, которую я совершила в пятницу, глупо сделав вид, будто не знаю его имени. Звучит позорно, но я не привыкла самостоятельно находить ответы на подобные вопросы. Обычно я обсуждаю это с Трейси, но теперь не могу так поступить.

В пятницу вечером я побежала за ней, догнав ее за несколько кварталов до ее дома. Я сказала, что прошу прощения за свой поступок, но действительно думаю — Мэтт вел себя как ничтожество. Она не согласилась, но и не возразила, и с тех пор у нас перемирие. Она не задает больше вопросов о Джейми, и я не собираюсь заговаривать о нем. Ей нужны ответы, а у меня их нет.

Я оглядела кафетерий и увидела ее — сидит рядом с Мэттом и смотрит на него с обожанием, в то время как он едва обращает на нее внимание, как обычно. Она помахала мне рукой, и если бы меня спросили, я бы ответила, что ей нравится видеть меня, сидящей в одиночестве. Новичкам, чьи фамилии находятся в конце списка, всегда не везет, когда распределяют места для уроков самоподготовки. Тебя засовывают на последнее оставшееся место за столами старшеклассников. Они занимают столы первыми, что считается привилегией, затем распределяются места среди десятиклассников, и только потом — среди новичков. Новички из начала алфавитного списка все вместе занимают несколько оставшихся столов, но ребята из конца списка — например, кто-нибудь по имени вроде Роуз Царелли — получают места по остаточному принципу. Так мне и достался один стол на шестерых, где я сижу с Джейми и Энджело.

Я помахала Трейси в ответ, но она нахмурилась, заметив кого-то позади меня. Я обернулась.

— Привет, Свитер. Я принёс тебе деньги.

Сегодня Энджело побрился, но это получилось у него не особо хорошо. По всему лицу были капельки засохшей крови, а щетина уже начала прорастать снова.

— Ой. Мм, всё нормально. Ты не должен мне их возвращать.

— Правда?

— Оставь себе. Мне они не нужны.

— Мне они тоже не нужны, Свитер.

— Нет, я имею в виду, что мне не нужны сегодня деньги.

— Так и мне тоже. Ты что, думаешь, я бедный, или типа того? Вчера я сам платил.

— Я имею в виду, что моя мама никогда не выгоняет меня из дома, пока я не позавтракаю, и всегда дает мне деньги на обед, — ответила я и сразу же вздрогнула от того, что сказала «деньги на обед» — разве я не могла сказать просто «деньги» без объяснения на что? Нет, конечно, нет. — Мм, так что можешь оставить их на случай, если твоя мама снова так делает.

Он ничего не говорит.

— Я..Я не имела в виду. Прости.

— Откуда ты знаешь?

— Ну, мм, ведь так было в пятницу.

— Я рассказал тебе об этом?

— Не совсем.

— Я говорил с Джейми, — с подозрением произнёс он.

— Да, но я тоже здесь сидела.

— Да уж, наверно. — Он наклонился ко мне, и я отметила, что сегодня он не воспользовался дезодорантом «Ахе». — Ты слушаешь даже когда притворяешься, что не слышишь, правда, же?

Он снял пиджак, швырнул его на стол и остался в футболке с группой «Металлика» — такой же потрёпанной, как его футболка с «Нирваной». Из кармана пиджака выпала зажигалка. Он ухмыльнулся.

— Что-нибудь будешь? Сегодня я покупаю.

— Нет, спасибо.

— Точно? Я беру кофе для Джейми.

Внутри у меня всё подпрыгнуло, как во время катания на американских горках.

— Он здесь?

— Ага. Даже проф-тех парни могут прогуливать только до того, как их поймают.

— Где он? — слишком быстро спросила я. Энджелло, который уже пошел к прилавку, остановился.

— На улице, — ответил он, глядя на меня очень заинтересованно. — А почему ты спрашиваешь? Соскучилась?

Я покраснела, ведь я так старалась не уделять этому столько внимания.

— Просто подумала, что он здесь, вот и всё.

— Ты его ждешь.

— Нет, я не...

— Что за дела у вас двоих? Ты в этом участвуешь? — Он сел и сильно хлопнул меня по плечу. — Давай, ты должна мне рассказать. Я всё о нём знаю. Он не обидится.

— Почему ты спрашиваешь меня, если всё о нём знаешь? — спросила я, на миг, почувствовав что-то вроде гордости за себя.

Пока смысл сказанного доходил от ушей до мозга, он выглядел несколько озадаченно.

— Ну да, я не всё о нём знаю. Но он рассказывает мне обо всех девчонках, с которыми спит, поэтому ты можешь сказать мне, если с тобой тоже.

Я была не готова к ревности. Во рту у меня пересохло. На его лице медленно растянулась улыбка.

— Ты только посмотри на себя. Ты вся взбесилась из-за того, что у него есть другие девушки.

— Я не взбесилась. Меня это не волнует. Он может делать все, что он, блин, захочет. — Я решила, что если вставлю словечко на «б», фраза прозвучит лучше, но на самом деле у меня совсем нет практики использования таких слов, так что это прозвучало тупо.

— Да вы двое этим занимаетесь! Он уже раздавил твою «вишенку»? — спросил он, поставив кавычки в воздухе. — Кстати, сколько тебе лет?

Я поразила саму себя, начав плакать. Слезы появились ни с того ни с сего. Они заполнили мои глаза, и я поняла, что если я моргну или переведу взгляд, слёзы польются на стол. Поэтому я опустила голову, пытаюсь успокоиться и сохранить нетронутой мою последнюю каплю гордости.

Он снова меня подтолкнул, на этот раз чуть послабее.

— Свитер, давай подробности, — заговорщически произнёс он. — Джейми все равно мне расскажет.

— Расскажет тебе что?

Я хотела увидеть Джейми пять долгих дней, поэтому теперь я могла бы извиниться и расставить все точки над *i*. В любой другой момент я бы поблагодарила Бога за то, что он появился и отвлек Энджело от меня и от обсуждения моей «вишенки». Но прямо сейчас я бы лучше отвечала на тест, к которому не готовилась, чем смотрела ему в глаза. Я сделала огромную ошибку, немного повернув голову, и крупная слезинка упала на стол. Я подняла голову. Упало ещё две слезинки. Энджело, к его чести, выглядел несколько огорченным моими слезами.

— Я только пытаюсь уговорить Свитер рассказать мне, что происходит, и всё. Я ничего не сделал. Клянусь, Джейм. Я не трогал её, ничего в этом роде. Ну, я хлопнул её по плечу, но не сильно. Я же не сильно тебя стукнул, да?

Я не могла ответить, хотя мне было плохо от того, что ему плохо. Мы все просто сидели. Мальчишки-подростки не знают, что делать с плачущей девочкой. И даже сама плачущая девочка не знает, что ей с собой делать.

— Джейм, я пойду, возьму кофе.

— Да, иди.

— Ненавижу, когда девчонки из-за меня плачут. Чёрт, — сказал Энджело. Он ушел, оглянувшись через плечо, совершенно растерянный.

Весь кафетерий, казалось, замолчал, когда Джейми сел напротив меня.

— Что он сказал?

Я мысленно твердила инициалы, нацарапанные на поверхности стола. Дж. Х., Дж. Г., С.В., С.Р., Т.Р. Горло так сильно сжималось от попыток не расплакаться, что начало болеть, как при самой сильной ангине, и я боялась предположить, на что будет похож мой голос, когда я заговорю. Более того, я старалась, чтобы у меня не потекло из носа прямо перед ним.

— Роуз. — Обожаю, как он произносит мое имя. Оно исходит откуда-то из груди, и в нем четко слышится «з», а не «с». Наши глаза встретились — он выглядел настолько обеспокоенным, что я чуть не начала плакать снова. — Что он тебе сказал? Это связано с твоим папой?

Было бы гораздо проще объяснить мою реакцию, если бы я заплакала из-за папы. А может, так и было, я же не знаю. Мама предупреждала меня своим раздражающим терапевтическим голосом, что я могу заплакать из-за него, даже не осознавая, почему я плачу. Возможно, именно это сейчас и случилось.

Джейми протянул руку, но остановил её недалеко от меня и положил на стол. Его большой палец был испачкан чернилами, но во всём остальном руки были безупречными. Красивыми. Сильными. Сквозь тонкую кожу просвечивали вены. Мне захотелось провести по ним пальцем. Уверена, что его предплечья выглядят так же. Мысленно я уже поднимала его рукав, чтобы взглянуть.

Я помотала головой и вытерла слёзы с лица.

— Энджело меня просто расспрашивал, — ответила я.

— О чем?

Я делаю глубокий вдох.

— О тебе.

— Обо мне?

— Он хотел узнать, занимаемся ли мы с тобой сексом. И была ли я девственницей. — Это слово запустило мой механизм краснения на полную мощность. Не могу поверить, что выношу проблему своей девственности на обсуждение, но я хочу, чтобы он услышал мою версию этой истории — неизвестно, что этот чертов Энджело ему наговорит.

Джейми слегка улыбнулся.

— Просто у него никого нет, поэтому он хочет знать, чем занимаются другие, — он убрал руку со стола. — Дело не в том, что мы с тобой чем-то занимаемся.

Побежала еще одна слезинка, надеюсь, последняя, и я вытерла ее до того, как она скатилась на скулу.

— Ты из-за этого так расстроилась? — спросил он.

Я кивнула. И все могло бы на этом закончиться. Я могла бы остановиться. Но слова сами вырвались у меня изо рта.

— Он сказал, что ты рассказываешь ему обо всём, обо всех девчонках, с которыми ты... Моё горло снова сжалось, и я не смогла закончить предложение, не говоря уж о том, чтобы спросить о Регине.

— Обо всех девчонках? О каких девчонках? Ты видишь вокруг меня девчонок?

— Он сказал, что ты... что у тебя много девушек.

— Не обращай на него внимания.

— У тебя не много девушек?

Он с нежным любопытством посмотрел на меня и хотел что-то сказать, когда до меня дошло, что я ждала пять дней, чтобы извиниться.

— Извини, Джейми, — выпалила я.

— За что?

— За тот случай. В твоей машине. Я знала, как тебя зовут. Я знаю твоё имя с седьмого класса. Но я была слишком...

Энджело положил между нами кофе для Джейми и пончик.

— Пончик для тебя, Свитер, — сказал он и сел на другой конец стола, специально отвернувшись от нас. Джейми взял кофе и встал.

— Я пошел на улицу. — Я не совсем поняла, кому он это сказал. — Энджело, — строго позвал он. Энджело быстро вскочил, не говоря ни слова и не глядя на нас.

Я смотрела, как они идут к выходу. Энджело с сигаретой во рту резко распахнул дверь и удалился. Джейми повернулся, и мне показалось, но я не уверена, что подмигнул мне. Не успела я улыбнуться, как он вышел. Я была настолько измучена и смущена, что даже не смогла съесть пончик.

Увиливать (глагол): уклоняться от правды.

(смотри также: врать как тупица).

— Эй, подожди! — услышала я крик Роберта по пути в школу. Середина октября. На улице холодно, я несчастна, и Роберт — последний человек, с которым я хочу говорить. Я добавила громкость на iPod и ускорила шаг под старомодных «Public Enemy», кричащих мне в уши — Питер бы мною гордился.

Если кто-нибудь попытается понять, кто я, основываясь исключительно на музыке в моем iPod, у него ничего не выйдет. «Public Enemy» стоит в плейлисте перед «Pussycat Dolls» и после Патти Гриффин. Я люблю «Florence + The Machine» так же, как Рианну, а «White Stripes» — так же, как «Black Keys». Я горжусь своим широким музыкальным кругозором, в котором так много от Питера и, возможно, совсем немного от меня.

— Эй! — снова крикнул Роберт. Я обернулась. Он пытался меня догнать. Я побежала, рюкзак сильно хлопал меня по лопаткам.

— Роза! Постой!

В этом году все идет не так, как нужно, и это чрезвычайно меня бесит. Трейси стала одной из двух новеньких, попавших в команду чирлидеров, и полностью отказалась от наших пятничных вечеров в «Cavallo's» из-за тусовок со своими подружками из «отряда». В расписании Джейми заменили урок самоподготовки спецкурсом по английскому, и теперь я вижу его только в коридоре на переменах, если вообще вижу. По утрам Энджелло грузит меня своими разговорами, и это просто сводит с ума. А вчера я не попала в команду по кроссу.

Отбор в команду был катастрофой, ночной кошмар любого бегуна стал явью. Мои ноги не работали. Время истекало — мне пришлось приказать мозгу, чтобы он заставил ноги двигаться. А когда они задвигались, я не смогла поднять их достаточно высоко, чтобы делать нормальные шаги, как будто мои кроссовки были из металла, а под землей лежал гигантский магнит. Не могу сказать, что я бежала плохо — я вообще словно разучилась бегать. До отбора я была полностью уверена, что меня не возьмут в официальную команду, но, несомненно, примут в состав запасных. Я имею в виду, что бегала на длинные дистанции, когда мне было девять — как меня могут не взять в запасные? Но я полагаю, тренер предпочитает запасных, которые умеют ставить одну ногу перед другой, чего я сделать не могу.

И в завершение всего, теперь я точно знаю, кто такая Регина Деладдо, потому что мне приходится отсиживать миллионы футбольных матчей, наблюдая за выступлением Трейси — точнее, пытаюсь наблюдать за выступлением Трейси. Поскольку она новенькая в команде, ее всегда ставят в задний ряд. Не то, что бы меня это волновало. Трейси познакомила меня с Региной после одного из матчей, видимо, чтобы поставить точку в нашем конфликте. Я практически видела облачко с мыслями над головой Регины, в котором было написано: «Трейси, на кой черт ты тратишь мое время, знакомя меня с ничтожным новичком?»

Последнее, но не менее важное, из Списка Отстойных Событий Этого Года: вчера мама сказала, что хочет отвести меня к психотерапевту, чтобы поговорить о панической атаке, которая у меня была летом. Но я даже не уверена, что тот случай в кинотеатре был панической атакой. Может быть, я просто не могла дышать, потому что в помещении была плесень или грибки или что-то в этом роде. Так или иначе, с тех пор я отлично себя чувствую. За исключением того дня, когда я пряталась от Джейми в туалете после уроков. Но тогда это могло случиться из-за сигаретного дыма.

Мне все равно.

Ненавижу свою жизнь. И чувствую, что этим утром буду срывать зло на Роберте.

— Если бы ты не курил, — крикнула я ему, убегая еще быстрее, — ты бы, наверно, смог меня догнать!

— Стой, Розы! Розы, Роуз! Подожди секунду!

Я прекратила свое бегство. Он поравнялся со мной и выбросил сигарету. Я указала на нее. Он остановился, повернулся, растоптал ее и последовал за мной.

— Да ты просто Гуди Два — Ботинок.

— Два — Ботинка. Два. Ботинка. Множественное число.

— Хочешь, я понесу твои учебники?

— Сейчас что, 1950-е? — спросила я.

— Идешь на встречу выпускников?

Я расхохоталась.

— Ты гонишься за мной по улице в 7 утра, чтобы выяснить, пойду ли я на дурацкую дискотеку, до которой еще два месяца? — спросила я, ускоряя шаг. Хорошо осознаю, что я неоправданно язвительна, но ничего не могу с собой поделаться. — Сейчас еще октябрь, Роберт. Встреча выпускников перед Рождеством.

— Да? И что?

Я вздохнула.

— Если ты хочешь меня пригласить, просто пригласи, — стервозно произнесла я. Роберт способен вытащить наружу наихудшие мои качества. Повезло ему.

Дело в том, что все новички уже обсуждают встречу выпускников. Мы начали говорить об этом еще в начальной школе из-за серьезной драки, которая произошла в тот год, когда Питер пошел в старшую школу. Ну и не только из-за этого — еще из-за того, что это будет первая большая дискотека в старшей школе, и она круче, чем обычная вечеринка, на нее придут все выпускники. Но та драка была огромным событием.

В большинстве нормальных школ встреча выпускников проходит в День Благодарения, но «Юнион Хай» пришлось поменять дату после того, как компания выпускников из школ-конкурентов чуть не устроила бунт. Теперь во всех окрестных городах вечеринки планируют так, чтобы две встречи выпускников не проходили в один вечер. В этом году наша будет сразу после рождественских каникул. Драки по-прежнему продолжаются, но, по крайней мере, в них не участвуют болваны из разных школ. Только болваны из одной школы.

— Я не собирался тебя приглашать, — ответил Роберт. — Джейми Форты попросил меня узнать. — У меня вдруг заболели зубы от холодного воздуха, и я поняла, что мой рот широко открыт. — Да. Так значит, это правда.

Если бы я задумалась над этим, я бы предположила, что а) Джейми скорее умрет, чем пойдет на встречу выпускников; б) он никогда не попросит Роберта сделать что-то для него. Скорее всего, он даже понятия не имеет, кто такой Роберт. Если бы я все обдумала, мой рот остался бы закрытым.

— Ты придурок, Роберт.

— Но это правда, разве нет?

— Нет.

— Ты даже не знаешь, о чём я говорю.

— Ну, ладно, и о чем же? — спросила я, настолько злая на него, что мне захотелось оттолкнуть его, как я сделала в шестом классе, когда мы играли в «квадрат» на школьном

дворе. Он хотел толкнуть меня в ответ — точно могу сказать — но вместо этого прочитал лекцию о том, что джентльмен не толкает леди. Он сделал это с плохим британским акцентом, с которым он говорил в школьной сокращенной постановке «Моей прекрасной леди» в том году. С тех пор девочки периодически называют его Генри, и он это обожает — «Добрый день, леди», — отвечает он, подражая Принцу Чарльзу. В средней школе девчонки хихикали, когда он так делал — теперь они закатывают глаза и издеваются над ним. Но он продолжает это делать.

— Я говорю о тебе и Форте, — ответил Роберт, вытаскивая из кармана еще одну сигарету.

— Не кури эти шуки рядом со мной. Еще слишком раннее утро.

— Что хочу, то и делаю.

— Отлично. Начни убивать себя в четырнадцать.

— Пятнадцать. Скоро мне шестнадцать.

— Без разницы. Мне все равно.

— Ты с ним пойдешь на встречу выпускников? — спросил Роберт.

— Почему ты так думаешь?

— Я не знаю. У меня есть ощущение, что ты ему нравишься.

— Я ему не нравлюсь, Роберт. Он даже меня не знает. — Моё лицо начало краснеть.

— Я его вчера видел — он наблюдал за тобой на спринтерском отборе.

Я была поражена, но не настолько, чтобы не поправить Роберта.

— Это был кросс. Спринт будет весной.

— Ну да, но ты же бежала по стадиону.

— Где ты его видел? И что ты там делал?

— Просто был неподалеку, — немного смущенно сказал он. — Я видел, как он шел к своей машине на парковке, и он стоял там, около минуты, смотрел, как ты бежишь.

У меня все настолько перепуталось в голове, что я не смогла вымолвить ни слова. Мысль о Джейми, наблюдающем за тем, как я бегу — это для меня слишком. Попыталась вспомнить, в чем я была вчера. Мои любимые плотные спортивные брюки; футболка с Девендрой Банхартом; старая толстовка с символикой школы «Юнион Миддл». Надеюсь, когда он наблюдал за мной, я уже сняла эту школьную толстовку. Хотя, если так, то мне было жарко, я вспотела, а это не самое привлекательное мое состояние. Понятия не имею, какое самое привлекательное. И есть ли оно у меня вообще.

— Розы, ты знаешь, сколько лет этому парню?

Только не это.

— Почему все так помешаны на том, сколько Джейми лет? Он одиннадцатиклассник.

— Он взрослый одиннадцатиклассник.

— А разве не ты самый старший в нашем классе? Разве не ты скоро будешь первым из класса, кому можно садиться за руль? Разве это ненормально?

Он поднял глаза к небу, сощурившись из-за утреннего солнца.

— Мои заслуги здесь не учли, — пробормотал он.

— Так ты из-за этого снова пошел в шестой класс, когда сюда переехал? Не потому, что тебя оставили на второй год? — спросила я. Он не ответил. — Перестань говорить о Джейми так, как будто ты по умолчанию лучше, чем он, хорошо?

Он закурил, отворачиваясь, чтобы выдохнуть дым в сторону, но продолжая смотреть на меня. Уверена, что он увидел, как Чак из «Сплетницы» так делает, и с тех пор практиковался

перед зеркалом. Я вдруг возненавидела этот глупый сериал.

Хотя я сейчас ненавижу абсолютно все.

— Не знаю, что ты нашла в этом парне. Особенно, когда ты могла бы быть со мной.

У Роберта кристально-голубые глаза и волосы цвета воронова крыла. Несомненно, он симпатичный. В прошлом году он завел стайку маленьких фанаток из театральной студии, которые ходили за ним как древнегреческий хор за актером. Честно говоря, после того как он сыграл Ясона в «Медее», у него появился в буквальном смысле слова древнегреческий хор, который повсюду за ним следовал и сопровождал хихиканьем все его слова и действия. Парадокс в том, что Ясон — определенно не самый благородный персонаж греческой трагедии. Он бросил свою жену Медею ради другой женщины, а она сошла с ума и убила их детей, чтобы ему досадить — точнее, чтобы его уничтожить.

Вы можете подумать, что актер, играющий Ясона, должен стать скорее менее, чем более, привлекательным из-за преступлений его персонажа, но на греческий хор это не повлияло. Возможно, старомодная байкерская куртка и кожаные ботинки, в которых он появлялся на сцене, отменили тот факт, что он играл подонка, изменяющего жене.

Иногда Роберт использовал своих гречанок, чтобы заставить меня ревновать. Ни разу не срабатывало.

В июне Роберт пришел на похороны моего отца. Он сел сзади меня и протягивал мне чистый носовой платок каждую пару минут. Мама навсегда полюбила его за это. Я пробую напоминать себе о его доброте каждый раз, когда хочу послать его к черту. Обычно это кончается тем, что я все равно его посылаю.

— Ты могла бы быть со мной, ты же знаешь, — повторил Роберт.

— Ты — именно то, что мне нужно, Роберт. Отъявленный преступник.

— Воровать из Н&М — не преступление.

— Ты имеешь в виду, что дважды своровать из Н&М — не преступление.

— И это тоже.

У Роберта хреновая жизнь, и иногда он делает плохие вещи. Например, ворует и врёт. Он живет не только с отчимом, но и с мачехой. Его мама от него отказалась, а отец снова женился. Затем отец отказался, а мачеха вышла замуж, и Роберт остался с ней и её новым мужем. Это вообще законно? Понятия не имею. Но, как по мне, это дерьмово. Как бы Роберт меня не раздражал, даже он этого не заслужил.

Он снова устраивает спектакль, затягиваясь сигаретой и выдыхая дым через ноздри.

— Форта ты нравишься.

— Я не из тех девушек, которые ему нравятся. Всему миру он предпочитает Регину Деладдо.

— Трейси говорит, что в тот раз он держал твою трубу и открыл перед тобой дверцу машины.

— Наверно, он хорошо воспитан.

— Не похоже. Он каждый день ходит в школу в одном и том же.

— Такое могла сказать только девушка.

— Так Трейси сказала, — признался он.

— Она бы заметила.

— Сочетание имен «Роберт и Розы» звучит лучше, чем «Джейми и Розы».

Я быстро посмотрела на него, на этого парня, которого знаю с одиннадцати лет, и сейчас он выглядел обиженным. Честно говоря, мне нравится, как звучит «Джейми и Розы».

В «Роберт и Роза» для меня слишком много аллитерации. Но я не буду об этом говорить. Я уже достаточно наговорила для одного дня, а ведь еще только 7:15. Кроме того, мне кажется, не стоит напоминать ему, что такое аллитерация.

— Всегда старалась выбирать близких людей, основываясь на том, как будут звучать наши имена, написанные на стенах уборной, — сказала я.

— Хватит так разговаривать, на литературном английском. — Он схватил меня за плечо, чтобы остановить. — Ты пойдешь со мной на встречу выпускников?

Я знала, что это случится. И хотя я вернулась домой два месяца назад, я немного удивлена, что ему потребовалось так много времени, учитывая то, что он с подозрением относился к Джейми с первой школьной недели, и учитывая то, что мы все знаем, кто с кем собирается идти. Трейси с Мэттом, который все еще не говорит со мной и это хорошо, потому что я не говорю с ним. Стефани собирается с головорезом команды по плаванию, с которым Трейси и Мэтт свели ее прошлым летом, Майком Дарреном. Все знают с кем идти. Кроме меня. И Роберта.

Если честно, я не хочу идти. Я не в настроении для танцев в эти походи-разберись дни. Но я должна пойти, потому что никогда не услышу рассказ от Трейси. Или мамы, если на то пошло. Мама хочет, чтобы я дальше жила, как если бы все по-прежнему было совершенно нормально. Она, кажется, не в состоянии понять, почему я не могу пойти на танцы прямо сейчас. Кажется, она вообще не в состоянии понять меня.

Я смотрю на Роберта.

— Ты обещаешь снова не лгать мне? — спрашиваю, точно зная, что он не сможет сдержать обещание.

— Я ни о чем не врал!

— Ты сказал, Джейми Форта попросил тебя узнать иду ли я.

— Это была не ложь, а тактика.

— Это была ложь.

Он бросает сигарету и тушит ее ботинком из магазина Мартенс Док ^[1]. Интересно, заплатил ли он за эти ботинки или приобрел их на одной из своих «экскурсий».

— Прости, — бормочет он. — Я использовал это как тактику. Это не должно было стать ложью.

Я не совсем уверена, что это значит, но я поняла суть. Я начинаю снова идти. Он следует за мной.

— Я должна надеть платье? — говорю я.

— Было бы неплохо.

— Я должна накраситься?

— Мне всё равно.

— Каблуки?

— Роза!

— Хорошо, я приду.

— Звучит не очень радостно, — говорит он.

— Я не люблю танцы.

— О чём ты? Ты же обожаешь танцевать!

— Танцы и танцевать — разные вещи.

Он закатывает глаза.

— Но ты идешь?

— Да, Роберт. Я пойду.

— Хорошо, — говорит он, выглядя при этом таким счастливым, что это заставляет меня пожалеть, что я сказала «да».

отравлять (глагол): сделать горьким, портить впечатление
(см. также: особенность Регины)

Вечеринка Трейси по случаю Хэллоуина уже отстойная, а она даже еще не началась. Трейси решила бросить все сразу после того, как стала чирлидершей в прошлом месяце. По ее словам, важно, чтобы только пришедшие в их кружок здоровались (или целовались) со старшими девушками. Она выбрала неправильный путь, хотя и сказала, что девушки помладше должны платить их взносы на вечеринку.

Она продолжает верещать о том, какие же красивые чирлидерши на площадке, как будто быть красивым — это самое важное в мире. Я закатываю глаза, а она всего лишь качает головой, как будто я просто не могу понять, насколько все это важно. И она права — я не понимаю. Не думаю, что у нас должны быть чирлидерши, расхаживающие в коротких юбках и повторяющие глупые речевки, сверкая при этом своим нижним бельем, чтобы приободрить парней, не сделав ничего большего, кроме кувырка. Двадцать первый век — разве не должны мы быть более развитыми?

Если бы Трейси не была моей лучшей подругой, я бы не стояла на этой «приветственной вечеринке» в качестве декораций, в то время как она и Стефани заканчивали надевать свои костюмы и искали ключи от бара с алкоголем родителей Трейси. Я была бы дома, возможно, мечтая, чтобы мне разрешили пройтись по домам и собрать конфеты или бы посмотрела что-нибудь по НВО, не спросив разрешения, пока моя мама сидела бы в своем кабинете, делая записи о всех тех сумасшедших детях, которых она выслушала на этой неделе. Или я бы... Я не знаю, где бы еще я была. Я провожу все мое время с Трейси, поэтому трудно представить, что бы я делала бы, если бы она не была моей лучшей подругой.

Родители Трейси впервые оставили ее дома одну, и я знаю, что они больше не сделают такой ошибки. Я пыталась, сказать ей, что эта вечеринка — плохая идея, и что у нее будут серьезные проблемы, но думаю, она больше не слышит меня, когда я что-то говорю. У нее красивый дом, и ее родители собирают антиквариат. Настоящий антиквариат, доставленный из Англии и Португалии. Когда я упомянула об этом Трейси, она просто сказала:

— Именно поэтому мы проводим вечеринку в подвале! Там нет ничего ценного.

Я сдерживаюсь и не спрашиваю ее, запрет ли она всех там, заставив их пройти сквозь маленькие окна, находящиеся рядом с потолком.

Что-то мне подсказывает, что у нас двоих будет непростой год.

Мы серьезно поругались ранее, когда размораживали шоколадные печенья для вечеринки. Она сказала мне, что они с Мэттом собираются сделать это сегодня. Я сказала ей, что 15 — это слишком рано. Ей не понравилось это. Она сменила тему, сказав, что мне нужно найти какое-нибудь занятие, или записаться в кружок, чтобы люди узнали меня.

— Ну, ты знаешь, сейчас меня знают, как чирлидера, — сказала она. — Что они могут сказать про тебя? И не говори «она играет на валторне в школьном оркестре», потому что, прости, но это отстой. — Я засунула конфету в рот, чтобы промолчать. По крайней мере, для игры на валторне требуется талант. Вместо этого я сказала:

— Я бегаю, — на что она ответила:

— Но не в команде, — на что я ответила:

— По крайней мере, бег — это настоящий спорт, не то, что чирлидинг, — на что она ответила:

— Этого достаточно для Регины, а она девушка Джейми.

Я почти ударила её.

Она долго не упоминает Джейми, вероятно, потому что в последний раз, когда она говорила о нем, я ей ничего все равно не сказала. Это ее так разозлило, что она начала писать кому то сообщение прямо посередине нашего разговора, а это сводит меня с ума.

Вот только она не знает, что про Джейми мне нечего сказать. За исключением, может быть, того, что несколько недель назад он наблюдал за мной, по словам Роберта, пока я нарезала круги на стадионе во время разминки. Но теперь, когда мы с Джейми не пересекались в читальном зале, мы больше не говорили. Если он встречается со мной взглядом в коридоре, то может кивнуть в знак приветствия, но это все. Интересно, сбил ли с толку его наш последний разговор. Кажется, я могу это понять — я хочу сказать, что мы даже не знаем друг друга, а я спросила со сколькими у него был секс. Тупица.

— Розы, где костюм? Уже пора, — говорит Стефани, спускаясь вниз в подвал, где я чуть не свалилась со стремянки, подвешивая ненастоящего паука к потолку. Она одета как Лэди Гага. Или, может быть, как Кэти Перри. На самом деле, я не уверена в кого, потому что она обе любят сумасшедшие парики, корсеты, туфли на невероятно высоком каблуке.

— Хм, я не... у меня нет костюма в этом году. — Повесив последнего паука, я замечаю, что голубой лак, которым я нарисовала ногти в честь Хеллоуна, уже почти слез.

— Ты должна нарядиться! Боже мой! Трейси убьёт тебя, если ты этого не сделаешь!

— Я не останусь, Стеф. Я не в настроении для вечеринки.

Стефани шаркает своими фирменными кожаными туфлями на платформе по полу, затем косится на оранжево-черную ленту на потолке, к которой привешены пауки. Она берет синий M&M из тарелки на столе и закидывает его себе в рот.

На самом деле, Стефани одна из самых милых людей, которых я знаю, а это значит, что она часто находится в эпицентре ссор. Мы с Трейси встретили ее в средней школе в прошлом году, когда она переехала из южного Иллинойса со своей мамой, после развода родителей. Она больше подруга Трейси, чем моя, особенно после того, как летом стала встречаться с Майком. Некоторое время я хотела спросить Трейси, почему она с Мэттом не познакомила меня с кем-нибудь летом, но я не уверена, что хочу услышать ответ.

— Ты уходишь потому, что Трейси злится на тебя? — спрашивает она.

Мне нужно обдумать это. Именно поэтому я ухожу? Думаю, я ухожу, потому что не хочу видеть, как Трейси расхваливает своих новых друзей передо мной, потому что я ничего больше не достойна. И потому что она совершит большую ошибку, переспав со своим глупым парнем, едва ли зная, что же такое секс. И потому что он придурок, который, возможно, спит с половиной женской командой по плаванию, когда она не видит.

Мэтт изменился за последнее лето. Трейси не заметила. А я заметила.

— Трейси злится, потому что я сказала ей, что не думаю, что она должна сделать это с Мэттом сегодня.

Стефани снова шаркает ногой, поправляет свою фиолетово-черную юбку в полоску, которая задирается каждый раз, когда она делает вдох. Или выдох. Или двигается. Или думает о движении.

Разве я ханжа? Интересно.

— Ты сказала ей это?

— Я имею в виду, разве 15 не слишком рано, чтобы волноваться об этом?

— Не совсем. Кажется, уже у всех вокруг был секс, кроме нас.

— У кого всех? Кто все? — спрашиваю я, чувствуя тошноту. Неужели я так отстала, и даже не знаю об этом? Неужели я в полном неведении о том, кто занимается им, а кто нет? Часть меня кричит: кому какое дело, а другая часть меня шепчет: трусиха...

— Ну, например Трейси говорит, что все друзья Мэтта, большинство чирлидерш.

— Но они все, — я замолкаю, не сказав: «Они все старше, мы всего лишь девятиклассники», потому что этот спор никуда не приведет. Особенно после моего разговора с Трейси.

— Знаешь что? — сказала я, наконец. — Мне плевать, что там делает Трейси или её новые друзья.

— Да ладно, Роза, Трейси — твоя лучшая подруга. Ты же этого не хотела.

— Она должна сделать это или не должна, но, в любом случае, было бы здорово, если бы она перестала делать из этого такую шумиху. Почему это такое большое дело? — я слышу, как мой голос звучит ниже в подвале, и понимаю, что похожа на ноющую, ревнивую стерву. Что со мной не так?

Я слышу, как Трейси пытается спуститься вниз по лестнице в подвал в своих странных туфлях на каблуках с шипами, и я знаю, что она стояла наверху последние 30 секунд и слушала. Внезапно я устала от себя. Мне нужно больше конфет, если я хочу пережить эту ночь.

Она появляется, одетая почти так же как Стефани. Возможно, они хотели вдвоем быть Леди Гагой или Кэти Пэрри — опять же я не могу сказать точно. Она смотрит на стол, застеленный скатертью с рисунками на тему Хэллоуна, которую принесла я и которая кажется уместной для двухлетних детей, и начинает переставлять все на столе, чтобы закрыть ее. Она поворачивается, смотрит сквозь меня и спрашивает:

— Стефи, ты принесла водку?

— Почти забыла, — говорит Стефани, бегом поднимаясь по лестнице. Затем раздается звонок дверь, Стефани останавливается и кричит вместе с Трейси: — Они здесь!

Трейси взбирается вверх по лестнице за Стефани, крича мне через плечо:

— Оденься, Роза! Сейчас!

— Я одета, — отвечаю я вслед, но она не слушает меня. Она никогда не слышит меня.

Я слышу, как открывается передняя дверь. Раздается громкий визг, который закладывает мне уши, несмотря на то, что я в подвале. Чирлидерши прибыли.

Мне нужно убраться отсюда.

Я практически слышу голос Трейси в моей голове, называющий меня снобом. Она всегда называла меня снобом, с тех пор, как нам было пять, и я сказала ей, что Wiggles тупые. Я не сноб, я просто не хочу провести вечер с новыми лучшими друзьями Трейси.

Вся команда начинает свой спуск в подвал, и мое первое желание — найти место и спрятаться. Но я застываю на месте, когда слышу скрипучий, словно гвозди по доске, голос Регины:

— Поставьте бочку сюда.

Знакомая пара тяжелых ботинок спускается по лестнице позади группы желающих стать поп-звездами в крыльях и каблуках. Появляется Джейми с бочкой. Я и не думала, что он может оказаться здесь. Я так рада видеть его, что улыбаюсь и машу рукой, не обдумав своих действий. Регина стоит на два порожка выше, и я не хочу, чтобы она спрашивала у меня, почему я машу рукой ее парню. Моя рука замирает на полпути, он смотрит на меня, слегка удивленный. Я перестаю улыбаться и отворачиваюсь, в то время как другие девушки

воркуют о том, какой же Джейми молодец, что смог купить бочку благодаря своему фальшивому удостоверению личности.

Мэтт спускается вниз. На нем надета бейсбольная кепка с рогами, а в руках у него форма со льдом. Он осматривает меня и говорит:

— Страшный костюм. Кем ты будешь?

Я хочу послать его подальше, но Стефани вбегает с огромной бутылкой водки и направляется прямо к Трейси, неся бутылку, как будто это бьющееся сердце готовое к пересадке.

— Вот она! — кричит Стефани, перепрыгивая с ноги на ногу и чуть ли не упав от переполняющего ее восторга и проблем с координацией, благодаря своим туфлям. Стефани очень впечатлительная особа.

Трейси берет бутылку и поднимает ее вверх, словно это трофей, в то время как все в подвале — кроме меня с Джейми — кричат как придурки. Я не уверена, почему бутылка с водкой вызывает больший восторг, чем бочка с пивом, но я и не пью. Мне не понять.

Трейси откручивает крышку и начинает выливать водку в блюдо с пуншем.

— Не выливай все сюда, Трейси — сохрани немного на потом! — вскрикивает Регина, сильно ударяя ее по руке. Трейси смущенно смеется, потирая руку. Кто-то включает iPod. Crash Kings начинают играть так громко, что я могу почувствовать вибрации своего черепа. Я затыкаю уши пальцами и понимаю, что веду себя, как старуха.

Регина снова выкрикивает какие-то приветствия чирлидерш, которые отражаются от бетонных стен. Вдруг болельщицы набрасываются на Трейси как ведьмы, которые носили узкие юбки из спандекса и пуш-ап. Они хватают ее и хохочут, пока заставляют лечь на стол. Регина вытаскивает пластиковую воронку из своей бездонной сумки. Мгновение я не могу понять, что она собирается с ней делать — у меня дома мы используем воронку для переливания кленового сиропа из огромной канистры в графин, который смотрится лучше на столе за завтраком, чем канистра. Но здесь нет кленового сиропа, который нужно было бы куда-то перелить.

Регина сует воронку Трейси в рот пока Кристин, ее маленькое злобное протезе и родственная душа, поднимает чашу с пуншем и начинает выливать его в воронку. Не проходит и двух секунд как Трейси не может достаточно быстро проглотить. Все проливается на ее лицо и костюм. Она начинает задыхаться, из-за чего ведьмы смеются еще сильнее.

Я смотрю на Стефани, которая дергает свою юбку и наматывает прядь своих красных волос, выглядывающую из-под ее фиолетового парика. Она всегда так делает, когда не знает что делать. Я смотрю на Мэтта, надеясь увидеть, что у него есть план спасения своей девушки, но он в углу флиртует с Леной, и не имеет понятия, что Трейси пичкают водкой. А может его это просто не заботит. Я топаю к столу с пуншем и выдергиваю воронку изо рта Трейси, опрокинув блюдо с печеньем и сам пунш. Он обрызгивает Трейси.

— Что за черт? — спрашивает Регина, глядя на меня так, будто никто никогда у нее ничего не отбирал.

— Ты задушишь ее! — кричу я.

— Это ее инициирование, сучка, так что отвали, — говорит она тихим, устрашающим голосом.

Я могу сказать, что Регина почти готова выцарапать мне глаза, но все равно стою на своем. Трейси переворачивается, все еще кашляя и отплеываясь, глаза мокрые, ее тушь в три

слоя течет по лицу. Другие болельщицы словно застыли на месте, глядя на Регину, которая смотрит на меня — ожидая сигнала к действиям. Кристин наблюдает за мной так, словно никогда раньше не видела, хотя мы посещали одни и те же занятия почти два месяца. По каким-то причинам она не одета как поп-звезда. Она больше похожа на демоническую принцессу-фею, с радужными крыльями, выглядывающими из-за плеч и неприятным угрюмым выражением лица.

Я подхожу к Трейси и хлопаю ее по спине несколько раз, пытаюсь помочь ей вывести водку из легких. Но ее удушье превращается в хихиканье, и она кружится, крича:

— Ударь меня снова!

Банши вновь кричат и несут к столу.

Внезапно я вижу будущее так ясно, что не могу поверить, что не предвидела его раньше. В этом мире водки и чир-ведьм для меня нет места, и это хорошо потому, что я не хочу в нем быть. По крайней мере, я не думаю, что хочу. Но, возможно, мы могли быть хотя бы друзьями, как прежде.

Как только воронку снова вставляют в рот Трейси, Мэтт и Лена крадутся по лестнице, даже не скрывая того, что они уходят вместе, и это не кажется подозрительным. Регина оставляет ритуал с воронкой своим приспешницам и садится на колени Джейми, сидящему на диване. Мое сердце сжимается. Я не хочу верить, что он был с ней, но если бы он не был с ней, то не позволил бы ей сесть к себе на колени. Не говоря уже о том, что он не был бы в подвале Трейси.

Джейми наблюдает за инициированием Трейси, выглядя так, будто он смущен своим нахождением здесь. А еще так, будто он думает: а не остановить ли мне это безумие? Я понимаю это чувство. А потом без предупреждения он смотрит на меня.

Я не могу отвести взгляд. И, конечно, в это тот самый момент, Регина смотрит на меня. Она не просто смотрит, она одаряет меня пристальным взглядом, затем поворачивается к нему и заставляет себя поцеловать. В буквальном смысле. Она держит его за голову прижимает свой рот к его, обнимая за шею, словно хочет задушить его. В действительности, он не отвечает на ее поцелуй, но и не отталкивает.

Я хочу сорвать с нее глупый бюстье на глазах у всех. Вместо этого я хватаю свои вещи и поднимаюсь по лестнице, ожидая Трейси или Стефани, или кого-нибудь, кто позовет меня и скажет, чтобы я возвращалась. На секунду я даже представляю, как Джейми зовет меня по имени, но, когда я думаю о том, что на его коленях сидит девушка, то уверена, что он забыл обо мне. Внезапно причина, по которой я была так зла на всех и вся эти несколько недель, стала мне ясна: я не понимаю ничего. Правила средней школы целиком и полностью таинственны для меня.

Но все остальные, кажется, понимают их.

Я позволила двери хлопнуться за мной.

отвратительный (прилагательное): очень плохое, скверное, ужасное.

(см. также: Питер)

Нормальное, на первый взгляд, субботнее утро после плохого вечера пятницы. Я сижу на кровати с ноутбуком и смотрю короткий мультфильм о фотосинтезе для проекта по биологии. А потом, внезапно, ни с того ни с сего, ищу в Интернете моего папу.

До этого я несколько раз набирала его имя в строке поиска, но мне никогда не хватало мужества нажать на кнопку «Поиск». Я боялась того, что могла обнаружить. Будет ли это его фотография, которую я ни разу не видела, скрытая всплывающим окошком? А вдруг кто-то выложил видео того взрыва, снятое на телефон? А вдруг я увижу фото, где он мертв? В моей голове уже достаточно картинок — неужели мне нужно еще больше?

Однако сегодня, не успев даже все обдумать, я напечатала «Альфонсо Царелли» и нажала «Поиск».

Мультик о фотосинтезе исчез с экрана слишком быстро, и его сменила страница с результатами поиска. Google заявлял, что по запросу «Альфонсо Царелли» есть около восьми тысяч результатов, но большинство из находившихся на первых страницах не имели ничего общего с моим папой. Листая дальше, я увидела ссылки на новости о взрыве и сайт компании, в которой он раньше работал, где упоминалось его имя. Ничего странного или неожиданного — пока я не увидела мемориальные сайты.

Сначала я была в замешательстве — почему его имя указано на страницах, посвященным умершим людям, — не хочется принимать это, хоть оно и верно, и написано прямо передо мной. Но я не могла перестать смотреть и читать, и постепенно поняла, что речь идет о солдатах и контрактниках, погибших вместе с моим папой. Их друзья и родные создали сайты в память о них и потратили время, чтобы указать имена всех, кто погиб во время взрыва.

Как я зашла так далеко, даже не думая об этих людях? Я не знала никого из них. Я даже не представляю, знал ли их папа — ведь он мог просто ехать с ними, как с попутчиками в электричке или автобусе, которые, если встретятся на следующий день, понятия не будут иметь, что уже видели друг друга вчера. Так стоит ли мне переживать из-за того, что никогда не задумывалась о них до этого момента?

Я решила, что да. Стоит.

Я перешла на сайт, посвященный 21-летнему сержанту. На главной странице три его фотографии: фото с церемонии выпуска из военной академии в Калифорнии; изображение его в униформе, сидящего рядом с девушкой, которая, похоже, смеется над его словами; фото с похорон, устроенных его отрядом — винтовка, торчащая из песка, с надетой на приклад каской. Еще ссылки на письма от его отца, сестры, лучшего друга — некоторые написаны при его жизни, некоторые — после смерти, и письмо, которое он отправил по электронной почте сестре за ночь до взрыва. Затем идет страница с описанием того, что происходило с его отрядом в день, когда он погиб, и список людей, которые были убиты вместе с ним.

Мой отец был одним из них.

Я захлопнула ноутбук и бросила его на кровать. Посмотрела на часы. Пора звонить Питеру. Мы всегда созваниваемся по субботам около одиннадцати.

Обычно, когда мы говорим по телефону, я могу сказать, что он вытягивает информацию о том, как у меня дела. Он никогда не верит, если я говорю, что все хорошо. Но я все понимаю — я тоже не верю ему, когда он так говорит о себе.

Иногда он не просыпается, когда я звоню, поэтому я оставляю ему абсолютно неопределенное и непонятное сообщение самым странным голосом, какой могу изобразить, и он перезванивает позже. Сегодня он сразу же взял трубку, после первого гудка — это хорошо, потому что у меня сейчас нет желания придумывать странные голоса.

— Розы?

— Привет.

— Звучит не очень хорошо, — сказал он грубоватым голосом, слегка откашлявшись.

— Звучит так, как будто ты проснулся за пару секунд до звонка. Ты где-то тусовался ночью?

— Вечером по пятницам в колледже зажигают, Розы. По четвергам тоже. И по субботам. И в другие дни. Это офигенно, — ответил он. Похоже, он хочет, чтобы я поверила в его слова, но они звучат так, словно он рассказывает о стирке белья.

— Звучит офигенно, — сказала я, все равно подыгрывая ему. Я понимаю, что хоть мне и четырнадцать, и я должна поддерживать идею тусоваться каждую ночь, у меня нет желания это делать. Совсем. Ни капли. Ничуть. Подозреваю, что из-за этого в колледже я буду социальным лузером. Есть чего ожидать.

В то время, как Питер рассказывает мне про вечеринку, на которой он был прошлой ночью, я лежу на спине на кровати. Уголок старого учебника Питера по PSAT врезается мне в затылок, я вытаскиваю ее из-под себя и начинаю мулевать в ней синим маркером, который я нашла под кучей мусора на тумбочке. В моей комнате бардак, но моя мама больше ничего не говорит по этому поводу. Раньше она все время говорила мне, что грязная комната показывает отсутствие самоуважения. Не думаю, что она даже заходила сюда с начала лета. Мои стены чистые, но это потому, что на них ничего нет. После того, как Трейси вступила в группу поддержки, я содрала все постеры, которые она заставила меня купить, с группами и мальчиками, которые мне никогда не понравятся, и разорвала их на кусочки. Кусочки все еще лежат на полу. Мне нравятся, как они хрустят у меня под ногами, когда я встаю утром.

Я смотрю на свои голые стены, и внезапно мне хочется начать рисовать на них. Интересно, заметит ли мама. Не задумываясь, я беру синий маркер и рисую один лепесток маленькой ромашки — потому что это единственное, что я умею рисовать — на стене рядом с кроватью. Я жду. Ничего не происходит — стены не рушатся, сигнализация не срабатывает — поэтому я дорисовываю оставшуюся часть цветка и начинаю разукрашивать его, в то время, как Питер продолжает разговаривать. Странно, но рисовать на стене классно. А это означает, что моя жизнь довольно-таки грустная и скучная. Но я уже знала это.

Я смотрю на зеленый огонек, мерцающий на моем закрытом ноутбуке, и все еще думаю о сержанте на заставке. Искал ли когда-нибудь Питер папу? Я уже открываю рот, чтобы спросить его, когда он опережает меня:

— Что ты делала вчера вечером?

— Ничего.

— Ты сидела дома?

— Нет, — сказала я, замолкая. Я знаю, ему не понравится то, что я ушла с вечеринки Трейси. Он думает, что мне нужно больше гулять; я думаю, мне нужно это меньше всего. — Я была на вечеринке у Трейси по случаю Хэллоуна.

На другом конце тишина, затем я слышу что-то похожее на долгий выдох. Мой синий маркер замирает в середине лепестка, когда я понимаю, что означает этот звук.

— Ты... куришь? — спрашиваю я.

— Ты не осталась, не так ли, — парирует он.

— Ты куришь? — снова спрашиваю я.

— Ага. Это помогает мне проснуться.

— Отстой, — говорю я, пораженная видом Питера с сигаретой во рту. — Папа убил бы тебя за это.

— Да, ну, он никогда не узнает, не так ли?

Маркер выпадает у меня из рук и падает в промежуток между кроватью и стеной. Я жду, что он извинится, но он совсем не знает, что сказать, и тишина становится странной, как будто он ждет, чтобы я накричала на него за такие слова. Но я не могу. Во-первых, я не могу поверить, что он произнес их.

— Итак, почему ты ушла от Трейси? — спрашивает он, в конце концов.

— Потому что я ненавижу ее, — говорю я, не имея этого в виду.

— Что случилось в этот раз?

Я думала, что Питер спросит: — Что она сделала в этот раз? Его нейтральный ответ раздражает меня, и я сразу же хочу сгустить краски.

— Она стала одной из тех идиоток, которые отворачиваются от настоящих друзей, и которые помешаны на неправильных вещах.

— Например? — спрашивает он. Я практически слышу, как он закатывает глаза. Разговор проходит не так, как я представляла. Питер всегда на моей стороне, без всяких вопросов. Но сейчас он звучит раздраженно.

— Секс, водка и чирлидинг.

— Это называется веселье, Роуз. окунись в него. Старшая школа коротка. Полагаю, жизнь тоже.

Я не верю своим ушам. Мой брат — парень, который так усердно работал, чтобы я была в безопасности, заботилась о себе и не делала ничего глупого — ведет себя, как будто я неудачница, потому что не хожу по вечеринкам как Трейси, которая, возможно, забеременеет, или что-нибудь подцепит, или и то, и другое к концу года.

— Я думала... ты..., — я замолкаю, не знаю, как объяснить, почему он ведет себя как инопланетянин со мной. Он громко выдыхает. — Не могу поверить, что ты куришь, черт возьми.

Ругаться так хорошо, даже если я и не ругаюсь на него.

— Итак, почему ты ушла? Что-то случилось?

— Чирлидершсы заставляли Трейси пить, заливая водку ей в рот — глупое посвящение. А когда я попыталась помочь ей, все разозлились на меня, особенно Регина Деладдо.

— О, Боже. Я забыл про нее. Она пугает.

— Ага. Можно и так сказать.

— Она все еще встречается с Джейми Форта?

— Простой ночью да, — сказала я, пытаюсь не выдать себя голосом. Странно, что мой брат упомянул Джейми. Но не так странно, как его следующие слова.

— Ты часто видишь Джейми в этом году?

— Хм, мы вместе пользовались одной библиотекой. Ну, до тех пор, пока его не перевели на корректирующий курс английского.

— Вы друзья?

— Нет... не совсем. То есть, как-то, раз он подвез меня до дома, но я не сказала бы, что мы друзья. — Мое сердце бешено колотится, и я практически не слышу себя. — А что?

— Просто. Просто... я знал, что ты была без ума от него, когда я с ним играл в хоккей.

Я сразу же краснею.

— Я никогда не была от него без ума.

— Да, ладно тебе, Розы. Когда ты приходила на мои игры, папа всегда дразнил тебя, что ты смотришь на Джейми, а не на меня. Помнишь?

Я не помнила этого. Что же это значит?

Заблокировала ли я это воспоминание, потому что мне было стыдно, или все, что я делала с папой, стало исчезать у меня из памяти? Я попыталась пробежаться через свой каталог воспоминаний о папе, но мой мозг заклинило, и все что я смогла видеть, так это его, лежащего на земле в луже крови.

Я начала паниковать. Думай, приказала я себе, вспомни...

Я не могу позволить себе потерять даже одно воспоминание о папе — даже если это он, выносящий мусор — потому что новых уже никогда не будет.

— Он дразнил меня по поводу Джейми? — Кажется, мое горло сужается, а мой голос сдавленный.

— Эй, Розы, это не особо важно. Послушай, Форта на самом деле хороший парень. И он задира. Это одна из причин, по которым я попросил его присмотреть за тобой.

Я настолько шокирована от того, что сказал Питер, что открываю рот от изумления. Это идет мне на пользу, потому что воздух поступает мне в легкие.

— Ты, что? — спрашиваю я, надеясь, что неправильно расслышала его.

— Я встретил Джейми на вечеринке летом. Он подошел и принес свои соболезнования, а это многое значит для дразнил из школы Union High. Он спросил, как поживает моя семья. Я сказал ему, что ты начала учиться в Union и что мне жалко, что я не могу быть с тобой. Он сказал, что присмотрит за тобой, если я хочу.

Я идиотка. Полнейшая идиотка. Именно поэтому Джейми уделял мне внимание. Не потому, что я нравлюсь ему, а потому что Питер попросил его. Как я могла подумать, что Джейми понравится такая, как я? Он учится в 11 классе. У него есть девушка.

— Почему. почему ты не попросил Трейси или Роберта? — заикаюсь я.

— Джейми старше, он знает школу, люди боятся его... — Он замолкает, его слова повисают в воздухе.

Он что-то не договаривает. Я делаю несколько глубоких вдохов и только собираюсь разузнать у него это, он меняет тему.

— Розы, я хочу тебе кое-что сказать.

По его тону я понимаю, что то, что он хочет сказать, не совсем приятное, и я не уверена, что хочу продолжать этот разговор. Моя паника переходит в леденящий душу страх, а голова кружится от избытка информации. Внезапно я понимаю, что то, что он собирается мне рассказать — причина, по которой он ответил на мой звонок после первого гудка, и, возможно, он провел весь разговор, пытаюсь понять, что же сказать.

Может, если я не отвечу ему, он ничего не скажет.

— Ты там?

— Да...

— Я не приеду домой на День Благодарения.

Что?

Как он может бросить нас одних на День Благодарения? Что мы будем делать — смотреть друг на друга через индейку, не говоря об отце?

— Розы, ты слышишь меня?

— Не уверена. Могу поклясться, что ты сказал, что не приедешь домой на День Благодарения.

Молчание.

— Куда ты пойдешь, Питер?

— К моей девушке. Она пригласила меня к себе домой.

Отправиться домой к девушке в наш первый День Благодарения без отца? Мило. Очень мило. Кто эта «девушка», он о ней ни разу не упоминал. И что с ним не так?

Собрав волю в кулак, я не даю себе повесить трубку. Я не верю в рай и все такое, но я верю в жизнь после смерти, и надеюсь, папа может видеть все это оттуда. Надеюсь, он сможет найти способ, чтобы дать Питеру пинок под зад, потому что Питер заслуживает этого, еще как заслуживает.

— Ты злишься.

— Привези ее сюда.

— Я не могу. Она всегда проводит каникулы с семьей. Они очень близки и это важно для них. Ее зовут...

Я убираю трубку от уха, поэтому не слышу конец предложения и смотрю, как мой палец нажимает на кнопку отбоя. Я ставлю телефон обратно на базу и смотрю на него, ожидая, что он вновь зазвонит. Он не звонит.

Я все еще смотрю на него, когда раздается стук в мою дверь.

— Розы? — говорит мама.

Я встаю с кровати и открываю дверь. На пороге стоит мама в очках, что означает, что она собирается к «клиенту» — именно так она называет сбившихся с пути подростков, которым помогает в своем домашнем офисе на первом этаже.

Она смотрит мимо меня, не замечая мусора в моей комнате. Ее каштановые волосы собраны в пучок, и все в ней кажется серым — серые глаза, серая кожа, поведение. Где-то в глубине сознания я понимаю, что она устала. Если бы я была хорошей дочерью, я бы спросила, все ли с ней в порядке.

— Ты только что разговаривала с Питером по телефону? — спрашивает она сочувствующе.

Она уже знает. Он поговорил с ней первой.

Слезы застилают мне глаза. Я не успеваю укутить себя за щеку или ущипнуть себя, чтобы остановить их. Я смотрю на пол. Я ненавижу это — я никогда в жизни не плакала. Она кладет руку мне на плечо и внимательно смотрит мне в глаза. Я хочу отстраниться настолько сильно, что мне становится больно.

— Дорогая, у тебя начинается приступ?

Как только она спрашивает меня, я понимаю, что часто и прерывисто дышу. Я качаю головой и пытаюсь замедлить дыхание. Я не хочу давать маме еще больше причин для того, чтобы она отправила меня к психологу.

— У меня не приступ, мам, — говорю я, пытаюсь прохрипеть слова и вытирая дурацкие слезы. Слезы показывают слабость.

— Мы с тобой займемся чем-нибудь веселым на День Благодарения, хорошо? — говорит она, все еще скептически смотря на меня. — Подумай, чего бы ты хотела. Может быть, мы съездим в город и посмотрим «Король Лев» — ты же хочешь посмотреть его, не так ли?

У меня не хватает сил напомнить ей, что мы все смотрели «Король Лев» на мой день рождение в апреле. Вместо этого я пожимаю плечами.

— Я знаю, это тяжело, Роуз, но Питер в колледже и все по-другому — он другой. Так бывает, когда уходишь из дома. Это естественно.

В этом нет ничего естественного — забыть рассказать мне о своей «девушке», выбрать ее, а не нас и рассказать маме о Дне Благодарения раньше меня. Я ненавижу, что мама узнала первой. Из-за этого мне хочется, никогда больше ничего не доверять Питеру.

— Почему он не хочет нас видеть? — требую я, вытирая соплю с нижней губы тыльной стороной ладони, вынуждая ее попросить меня использовать носовой платок. Но она не делает этого. Вместо этого она смотрит на часы.

— Не то, что бы он не хочет нас видеть. Все намного сложнее. Послушай, давай поговорим об этом позже, хорошо, дорогая? — говорит она.

Она ждет ответа, но, когда становится, очевидно, что я не намереваюсь говорить с ней, она поворачивается и спускается вниз по лестнице. Я слышу, как в боковую дверь стучится ее клиент, и моя мама приветствует гостя голосом психиатра.

Это тоже хорошо. Я не хочу сейчас говорить о Питере. Я не хочу говорить о нем позже.

Я забираюсь в кровать и, посмотрев несколько секунд на ноутбук, понимаю, что не хочу видеть сержанта прямо сейчас. Затем шарю рукой по полу возле кровати и поднимаю свой маркер. Он закатился недалеко — он упал на бежевое покрывало, которое впитало каждую каплю чернил, вытекшую из маркера. Я хватаю его и сажусь.

Я не Джейми Форта — у меня нет художественного таланта. Обычно я начинаю машинально рисовать ромашки снова и снова. Думаю, я могу сделать это с моей стеной, сделать обои из цветов, но мне не нравится символизм, да и цветы тоже. Вместо этого я просто сижу на кровати с маркером в руке, уставившись на пустые стены, чтобы не смотреть на ноутбук, ожидая вдохновения, которое подскажет, что же мне делать.

Завершать (глагол): закончить, довести до конца начатое
(смотреть также: без комментариев)

— Некоторые из вас займутся сексом в этом году, неважно, готовы ли они или нет.

Мисс Масо стоит перед доской. «Девственность» — написано ее аккуратным подчеркиком. Все замерли.

— Если бы я знала, что это утверждение вызовет такую глубокую тишину, я бы сказала его давным-давно, — говорит она. Несколько девочек начинают хихикать. Парни продолжают смотреть на нее, неспособные поверить в то, что их фантазии, наконец-то, сбылись: красивая мулатка с коричневыми глазами, милая, но жесткая Мисс Масо, собирается рассказать им всем о сексе.

Они не знают, что она не будет рассказывать о том, что бы они назвали «смачным». Она расскажет им о тех ужасных вещах, которые могут случиться из-за секса. У них короткая память, у этих парней; нам уже читали лекцию про Пестики и Тычинки в средней школе, немного упомянув о смерти, болезни, нежелательной беременности и детях, которые могут разрушить жизнь подростка. Те из нас, кто не ходил в местную католическую церковь, выслушали упрощенную версию лекции в конце начальной школы.

Но я знаю, что будет сегодня от Питера, конечно же. Питер, как все эти парни, был без ума от Мисс Масо и относился к ее словам, как к молитве. Тот, кто попросил Мисс Масо вести урок здоровья, был гением — мальчики слушали все, что бы она ни говорила. И они запоминали большую часть из этого. Возможно, потому что ни одна красивая женщина не говорила с ними напрямую о сексе. Или по какой-то другой причине.

Половое воспитание. Слишком много для утра понедельника. Особенно для утра понедельника, когда ты не разговаривал с лучшим другом несколько дней, и твой брат шокировал тебя на выходных.

Неподходящая подборка слов.

Трейси не звонила мне все выходные, и она не проскользнула мимо Мистера Селла, чтобы увидеться со мной в библиотеке. И вот мы тут, сидим рядом друг с другом на уроке здоровья. И знаете что? Тема сегодняшнего урока — секс. Я не знаю, девственница ли Трейси или уже нет. Она похожа на девственницу — она не перевозбуждена или испугана, или в депрессии. Она выглядит, как будто страдает от похмелья. Возможно, ей повезло, что она осталась живой после того, что те глупые девчонки сделали с ней.

— Эта неделя посвящена половому воспитанию. Полагаю, вы все знаете о механизме воспроизведения, так как вы ученики старшей школы. На всякий случай я раздам эти брошюры. И те из вас, кто захочет зайти ко мне в офис после занятий и задать вопрос, или напишет мне e-мэйл с просьбой записаться на прием, должны сделать это. Серьезно. Если есть что-то, чего вы не знаете или не понимаете, зайдите ко мне. Сразу же. Вы слушаете?

— Да, Мисс Масо, — отвечаем мы в унисон. Она единственный учитель, который может заставить нас так делать. Мы просто игнорируем других учителей, когда они спрашивают нас, слушаем ли мы их на самом деле. Они проходят по рядам, раздавая нам брошюры. Мисс Масо носит шикарную одежду, и она выглядит, как будто ей 18, хотя на самом деле, ей, возможно, около 30. Сегодня на ней надеты джинсы от J Brand с коричневыми ботинками на высоком каблуке и сверкающий свитер золотисто-коричневого цвета. Она классная.

— Но, что некоторые из вас, наверное, не знают, и о чем я буду говорить очень

подробно на этой неделе — это последствия секса, которые могут навредить, если вы недостаточно зрелые, чтобы справиться с ним. Кто-нибудь знает, о чем я?

Все молчат. Мы все с осторожностью изучаем кабинет. Кажется, Стефани изучает граффити на своей парте. Майк читает плакаты, висящие над головой Мисс Масо, которые обеспечивают всей необходимой информацией о пищевой пирамиде или как узнать людей, у которых проблемы с питанием. Роберт смотрит на меня. Это глупый ход с его стороны. Это слишком подозрительно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Как насчет тебя, Роберт?

Он вздрагивает, краснеет, снова смотрит на меня, а затем выдает:

— Беременность?

Мисс Масо кивает, медленно переводит взгляд на меня и говорит:

— Да, одно из. — Иногда я очень сильно хочу, чтобы Роберт перевелся в другую школу.

Или снова что-нибудь украл и отправился в исправительную колонию, пока ему не исполнится 18. Не могу поверить, что согласилась пойти на Бал выпускников с ним.

— Что еще? — спрашивает она. — Мэтт.

Собрав волю в кулак, я стараюсь не смотреть на Трейси.

— Венерические заболевания, — говорит он таким наскучившим тоном, как будто они его вообще не касались. Я хочу ударить его. Я всегда хочу ударить его.

— Точно. Может ли кто-нибудь сказать мне, что такое венерическое заболевание? — Я знаю, что будет дальше. — Роуз?

Я всегда знаю, когда учитель спросит меня. И должна признать, обычно я рада этому. Несмотря на то, что над детьми, которые знают ответы, все насмеваются за то, что они, ну, знают ответы, но мы все равно любим выпендриваться.

Но я не хочу отвечать на этот вопрос.

Я делаю глубокий вдох.

— Венерическое заболевание — это болезнь, передающаяся половым путем.

— Например? — спрашивает она.

После долгого молчания Даг, один из придурков-дружков Мэтта по плавательной команде, выкрикивает из конца класса: «Хламидия». Возможно, мне теперь не стоит считать его придурком — ведь он избавил меня от необходимости рассказывать о хламидиях перед всем классом.

— По себе знаешь, — говорит Мэтт, и парни взрываются смехом.

Мисс Масо пристально смотрит на Мэтта, пока все не успокаиваются, что происходит довольно быстро. Никто не хочет конфликтовать с мисс Масо.

Она направляется к Мэтту, в полной тишине слышен только стук ее каблуков. Подойдя к его парте, она наклоняется до уровня его лица. Будь я чирлидером, я бы в этот момент запрыгнула на стол и начала размахивать своими дурацкими помпонами в ее поддержку.

— Думаю, ты не знаешь о хламидиозе, гонорее или вирусе папилломы человека, одного — их очень легко получить, и легко передать. — Она еще несколько секунд не сводит глаз с Мэтта, пока он не отворачивается, и затем идет дальше между партами. — Заразиться ВИЧ сложнее, но не намного, и он может вас убить. В стране снова растет заболеваемость сифилисом, и если его правильно не лечить, он может уничтожить ваши внутренние органы и разрушить разум.

Она делает паузу, чтобы до нас дошло сказанное. Паузы — один из идеальных

фирменных приемов мисс Масо. Сейчас мы все представляем, каково это — иметь венерическое заболевание. И это именно то, о чем она хотела заставить нас задуматься.

— Итак, если вы не заинтересованы в том, чтобы заиметь такие болезни... Кстати, запомните, что согласно статистике, у некоторых из вас они будут из-за вашей безответственности, или отсутствия информации, или от невнимательности на моих уроках. Поэтому предлагаю вам слушать, и слушать внимательно. Если кто-нибудь опустит замечание вроде того, что сделал Мэтт, я выгоню вас из класса, и вам придется вернуться сюда в следующей четверти, когда у всех остальных будут уроки рисования или актерского мастерства или еще чего-нибудь интересного. — Она снова вернулась к доске и скрестила руки на груди. — Понятно? Мэтт?

— Да, мисс Масо. Извините.

Она опять делает паузу для усиления эффекта. Мэтт начинает смущенно поеживаться, что делает меня такой счастливой, какой я не была уже очень-очень долго.

— Хорошо. Правило номер один для сексуально активных людей. У кого-нибудь есть догадки?

Еще одна пауза, затем Трейси медленно поднимает руку.

— Трейси?

— Пользоваться презервативом?

Ушам своим не верю. Разрываюсь между желанием расцеловать ее и желанием заплакать.

— Отлично. Спасибо, Трейси. Я собираюсь записать его на доске, но назову это правилом номер два. Кто-нибудь знает, почему?

Даже не представляю, о чем она говорит. Хотя я все еще в шоке от того, что услышала, как моя лучшая подруга, которая месяц назад была помешана на таблетках, говорит о презервативах на уроке здоровья прямо перед своим невероятно безответственным парнем. Так и хочется ее обнять. Но я понимаю, что это будет выглядеть немного странно, особенно в контексте разговора.

— Мм... есть какое-то правило, которое еще важнее? — спрашивает Майк.

Мисс Масо кивает, ожидая от него продолжения. Он молчит. Майк — десятиклассник, должно быть, в прошлом году он провалил экзамен по этому предмету. На самом деле, меня смущает, что кто-то вообще может провалить простейший предмет в старшей школе, но, как всегда говорит Трейси: то, что легко для меня, не всегда так легко для остальных. Или что-то в этом роде. Я обычно воспринимаю это как комплимент, но сегодня это показалось мне другой версией ее слов о том, что я сноб.

— Что еще важнее, чем использовать презерватив, Майк?

Он размышляет несколько секунд, но ничего не придумывает.

— Не думаю, что есть нечто более важное, мисс Масо, — убедительно говорит он. Некоторые девочки хихикают, а я оглядываюсь на Стефани, чье лицо сейчас стало таким же красным, как ее волосы. По крайней мере, не только у меня чересчур развит механизм краснения.

Мисс Масо задумчиво разглядывает класс с таким видом, как будто она во всех нас очень разочарована.

— Каждый год я надеюсь, что кто-нибудь до этого додумается, но пока не додумался никто. К сожалению, это многое говорит о приоритетах подростков в сексе.

Она поворачивается к нам спиной и пишет на доске под номером один: «Уважайте себя

и своего партнера».

— В чем это связано с сексом? — спрашивает она.

— Во всем, — бормочу я.

— Что, Роуз?

— Ничего. Я ничего не говорила, — отвечаю я, не вполне понимая, как мисс Масо услышала то, что я мысленно произнесла, и не совсем осознавая, что я вообще имела в виду.

— Ты что-то сказала. Я слышала. И ты ответила правильно. Повтори для всех, что ты сказала.

Обожаю мисс Масо, честное слово. Я бы хотела стать кем-то вроде нее, когда вырасту. Но я ненавижу, когда она так делает. Я понимаю — она так поступила, поскольку думает, что это хорошо для моего самоуважения или моей уверенности в себе или моего еще чего-нибудь, и это часть ее работы, но я бы лучше под землю провалилась и там сидела. Что я вообще знаю? Я ни разу не занималась сексом. Я даже не знаю, захочу ли этого когда-нибудь. Так с чего я должна отвечать на такие вопросы или высказывать мнение о правилах, которым нужно следовать?

— Я сказала — во всем.

— Что ты имела в виду?

Дерьмо. Почему я всегда попадаю в подобные ситуации? Что я имела в виду?

— Мм, ну, я думаю, я имела в виду, что, мм... чтобы заняться сексом с должной ответственностью и, в некотором смысле, осознанностью, нужно уважать себя и уважать, мм, другого человека.

— Подхалимка, — прошептал Мэтт с заднего ряда. И, конечно, на этот раз мисс Масо его не услышала. Так уж моя жизнь устроена. Но Трейси услышала, повернулась и злобно на него посмотрела. Затем развернулась ко мне. Она улыбнулась, одной из тех улыбок, которые не меняют ее лицо, и я догадалась, что между вечером пятницы и сегодняшним днем случилось что-то плохое. Еще я догадалась, что она прощает мне все вещи, которые я наговорила. Не могу сказать, согласна ли она с ними, но теперь я прощена.

— Точно, Роуз, ты абсолютно права. Еще один вопрос. Что это значит — уважать кого-то, в контексте нашего разговора?

Она смотрит на меня, но не успеваю я сформулировать ответ, Трейси тянет руку.

— Трейси?

— Это значит — прислушиваться к тому, чего хочет человек, а чего не хочет, и воспринимать это серьезно. И не давить на него.

Мисс Масо одаривает Трейси одной из своих безупречных улыбок.

— Верно. Очень хорошее объяснение. Спасибо. Так вот, я знаю, что на многих давят, чтобы заняться сексом, и по этой причине некоторые из вас пойдут по этому пути раньше, чем будут готовы. Я не собираюсь стоять здесь и говорить, что вам нужно дождаться человека, с которым вы захотите провести остаток своей жизни, ведь я сама понимаю, что это просто нереальный совет для людей вашего возраста в современном мире. Наилучший вариант — если собираетесь заняться сексом, убедитесь, что у вас есть взаимоуважение. Если его нет, я уверяю вас — один или оба из вас будут очень жалеть о сделанном.

Весь класс молчал, когда мисс Масо повернулась к доске. Похоже, никто не ожидал от нее того, что она сказала. Уверена, что ни один из нас не удивился, услышав от нее слово «хламидиоз», но никто не рассчитывал, что она сыграет на уважении на уроке здоровья.

— Я бы хотела, чтобы вы прямо сейчас нашли время подумать о человеке, с которым вы

хотите заняться сексом.

— О человеке? То есть, только об одном? — спросил Даг. Мальчишки заржали. Большинство девочек, казалось, охватила паника.

— Да, Даг, попробуй в своих мечтаниях ограничиться одним человеком, — сказала она, едва удерживаясь, чтобы раздраженно не закатить глаза. — Выбирайте человека, который вам нравится не только из-за его или ее внешности, а из-за того, кто он, о чем думает, чем занимается. Не волнуйтесь, я не собираюсь просить вас назвать их имена. Только подумайте об этом человеке. И, конечно, если вы ни с кем не хотите заняться сексом, это замечательно. Подумайте о том, к кому вы испытываете романтические чувства.

Первым и единственным, кто пришел мне в голову, был Джейми.

Сначала я засмузилась, подумав, что вообще-то Питер попросил его дружить со мной в этом году. Но потом смущение исчезло, и я задумалась о том, как хорошо он выглядел в пятницу вечером, несмотря даже на Регину, усевшуюся к нему на колени. Я вспомнила разговор о сексе в читальном зале, когда я случайно расплакалась из-за Энджелю. Вспомнила, как он чуть ко мне не прикоснулся, и как я впервые заметила, какие красивые у него руки. Я представила, как эти руки прикасаются к моему лицу, и покраснела, сильно и неприятно. Я взглянула на мисс Масо, стоящую в центре класса и наблюдающую за нами. На ее лице была улыбка, но не та, которая заставляет ощущать себя глупо. Похоже, она прекрасно понимала, что мы чувствуем.

— Итак, что будет, если из-за вас этот человек почувствует себя пристыженным или испуганным, или если вы глубоко его раните? Что вы ощутите?

Никто не ответил.

— Я скажу, что вы ощутите. Ужас. Печаль. Как будто вы плохой человек. Как будто вы не сможете никогда даже смотреть в глаза тому человеку. Именно поэтому, ребята, так важно очень-очень серьезно относиться к решению заняться сексом. Речь идет не только о вас, здесь многое ставится на карту. Если вы не осторожны, это может привести не только к беременности или болезни, но и к стыду, позору и сильнейшей боли.

Раздался звонок, и мисс Масо, перекрикивая звук отодвигаемых стульев и нервные смешки, объявила: «К среде нужно написать эссе на триста пятьдесят слов о том, что значит уважать себя в сексуальном контексте». Весь класс застонал, а она спросила: «Хотите, чтобы слов было пятьсот?» Мы дружно сказали, что не хотим, триста пятидесяти будет вполне достаточно, спасибо.

Когда я собирала свои вещи, Роберт появился около моей парты. Он наклонился и подмигнул. Я закатила глаза.

— Знаешь, о ком я подумал? — спросил он.

— О Меган Фокс.

— Уж слишком секси.

— Анджелина Джоли.

— Слишком старая.

Трейси встала между мной и Робертом, схватив меня за руку.

— Мне нужно с тобой поговорить. Пойдешь со мной на французский?

Я посмотрела ей в глаза и поняла, что сегодня она из-за чего-то плакала. У нее всегда на некоторое время остаются красные глаза после слез — это я точно знаю. Я так обрадовалась, что она хочет со мной поговорить, что даже не потрудилась выразить свое недовольство. Я улыбнулась Роберту через плечо, и она потянула меня за собой из класса, избавив от

необходимости отвечать на вопрос, который он совершенно точно бы задал: «А ты о ком думала?» Он так предсказуем, когда пытается быть сексуальным, или учтивым, или соблазнительным, или каким он там хочет казаться.

Пока Трейси не попала в отряд чирлидеров, мы с ней ходили на все уроки вместе. Теперь она периодически ходит с пугающей демонической Кристин, или ее останавливают в холле Лена или Регина и просят сделать для них что-нибудь дурацкое — например, рискнуть прогулять урок, чтобы принести им кусочек пиццы из кафе «Cavallo's», которое находится в торговом центре рядом со школой.

А сегодня она хочет пойти со мной.

— Почему ты ушла в пятницу вечером? — спросила она.

Не знаю, смогу ли быть честной с ней прямо сейчас. Она кажется немного слабой, поэтому тирада об идиотском поведении ее подруг по команде вряд ли поможет.

— Не знаю, просто не смогла вписаться в компанию, — сказала я, когда мы подошли к своим шкафчикам. Она открыла свой и взяла с полки учебник французского. — Ты занималась всей этой фигней с водочной воронкой. И ты разозлилась на меня.

Трейси повернулась ко мне с таким видом, словно она снова готова заплакать.

— Я не злилась на тебя. Точнее, злилась, но это было глупо. Я знаю, что ты просто за меня переживала и хотела, чтобы я была в безопасности. — Она посмотрела на свои туфли. — Мы с Мэттом сильно поссорились после того, как ты ушла.

— Вы поссорились? — переспросила я, вопреки всему надеясь, что мы, наконец, окончательно покончили с Тупым Парнем. Так я мысленно называю Мэтта. Надеюсь, я никогда не произнесу это вслух.

— Да. Я была очень пьяная, мне стало плохо, поэтому я пошла наверх, прилечь на минутку, и застучала его в комнате родителей с Леной. Они ничего такого не делали — просто сидели и разговаривали, и дверь была открыта... — Она сделала паузу, продолжать ей явно не хотелось. Я решила не напоминать, что видела, как они вместе прошмыгнули вверх по лестнице, и могу поспорить, что дверь они открыли только, когда слышали чьи-то шаги.

— Что ты ему сказала?

— Точно не помню. Думаю, я просто там стояла. А потом Лена встала и пошла вниз. А Мэтт спросил, в чем проблема.

— Трэйс...

— Я сказала, что он скотина, и пусть даже не надеется, что я буду с ним спать, если он флиртует с другими девушками. Знаешь, что он ответил?

Я мысленно подготовилась это услышать.

— Он сказал, что я в любом случае не буду с ним спать, и это его устраивает, потому что он не хочет, чтобы его заставляли пользоваться презервативами, и... и я думаю, мы расстались. — Она отвернулась к своему шкафчику, чтобы никто не увидел, как она плачет. Я впервые заметила, что на двери ее шкафчика, прямо под зеркалом, рядом с нашим фото, приклеена записка от Мэтта. Эту записку Мэтт написал в прошлом году на обороте пропуска в туалет. Надпись гласила: «ТРЕЙС СУПЕР!» Время, когда Мэтт писал записки наподобие этой, давно прошло.

— Трейси, он тебя не достоин. Я имею в виду, затащить Лену в спальню твоих родителей на твоей вечеринке, даже если они там «просто разговаривали» — это... на самом деле нехорошо.

Она не поворачивалась. Я положила руку на ее плечо.

— Тебе было плохо после всей этой водки?

Она кивнула, и я услышала ее всхлип.

— А с родителями проблемы были?

Она снова кивнула, и я поняла, что она готова бессильно рухнуть на пол. Я взяла ее под руку, закрыла шкафчик и повела ее через холл в туалет. Прозвенел звонок, но я знала, что месье Леверт не будет задавать вопросов, если мы появимся в классе на пару минут позже. Опухшие глаза Трейси прекрасно все объяснят, и месье Леверт, как человек старой закалки, ни за что не будет обсуждать проблемы дамы в присутствии других.

Слава Богу, Мэтт изучает испанский. Нам обоим нужен отдых от этого козла хотя бы на один урок.

Мы заходим в туалет. Я заглядываю под синие дверцы всех кабинок, чтобы убедиться, что мы одни. Трейси смотрится в зеркало, на котором кто-то написал «Соси» лаком для ногтей цвета фуксии. Таким же почерком написано «Соси» в другом туалете, где я пряталась в тот день, когда Джейми отвез меня домой. Хотя бы цвет лака отличается. И то ненамного.

Трейси пытается сообразить, как поправить размазанный макияж глаз без средства для снятия косметики. Могу сказать, что это ее бесит.

— Почему Регина и Кристин заставляли тебя пить в пятницу?

Вообще-то я хотела спросить, почему она позволяла им заставлять ее пить. Решила перефразировать.

Трейси пожала плечами.

— Это такая тупая традиция, посвящение. Все через это проходят.

— Но я не понимаю, почему ты позволяешь им так с собой обращаться, — сказала я.

— У меня нет выбора. Если я хочу быть чирлидером, я должна делать такие вещи.

— И как долго? — спросила я, пиная мокрые коричневые бумажные полотенца, высыпавшиеся из переполненной корзины с мусором на грязный кафельный пол.

— Наверно, до конца года.

— Мне не нравятся эти девушки, — сказала я.

Она внимательно на меня посмотрела.

— Ты хочешь сказать, что тебе не нравится Регина. Но ты ее совсем не знаешь, так же, как и других.

Я почувствовала, как мое лицо заливают горячая волна.

— Я достаточно о них знаю, чтобы понять, что они мне не нравятся.

— Тебе не нравится Регина, потому что она с Джейми.

Я положила учебники на раковину и достала из рюкзака косметичку. Сделала вид, как будто что-то в ней ищу. Увидела точилку для карандашей и синий карандаш для глаз. Трейси, которая свято чтит журнал «Teen Vogue», недавно сообщила мне, что девушки с голубыми глазами должны пользоваться коричневым карандашом. Сначала я хотела напомнить ей, что именно она собрала для меня эту косметичку, и она знала, какого цвета мои глаза, поэтому если я пользуюсь синим карандашом, то это целиком и полностью ее вина.

Потом я вспомнила, что в этой косметичке лежат только остатки ее косметики. Скорее всего, она даже не задумывалась о том, какого цвета у меня глаза. Наверно, она просто затолкала туда то, что не хотела больше видеть в своей сумке, и решила, что для меня и так сойдет.

Я все еще игнорировала то, что она сказала про Джейми и Регину.

— Он тебе нравится, Роуз. Почему ты не признаешься в этом, даже мне?

Мне часто кажется, что я могу утаить кое-что от Трейси, но потом она говорит такие вещи, что я понимаю — она все время была в курсе происходящего. Из-за этого я чувствую себя довольно плохо, ведь я недооцениваю ее ум, причем делаю это снова и снова. Я имею в виду, Трейси всегда меня знала. Она знает, когда я влюбляюсь — и почему я думаю, что могу от нее это скрыть?

— Я не хотела тебе говорить, потому что он тебе не нравится. Ты считаешь, что я должна встречаться с Робертом, и думаешь, что Джейми глупый и намного старше меня.

Прежде, чем ответить, она промокнула глаза бумажной салфеткой и подкрасила губы блеском.

— Я думаю о Джейми только то, что он уже занят. Но не важно, что я думаю, Роуз. Если он тебе нравится, он тебе нравится. — Она отвернулась от зеркала и наклонила голову в сторону. Она размышляла, стоит говорить мне о чем-то или нет.

— Что? — спросила я, начиная нервничать по совершенно необъяснимой причине.

— Думаю, ты ему тоже нравишься.

Я знала, что не нравлюсь ему, ведь он просто «присматривает за мной» по просьбе Питера. Тем не менее, мое сердце на миг замерло.

— Почему ты так говоришь?

— Он ушел в пятницу сразу после тебя. Он подвез тебя домой или еще что-нибудь?

Я качаю головой, представляя, каким бы был вечер пятницы, если бы Джейми пришел, чтобы найти меня. Даже если бы он сделал это, чтобы убедиться что я в порядке.

— Что ж, выглядело так, будто он собирался последовать за тобой и Регине это не понравилось. Она очень, очень злилась. Наверно, ты не захочешь попадаться ей на глаза некоторое время.

Какой бы огромной ни была наша школа, здесь не получится кого-то избегать. Никогда. Если ты не Джейми Форта, который может появляться и исчезать по своему желанию.

— Она не должна волноваться, Трейс. Я не нравлюсь Джейми. Он просто делает Питеру одолжение.

— Какое одолжение?

— Питер волновался, что я буду в школе без него в этом году, и он попросил Джейми приглядывать за мной.

Трейси ошеломленно смотрит на меня.

— Почему он попросил его об этом?

— Наверно, потому что Джейми крутой. Не знаю.

Трейси покачала головой.

— Что бы между тобой и Джейми ни происходило, Роуз, это не из-за того, что Питер попросил его за тобой приглядывать. Я заметила, как он смотрел на тебя, когда ты уходила в пятницу вечером.

Он наблюдал, как я уходила? С Региной, которая сидела прямо у него на коленях и пыталась заставить его целоваться?

— Как ты могла это заметить? — спросила я. — Те девчонки заливали тебе в рот водку.

Трейси закатила глаза, затем еще раз посмотрелась в зеркало.

— Перестань. Пойдем, пока еще заметно, что я плакала, чтобы месье Леверт не задавал лишних вопросов.

— Трейси.

Она поворачивается ко мне.

— Мне, правда, очень жаль, насчет тебя и Мэтта. Но не думаю, что он уважает тебя так, как ты заслуживаешь.

Она кивает, берет свои учебники и направляется к выходу. Я достаточно хорошо ее знаю, чтобы понять, что она уже продумывает план возвращения Мэтта. И, несмотря на шоу, которое она устроила сегодня на уроке здоровья, уверена, что не одобрю ее тактику.

А я бы хотела просто остаться в этом вонючем старом туалете с небьющимися зеркалами и исписанными дверцами кабинок. Потому что здесь, сегодня, прямо сейчас, мы снова поговорили как лучшие подруги, как было всегда. Но кто знает, как долго это продлится.

скрытный (прилагательное): делающий что-то тайком
(смотрите также: моя мама)

— Роуз, пожалуйста, пристегнись. Ты должна пристегиваться, когда сидишь в машине, хорошо? Это закон.

Мне хочется сказать маме, чтобы она перестала обращаться со мной, как с первоклассницей, но вместо этого я тянусь через плечо и пристегиваю ремень, не говоря ни слова. Мы едем в ресторан «Morton's», где будем притворяться, что наш первый День Благодарения без папы — и Питера — это просто замечательно.

Пару недель назад она снова спросила меня, хочу ли я поехать в город на День Благодарения, чтобы посмотреть на Бродвее «Король Лев», и я решила наконец-то напомнить ей, что мы уже смотрели его в мой День Рождения. Она пристально разглядывала меня, словно пытаюсь сообразить, вру я или нет, а потом сказала: «Точно, теперь я вспомнила», хотя могу сказать, что ничего она не вспомнила. Я не представляю, как можно забыть «Король Лев» на Бродвее — даже, если ненавидишь мюзиклы, а это не про нее, просто невозможно забыть актеров в эффектных костюмах, всеми мускулами тела, управляющими огромными куклами животных. Я имею в виду, это незабываемое зрелище. Но почему-то оно не произвело впечатления на маму. Или она не помнит, что произвело, а это практически одно и то же.

После этого разговора она перестала стараться придумать «веселые» идеи для Дня Благодарения, и это устраивало меня более чем полностью. Мне не нужно веселиться в День Благодарения — мне просто нужно, чтобы он прошел.

Сегодня утром звонил Питер из дома своей девушки. Говорила с ним мама, а я пошла в душ, как только услышала телефонный звонок, и оставалась там, пока не убедилась, что они все друг другу сказали и попрощались. Я не разговаривала с Питером уже почти месяц. Один раз он написал мне по электронной почте, делая вид, что все как обычно и ничего не произошло, но я ему не ответила. Я все ждала, когда мама заговорит со мной об этом, однако думаю, она даже не заметила, что мы не общаемся.

Мы с мамой прошли через покрытую льдом парковку и направились к приземистому кирпичному зданию ресторана с большими зеркальными окнами, выходящими на улицу Юнион. Не успели мы переступить порог «Morton's», я почувствовала запах кулинарного жира и картошки фри — этому месту явно не грозят награды за прекрасную кухню. «Здесь не плохо, здесь обычно», — всегда говорил папа, когда я жаловалась на то, что мы тут обедали. Потом он подмигивал и добавлял: «Просто не ешь ничего, что плохо прожарено».

Когда мы вошли, нас встретил Роберт, стоящий у входа во всем черном с белым официантским передником на поясе. В своих ботинках из секонд-хенда и с зализанными назад волосами он выглядел так, словно сошел с одной из фотографий времен 1930-х. Здесь они висели на стенах, чтобы гости думали, что этот ресторан работает несколько десятилетий, а не полтора года.

— О, а вот и почетные гости! — слишком громко объявил он.

— Здравствуй, Роберт, — сказала мама.

— Миссис Царелли, вы выглядите как всегда очаровательно, — ответил он, целуя ей руку вместо того, чтобы пожать, хотя она явно протянула ее для рукопожатия. Он улыбнулся мне, а я закатила глаза. — Роуз, а ты само собой выглядишь восхитительно. Проходите, пожалуйста.

Роберт начал работать официантом в «Morton's» с тех пор, как ему исполнилось шестнадцать несколько недель назад. И он уже под угрозой увольнения из-за того, что разрешает друзьям — точнее, людям, которые стали его друзьями, когда он получил права и начал работать в «Morton's» — тусоваться здесь после закрытия. Когда я сказала ему, что мы с мамой заказали столик на День Благодарения, он поменял свое расписание, чтобы нас обслуживать. Моей маме нравится Роберт — у него получается ее смешить, намного лучше, чем у меня. Впрочем, я и не пытаюсь.

Когда мы сели, Роберт спросил:

— Дамы, какие напитки я могу Вам предложить?

— Мне бокал красного вина, — ответила мама.

— Клюквенный сок и имбирный эль, пожалуйста, — сказала я.

— Скоро вернусь.

Уходя, он подмигнул мне, заставив маму улыбнуться.

Я не отрывала взгляд от меню. В «Morton's» было тихо, хотя еще рано. Скорее всего, народ придет позже. А может быть, все нормальные люди проводят День Благодарения дома с семьей, сидят за обеденным столом, накладывают себе огромные порции индейки со сладким картофелем и поливают соусом. Я посмотрела на пустые столики с коричневыми, красными и оранжевыми бумажными индейками в центре, и мне захотелось пойти домой и улечься в кровать.

— Роберт такой милый, — заявила мама.

— Он надоедливый, — ответила я.

Мама взглянула на меня поверх меню, приподняв одну бровь.

— Давай сосредоточимся на том, за что мы благодарны. У тебя есть друг, который поменял свое расписание, чтобы быть здесь с тобой в День Благодарения, когда он мог бы сейчас быть дома с семьей.

На самом деле, это не такое уж большое событие, каким его представляет мама. Уверена, что Роберт был в восторге, найдя оправдание, чтобы не проводить День Благодарения со своей не-семейной семьей. Он много работает, чтобы проводить как можно меньше времени дома.

— Роуз, мне показалось, что ты не хотела говорить с Питером, когда он позвонил утром. Ты с ним не разговариваешь с тех пор, как он сказал тебе о своей девушке, верно? — спросила она.

Оказывается, моя мать уделяет мне больше внимания, чем я думала.

— Нет, — ответила я.

— Почему нет?

— Потому что он придурок, — сказала я, раздражаясь от того, что она пристает с вопросами, когда ответ так очевиден.

Вернулся Роберт и, ставя на стол наши напитки, пролил несколько капель клюквенного сока на белую скатерть.

— Упс. Извини, Розы. — Он попытался вытереть их уголком фартука, затем сдался, передвинув солонку, чтобы прикрыть пятно. — Я вернусь через минуту и приму ваш заказ. Он ухмыльнулся.

Мама подняла бокал, сделал маленький глоток и замерла.

— Не злись на Питера, дорогая. Будь благодарна, что он нашел человека, о котором настолько заботится, чтобы провести с ним праздник.

Лично я думаю, что он нашел человека специально, чтобы не проводить праздник с нами, но если я скажу это вслух, все закончится разговором о моем «негативном отношении».

— Как насчет тоста? — сказала она. — За нас. И за твоего отца.

Ее бокал завис в воздухе в ожидании. Я знала, что мне положено сделать, но не могла поднять руку со стаканом. Странное ощущение, как будто мое тело мне не принадлежит. Я просто уставилась на ее кроваво-красное вино.

— Роуз?

Я перевела взгляд с бокала на ее озадаченное лицо.

— Не хочешь за это выпить? — спросила она.

— Ты не можешь так поступать, — тихо произнесла я.

— Как, дорогая?

— Ты не можешь так упоминать о нем, как будто мы все время только о нем и говорим.

Мамино лицо стало белым как бумага, а затем ярко-красным. Очевидно, моя проблема с краснением перешла от нее по наследству. Она медленно опустила бокал, не сделав ни глотка, и опустила взгляд на свои руки. Я заметила, что она сняла свое помолвочное кольцо с бриллиантом, но все еще носила обручальное. Почему-то из-за этого ее руки выглядели старыми. Через несколько секунд она подняла глаза.

— Я знаю, что ты злишься, но это не повод быть жестокой. Это случилось и со мной тоже.

Я не собиралась быть жестокой — я была в замешательстве. Она даже не произносит его имя, а теперь мы внезапно должны поднять за него тост?

Подошел Роберт.

— У вас была возможность ознакомиться с меню, дамы?

Мама вымученно ему улыбнулась и покачала головой.

— Почему бы тебе что-нибудь не посоветовать?

— Конечно. Я бы порекомендовал наше меню для дегустаций, с которым вы совершите настоящий кулинарный тур по всем праздничным стандартам. — Это звучало так, как будто он произносил наизусть реплики, которые выучил перед сменой, чтобы лучше сыграть роль «официанта».

— Кулинарный тур — звучит прекрасно. Вот это я и выберу, — сказала она, закрывая меню и возвращая Роберту.

— А юная леди? — спросил он, обращаясь ко мне.

— Я буду то же самое.

— Отличный выбор! — ответил он с небольшим поклоном и отошел от стола.

— Он всегда такой? — спросила мама, наблюдая за ним. Я не ответила. Она быстро взглянула на меня, и я заметила, что она пытается понять, как ей отреагировать — как опытный психотерапевт или как мать. — Знаешь, мы можем не говорить о твоём отце. А можем и говорить. Это твоё дело.

— Ты не предупредила меня. Ты просто, ни с того ни с сего... Не знаю. Забудь.

— Извини. Я не хотела тебя расстраивать, — согласилась она своим «терапевтическим голосом».

Ненавижу, когда она так разговаривает. Мне кажется, что она робот. Мы одновременно потянулись за своими бокалами и сделали по глотку. И в это время я заметила Джейми, который вошел в ресторан с женщиной, очень похожим на него, примерно тридцати лет.

В редких случаях, когда я видела где-нибудь Джейми, я его избегала, слишком смущаясь смотреть ему в глаза с тех пор, как Питер рассказал мне об их маленьком уговоре. Это даже к лучшему, тем более, Регина, судя по всему, имеет что-то против меня. Но теперь я смотрела на него и не могла отвернуться, как бы я ни хотела это сделать. Он поймал мой взгляд и улыбнулся.

Я пыталась решить, стоит ли мне улыбнуться в ответ, когда его пристальный взгляд перешел к маме. Его улыбка исчезла, сменившись странным выражением лица. И вдруг он направился прямо к нашему столику — а точнее, прямо к ней.

Я едва могла поверить своим глазам.

Когда он подошел к нам, он даже не смотрел в мою сторону.

— Мм, миссис Царелли? — тихо сказал он, будто не был уверен, как к ней обратиться.

Мама посмотрела на Джейми и сначала его не узнала. Но потом она заулыбалась.

— Джейми Форта, — сказала она. Она встала и тронула его за плечо. — Как у тебя дела?

Я нутром чувствовала, что в этой ситуации есть что-то неприятное, но мой мозг никак не мог составить все кусочки воедино.

— Я в порядке, — кивнув, сказал он. — Я сожалею. О мистере Царелли. Жаль, что я не был на похоронах.

— Я полностью тебя понимаю. Спасибо за соболезнования. Это твой отец? — спросила она, глядя на мужчину, который пришел с Джейми и устроился за барной стойкой, перед большим телевизором, с огромнейшей пивной кружкой, которую я когда-либо видела. Он даже не смотрел, куда ушел Джейми.

Джейми кивнул.

— Он все еще полицейский? — тон, которым она это произнесла, подсказал мне, что было время, когда папа Джейми чуть не потерял работу, и не только по причине массового сокращения копов.

Джейми еще раз кивнул и повернулся ко мне.

— Привет, Роуз. С Днем Благодарения.

Я подняла руку и неуклюже ей помахала — это все, что я была способна сделать. Я не могла даже улыбнуться. Джейми собирался прийти летом на похороны? И что она имела в виду, сказав, что полностью его понимает?

Что, черт возьми, здесь творится?

Джейми посмотрел на маму, потом опять на меня, понимая, что я понятия не имею об этой истории. Но не сделал ничего, чтобы раскрыть тайну.

— Ну, я пойду. С Днем Благодарения, — снова сказал он, кивнул и пошел в сторону бара.

Казалось, что я попала в параллельную вселенную. Мама села на свое место, сделала глоток вина и повернулась к окну.

— Мам.

Она взглянула на меня, поняла мое замешательство, и сказала «Да?» таким голосом, который означал: «От меня ты никакой информации не получишь». Конечно же, это говорило мне, что я должна все выяснить.

Джейми, с одной или другой стороны, мог быть одним из маминых клиентов.

Неудивительно, что ему не нужны были подсказки, как доехать до моего дома, когда он подвозил меня в сентябре.

— Ты покраснела, Роуз, — сказала мама с удивленной улыбкой.

Я хочу быть с ней милой, и действительно буду, особенно сегодня. Но я ненавижу всю эту ситуацию. Почему вся моя семья знает Джейми лучше, чем я? И почему я последняя узнаю то, что знают они?

В бешенстве я вскочила из-за стола, уронив на пол салфетку и нечаянно опрокинув стул, и пошла к бару. Я чувствовала, как бьется пульс под горячей кожей на лице. Мама звала меня. Я не обращала на нее внимания, протянула руку, чтобы положить Джейми на плечо, но остановилась, едва не дотронувшись до него.

— Можно с тобой поговорить пару минут?

Джейми бросил быстрый взгляд на своего отца, который ничего не видел и не слышал, кроме футбольного матча на плоском экране над барной стойкой. Он отодвинул свой табурет и повел меня к гардеробу, как будто у него в голове уже был план для этого момента. Перед нами встал Роберт с хлебными корзинками в каждой руке.

— Все нормально, Роуз? — спросил он, не спуская глаз с Джейми.

— Все отлично.

— Хочешь, чтобы я составил твоей маме компанию на минутку?

— Конечно, — сказала я, а мое бешенство на долю секунды уступило огромному стыду за то, что я бросила маму одну в ее первый День Благодарения без папы. Но за стыдом последовала злость на то, что мне стыдно из-за ее горя.

Я была опустошена.

Мы вошли в гардеробную.

— Я знаю, почему ты делал вид, что я тебе нравлюсь, — сказала я еще до того, как он повернулся ко мне.

Джейми умный, в отличие от меня. Когда он не понимает, что происходит, он держит рот на замке и ждет. А я все равно начинаю говорить и не могу остановиться, пока не выскажу все, что я думаю.

— Потому что Питер тебя попросил. И теперь я поняла, откуда ты знал, где мой дом. Потому что ты знаешь мою маму, а не потому, что ты однажды отвозил Питера домой. Ты лжец, Джейми.

В светло-коричневых глазах Джейми вспыхнул гнев — похоже, он не любит, когда его называют лжецом. Сперва я перепугалась, увидев злость, которую я вызвала, но затем подумала, что это слишком плохо, когда ты лжец. Я почувствовала небольшое возбуждение от того, что не отступаю. Он строго смотрел на меня, как будто пытался понять, что я буду со всем этим делать. Ведь это касается нас обоих.

— Я не знаю твою маму. Она мне помогла один раз.

Я ждала большего, но очевидно, это было все, что он собирался сказать без дальнейших вопросов.

— Ты игнорируешь меня из-за брата? — спросил он.

Причина не только в этом. Еще и в его жуткой девушке и в том, как ее прихлебатели смотрели на меня, когда я с ним говорила — было похоже, что мне от них достанется.

— Не люблю, когда люди принимают решения насчет меня, а я о них не знаю, — сказала я.

— Пит не хотел, чтобы тебе было одиноко.

— Знаешь, у меня есть друзья. И мне не нужны фальшивки.

Он огляделся вокруг и медленно протянул руку к множеству проволочных вешалок,

болтавшихся на одной из гардеробных стоек. Они мягко забренчали в тишине комнаты, когда он начал перебирать их пальцами, вперед и назад. На некоторое время я растворилась в этом звуке, а по моему позвоночнику пробежала странная дрожь, как будто Джейми трогал меня, а не вешалки. Его прикосновение казалось решительным, но нежным, и я могла представить, что ощущаю его руку на своей коже. Воздействие было гипнотическим — даже глаза у меня начали закрываться.

Мне нужно было отключиться от этого. Джейми врал мне, и я вообще не должна о нем думать, особенно, в таком ключе.

Я заставила себя спросить:

— Зачем тебе понадобилась моя мама? — Знаю, что это не мое дело, тем более, я только что заявила, что не нуждаюсь в его дружбе. Но надо было что-то сказать, пока я не растеклась в лужицу у его ног.

Он положил обе руки на гардеробную стойку, которая была прикручена к стене, и устоялся в пол. Потом он поднял голову и взял меня за руку, а я стояла совершенно неподвижно, чувствуя, как тепло начинает подниматься по моей руке.

— Я не делаю вид, что ты мне нравишься, — сказал он. Мое лицо вспыхнуло после этих слов. — Я этого не делаю.

Он вышел из комнаты. Я схватилась за стойку, чтобы сохранить вертикальное положение. Мне нужно было отдышаться, но на этот раз не из-за того, что я злилась. Я все еще чувствовала его руку на моей и вся трепетала. Это чувство распространялось по всему телу, опутывая кожу как паутина. Даже, если бы захотела, я бы не смогла стряхнуть его с себя, но я не хотела. Мне хотелось простоять здесь остаток дня с полузакрытыми глазами и внутренним теплом.

Когда я, наконец, пошла к столу, я увидела папу Джейми в баре, но самого Джейми нигде не было. Роберт стоял рядом с моей мамой. Он что-то рассказывал, а она смеялась, запрокинув голову. Я поняла, что не видела, как она смеется, еще до того дня, когда папа решил, что лучший выбор в плане финансов — упаковать все свои карандаши в футляр и уехать в Ирак почти одиннадцать месяцев назад.

Я села за стол.

— Роберт говорит, что вы вместе пойдете на встречу выпускников. Похоже, нам нужно начать ходить по магазинам в поисках платья.

— Да, — сказала я. Я вдруг почувствовала такую усталость, что с трудом держала глаза открытыми — такое ощущение, будто я только что пробежала марафон.

— Это замечательно, дорогая. Я рада, что ты туда пойдешь.

— Я постараюсь, чтобы она хорошо провела время, миссис Царелли, — сказал Роберт. Удачи ему, подумала я, когда он пошел за нашим заказом.

— Я не поняла, что ты дружишь с Джейми Форта, — осторожно сказала мама. — Он в одиннадцатом классе, да?

Я посмотрела ей прямо в глаза и пожала плечами, полная решимости давать ей не больше информации о Джейми, чем она дала мне. Она наклонила голову и расстроено вздохнула. 1:0 в мою пользу в моей маленькой жалкой игре.

Сделай усилие. Папа хотел бы, чтобы ты сегодня постаралась.

Внезапно я выпалила:

— Я не попала в команду по кроссу.

Она выглядела испуганной, на ее лице смешалось разочарование и смущение.

— Я даже не знала, что ты пыталась туда попасть.

— Я пыталась. С трудом. И провалилась.

— Почему ты мне раньше не рассказала?

— Мам, я никому не рассказывала, — сказала я.

Она хотела сказать что-то, но передумала и вместо этого лишь кивнула.

— Это был мой первый забег с прошлой весны, — продолжила я.

Она покрутила свой бокал с остатками вина, пристально их разглядывая. Я догадывалась, что она решает, спрашивать ли меня о чем-то еще.

— Как ты себя чувствовала, когда бежала? — наконец решилась она, когда в серьезной битве в ее психотерапевтическом разуме любопытство одержало верх над осторожностью.

— Как будто мои ноги умерли, — сказала я.

Мой ответ ее шокировал. Она не сводила с меня глаз, словно раздумывала, случайно или намеренно я выбрала именно такие слова. Вернулся Роберт с нашим «праздничным кулинарным туром» — блюдом с фаршированной индейкой, картофельным пюре и клюквенным соусом из банки — и мы начали праздновать День Благодарения в полной тишине.

молчаливый (прилагательное): не дано говорить.

(смотри также: Джейми Форта)

Я стою перед зеркалом в раздевалке спортзала и разглядываю прыщи. Мой «урожай» прыщей, как сказал бы Питер. Я планировала накраситься, но на пробном прогоне это сделало мое лицо красным и пятнистым, и я выглядела еще хуже, чем сейчас. Мама говорит, что у меня невероятно чувствительная кожа, как у нее. Спасибо, мама.

Мое длинное коричневое бархатное платье выглядит глупо, совсем не так элегантно, как я себе представляла, когда мама меня уговаривала его надеть. И оно делает совсем плоской грудь — мою единственную черту, которую, как я думаю, кто-то еще может посчитать сексуальной. Туфли слишком большие, и ступни в них выглядят широкими. Я совсем забыла про украшения. У меня месячные, поэтому живот вздулся, и платье сидит совсем не так, как положено. Короче, я урод. Но это для меня не новость.

Дверь с шумом открылась, и толпой ввалились номинантки на роль Королевы Вечера — также известные, как половина чирлидерской команды. Я стараюсь не встретиться глазами с Региной, у которой появилось новое любимое хобби — заставлять меня отвести взгляд, когда мы пересекаемся в холле. Номинантки одеты в яркие обтягивающие атласные платья без бретелек, похожие на отслужившие свое наряды подружек невесты, которые они стащили из шкафов старших сестер. На запястьях у них браслеты из цветов, подходящие по цветовой гамме, которые возвышаются чуть ли не до середины руки. Волосы уложены и залакированы в тщательно продуманные локоны и начесы, которые добавляют как минимум четыре-пять дюймов к их росту. А мне даже не надо смотреть в зеркало, чтобы понять, что мои каштановые волосы висят прямо, прямо, прямо, и не представляют собой ничего интересного, независимо от того, что я пытаюсь из них сделать или к чьему парикмахеру иду. Мои волосы всегда были скучными. Так же, как я всегда была некрасивой.

Ненавижу танцы.

— Привет, Роуз, — говорит Мишель Виченца. Она в бледно-розовом платье со стразами, украшающими глубокий вырез сердечком. У нее великолепные вьющиеся темные волосы, большие карие глаза и серьги с бриллиантами. Мишель — одна из тех потрясающих девушек, которые возвышаются над общественной иерархией и не обращают внимания на нормы и правила. Она ко всем относится по-дружески, и все — включая меня — считают ее богиней. Остальные номинантки — это, скорее, ночной кошмар.

— Привет, Мишель.

— Классно выглядишь! — Она посылает мне воздушный поцелуй.

— О, а... — говорю я, застенчиво качая головой и чувствуя себя немойтой картофелиной, которую засунули в слишком тесный пакет из коричневой бумаги. — Ты прекрасно выглядишь, и мне нравится твое...

— Мишель, у тебя есть блеск? — перебивает меня Регина. — Не знаю, куда мой делся.

— Я же дала тебе свой пару минут назад! — говорит Сьюзан, вздрагивая от боли — она опускает острый конец расчески в забрызганный лаком начес и дергает вверх, чтобы сделать его еще выше. — Что ты с ним сделала, много целовалась, что ли? Ты должна давать Форта отдышаться, хотя бы время от времени.

Меня вдруг начинает подташнивать.

— Он принес бочку пива, да? — спрашивает Сьюзан.

— Нет, забыл, — огрызается Регина. — Конечно, принес. Блеск, Шель? — нетерпеливо

требует она.

— Держи. — Мишель открывает свою идеально подобранную сумку и достает оттуда красный блеск для губ. Я внезапно понимаю, что забыла единственную крутую деталь моего образа — черный винтажный клатч, который одолжила у мамы — в машине у Роберта. Хотя в нем не так уж много лежит. Я была в таком отчаянии от своей кожи, что бросила все попытки хорошо выглядеть и, в знак протеста, оставила косметику дома.

— Спасибо, — говорит Регина и тянется за блеском через меня, словно меня здесь нет. Когда ее рука задевает мою грудь, она хмурится, как будто я — это препятствие, стоящее между ней и блеском для губ. Регина — единственная блондинка в их компании. Ее злобное выражение лица совсем не похоже на других девушек, которые выглядят счастливыми и довольными, даже если такими не являются. Она надела красное атласное платье, подозрительно похожее на платье Мишель, вплоть до украшенного стразами выреза. Разница лишь в том, что стразы у Регины были убраны, и остались лишь круглые темные пятнышки на одинаковом расстоянии друг от друга. Наверно, есть такое неписаное правило «отряда», что твое платье не может выглядеть так же, как у главного чирлидера, иначе против тебя начнется война. Я вдруг представила Регину за решеткой в чирлидерской тюрьме, вынужденную шить помпоны вручную. Если бы меня так не выводило из себя ее соседство, я бы засмеялась в голос.

— Ты с кем пришла, Роза? — говорит Мишель. Регина смотрит на нее так, словно она разговаривает с пустым местом. Мишель, конечно же, не обращает на это внимания. Обожаю ее.

— Роберт МакКормак. Ты его знаешь?

— Не думаю. Он из твоего класса?

— Да. А ты с Френки?

Она притворно закатывает глаза.

— Ну а с кем еще? — говорит она. Френки и Мишель вместе с тех пор, как ей исполнилось тринадцать. Френки был Королем Вечера выпускников все четыре года в старшей школе, даже когда учился здесь первый год. Должно быть немного обидно опускаться от короля «Юнион Хай» до главного управляющего в «Cavallo's». Интересно, когда до Мишель дойдет, что Френки всегда будет заниматься только этим. А может, Мишель уже знает, но ее это не волнует, поскольку Френки так невероятно сексуален, что большинство людей даже не будут задаваться вопросом, почему она с ним. Так или иначе, я сомневаюсь. Она не похожа на человека, который хочет всю жизнь быть привязанным к пиццерии, открытой семь дней в неделю, четырнадцать часов в день.

Когда я познакомилась с Мишель на выпускном Питера в прошлом году, она рассказала мне историю, которая произошла в средней школе на уроке труда. Мистера Дрея вызвали из класса, и Питер решил всех развлечь, залез на стол и экспромтом запел песню под названием «Урок труда и блюз» на мотив «Blue Suede Shoes» Элвиса. Мишель утверждала, что она смеялась так сильно, что намочила трусики и отпросилась с оставшихся уроков. Думаю, тогда она была влюблена в Питера. Иногда мне нравится воображать, какой была бы моя жизнь, если бы Мишель встречалась с Питером, а не с Френки. В «Юнион Хай» я бы стала практически членом королевской семьи.

— Шель, держи, — говорит Регина и снова тянется через меня, чтобы вернуть блеск. Она отходит на несколько шагов и разворачивается, чтобы хорошо рассмотреть свою попу в зеркало, как будто она могла существенно измениться с прошлого раза, когда Регина

проверяла ее несколько секунд назад.

— Ты обедала? — спросила Мишель.

— Мы ходили в «Shaun's». Мы с Робертом, Трейси с Мэттом и Стефани с Майком — ну, знаешь, вся компания. — Конечно, она не знала, но, тем не менее, кивнула и улыбнулась. — Как твой...

— Мишель, хватит, — пронзительно крикнула Регина, волнуясь и толкаясь у двери с другими девушками, которые были похожи на стаю нетерпеливых попугайчиков. — Нас ждут.

— Все нормально. Хорошего вечера, Розы, — говорит она. — Еще увидимся.

— Удачи. Уверена, что ты победишь.

— Конечно, она победит, — шипит Регина, свирепо глядя на меня. — Мишель всегда побеждает. — Она резким движением распахивает дверь, и я вижу парней, ожидающих номинанток, с красными розами на лацканах. Френки берет Мишель за руку, а его лучший друг, Сэл, которого я знаю с хоккейных времен Питера, обнимает Сьюзан. Регина осматривается, бросает неприятный взгляд на меня через плечо и говорит:

— Где Форта? Я же сказала ему подождать.

Дверь захлопывается, спасая меня от участи быть уменьшенной до кучки пепла.

Лицо горит. «Урожай» прыщей пульсирует. Я представляю, как Джейми целует ее на этой тупой вечеринке, и мне приходится сглотнуть.

Покидаю безопасную раздевалку, чтобы погрузиться в змеиный клубок спортивного зала. В углах зала — крошечная тьма, на паркетном полу мерцают яркие красные и синие огоньки. Музыка настолько громкая, что учителя не могут находиться в зале, поэтому все они стоят за дверью, разговаривают, и время от времени вглядываются в темноту, чтобы убедиться, что там никаких оргий не происходит. Подозреваю, что они уже успели сходить пообедать и выпить. Ну, а как иначе они выдерживают вечера, вроде этого? Я нашла Роберта, обсуждавшего с Майком ссору, которая произошла у них со Стефани из-за того, куда пойти после вечеринки.

— Роберт, могу я взять ключи? — говорю я, стараясь ни на кого не смотреть. — Я оставила сумку в машине.

— Я пойду за ней.

— Нет, все в порядке. Подышу воздухом.

— Я могу закурить сигарету.

— Ты сказал, что не будешь курить сегодня вечером.

— Я знаю, Розы, просто шучу. Ну же, дай мне побыть джентельменом. Я принесу твою сумку.

— Роберт, пожалуйста, дай мне ключи.

— Ну... ладно. — Он роется во всех своих карманах и находит ключи в самом последнем — во внутреннем кармане пиджака. — Вот. Никуда не уезжай. Я первый раз взял Lexus у отчима, и он меня убьет, если я потеряю машину.

— Я не могу пока водить, помнишь?

— Шутка, Розы. Это была просто шутка. Ты в порядке?

Я игнорирую его и иду к запасному выходу. Чья-то рука вдруг сжимает мое плечо. Я подпрыгиваю, вообразив Регину с поднятым кулаком, готовую ударить меня по лицу, когда я обернусь.

— Тебе не положено выходить на улицу, пока дискотека не закончится. — Похоже, это

предназначение мистера Селла — не давать детям пойти туда, куда они хотят. У меня на глазах появляются беспричинные слезы.

— Я знаю, я просто... Мне нужно выйти. — Я смотрю на него снизу вверх, слезы уже стекают по щекам. Этот горький опыт научил меня, что некоторые мужчины дадут женщине что угодно, чтобы она перестала плакать, или, в крайнем случае, чтобы она пошла, плакать в другое место. Он неловко и неуклюже похлопал меня по плечу, направляя в сторону двери. Интересно, что бы он сделал, если бы я заплакала в читальном зале, когда хотела поговорить с Трейси.

Как будто я совсем не контролирую эту дурацкую штуку с плачем.

Я толкаю тяжелую металлическую дверь, ведущую на заднюю парковку между школой и беговой дорожкой, и холодный декабрьский воздух врывается мне в легкие. Бегу к машине, и когда я залезаю на место водителя, наступаю на мою сумку, которая непонятным образом оказалась на полу. Что-то трескается. Я не могу сообразить, что это может быть, пока не вспоминаю, что мама одолжила мне свое зеркальце, чтобы я могла проверить чистоту зубов после обеда. Сбрасываю туфли и разваливаюсь на сиденье, голова на уровне подголовника. Вижу, как два человека опираются на рядом стоящую машину и целуются, освещенные сзади школьными огнями. Они выглядят идеально.

Раздается стук в боковое окно. Джейми машет рукой. Я закрываю на это глаза, думая, не галлюцинация ли это. Он стучит снова. Я понимаю, что он хочет, чтобы я его впустила. Он ставит одну ногу в машину прежде, чем я понимаю, что открыла дверь. Поворачиваюсь и смотрю через заднее стекло, не идет ли кто-то за ним, но там никого нет.

— Что ты здесь делаешь? — шепчу я, как будто Регина может услышать через грохочущую музыку в спортзале.

— Хочешь, чтобы я ушел?

— Нет. Я просто...нет.

Мы сидим. Смотрим в лобовое стекло. Я начинаю говорить, затем решаю, что не должна делать это первой. Он пришел сюда, он может начать.

— Ты думаешь, я лжец, а? — спрашивает он.

— На самом деле я так не думаю.

— Все еще бесишься из-за той фигни с Питером?

Задумываюсь на минуту.

— Я больше злюсь на Питера, чем на тебя. — Он ничего не говорит. Это уж слишком для меня — заставить его говорить. Наконец набираюсь смелости спросить:

— Хорошо проводишь время?

— На самом деле нет.

— Ты пообедал?

— В «Fitzpatrick's.

— Понравилось?

Он пожимает плечами, роется в кармане и вытаскивает листочек, сложенный вчетверо. Наблюдаю, как он его разворачивает. Это список продуктов. Он снова его сворачивает и кладет обратно в карман.

— Почему ты не веселишься? — спрашиваю я.

— Те же причины что и у тебя.

— А я не говорила, что не веселюсь, — парирую я, гордясь собой.

— Тогда почему ты здесь?

— Мне нужно подышать.

— Мне тоже, — говорит он.

Я обращаю внимание на его дыхание. Он дышит не слишком часто. Я три раза вдыхаю и выдыхаю за каждый его вдох-выдох.

— Почему тебе нужно подышать?

— Регина.

Я издаю непривлекательный фыркающий звук и сразу же жалею об этом по множеству причин. Он молчит.

— Она вредная, — вырывается у меня изо рта.

— По отношению к тебе?

— Ко всем, — говорю я. — А вы с ней, правда, встречаетесь?

Он пожимает плечами, и его накрахмаленная рубашка двигается так, что жесткая ткань достаёт до ушей и опускается вниз. На нем черный галстук, черный пиджак, черные брюки и рабочие ботинки.

— Ни разу не видела тебя в такой одежде. Выглядишь очень хорошо.

Он пристально смотрит в боковое окно.

— И ты тоже.

— Нет. Мое платье напоминает то, что можно было бы надеть на выпускной в шестом классе. А мои волосы — это катастрофа. Ничего с ними не сделаешь.

Он довольно долго смотрит на мои волосы.

— А что бы ты хотела сделать с волосами?

— Кудри. Объем. Что угодно, чтобы они не висели прямые вокруг лица.

— Зачем? Ты тогда будешь похожа на остальных, — сказал он.

Может, он и прав.

Он тянется вперед и начинает возиться с защелкой бардачка. Интересно, что сказал бы Роберт, если бы узнал, что я сижу в машине его отчима с Джейми Форта, когда мне положено танцевать в зале с Робертом. Ну, на самом деле, я знаю, что бы он сказал. Он бы сказал: «Я же тебе говорил». Пока я об этом думаю, дверца бардачка открывается, на пол падает маленький полиэтиленовый пакет. Джейми поднимает его, и оттуда случайно высыпается содержимое. Он наклоняется, чтобы подобрать его, и немного медлит. Затем он складывает содержимое в пакет в темноте, убирает пакет обратно в бардачок и захлопывает дверцу. Кладет руки в карманы и выдыхает. Его дыхание повисает между нами в воздухе.

— Что это было? — спрашиваю я.

— Не знаю.

— Ты не видел?

— Не совсем.

— Как ты мог убрать это в пакет, если не видел, что это?

Что-то в выражении его лица заставляет меня дотянуться до бардачка и открыть его. Он внимательно разглядывает припаркованную рядом машину, пока я достаю измятый пакет и обнаруживаю в нем две упаковки презервативов. Две.

— Это для тебя? — спрашивает он.

— Нет! — я оборачиваю их пакетом несколько раз и засовываю его в бардачок, как будто он обжигает мне руки.

— Чья это машина?

— Роберта.

— Ты здесь с ним?

— Да, но...

— Но они не для тебя?

— Мы с Робертом даже не встречаемся!

— Похоже, он думает, что сегодня его счастливая ночь.

— Что ж, ему со мной не повезет. Он просто друг.

— Угу.

— Не то, что вы с Региной Деладдо, — я выплевываю ее имя с такой ненавистью, которая удивляет нас обоих,

— Что ты имеешь против нее?

— Она меня ненавидит. Она на меня пялится в коридорах.

— Что ты ей сделала? Ты должна была сделать что-то.

Ответ на этот вопрос — меня преследовал ее парень. Но чувствую, что не скажу это. Джейми опять открывает бардачок и вытаскивает пакет. Заглядывает внутрь и улыбается. — Знаешь, сколько раз нужно заняться сексом, чтобы истратить две упаковки презервативов? — Я понимаю, что совсем ничего не знаю о презервативах, ни в теории, ни на практике. Мисс Масо была бы очень разочарована во мне. — Если парень приглашает тебя на дискотеку, и ты находишь две нераскрытых новых упаковки «Trojans» в его бардачке, ты можешь поклясться, что они для тебя.

— Ну, мне они не нужны, поэтому можешь положить их на место.

— Я говорю, что ты нравишься ему.

— Мне он не нравится.

— Тогда почему ты здесь с ним?

— Почему ты с ней?

— Дружеское одолжение.

— То же и со мной, — он только что назвал Регину своим другом? Это то, что он имел в виду? Я истощена. Хочу свои тренировочные штаны. — Почему он думает что-то в этом роде может произойти между нами?

— Он парень.

— Я не хочу знать, что это значит.

— Парни всегда готовы. На случай если им повезет.

— Почему парни так помешаны на сексе? Это глупо.

— У тебя его еще не было. — Откуда он знает? Меня так разозлила способность Джейми заставлять меня краснеть, что это чуть не пересилило мое смущение. Разглядываю бороздки на руле.

— Я тебя смущаю, — говорит он.

Я качаю головой. Когда он тянется к двери, я впадаю в панику и задаю первый вопрос, который пришел в голову:

— А у тебя сегодня будет счастливый вечер, Джейми?

И вдруг происходит нечто чудесное. Он смеется. Я в первый раз услышала его смех — теплый и насыщенный, и мне хочется закутаться в него — но я слишком поглощена ревностью, чтобы полностью им насладиться.

— Зависит от кое-чего, — говорит он.

— От чего?

— Что ты считаешь удачей.

— Секс. С ней. Региной, — отвечаю я, раздражаясь его глупым вопросом.

— Нет.

— Тогда тебе не повезет.

— Не с ней.

— Хочешь заняться сексом с кем-то еще? — говорю я злобно и невежественно

— Нет.

— Тогда как ты собираешься испытать удачу?

Следующая минута протекает в замедленном режиме. Джейми Форты поворачивается, кладет свою теплую руку мне на шею и притягивает меня к себе. До меня доходит, что он собирается меня поцеловать, и я паникую, потому что я никогда не целовалась с парнем старше себя — на самом деле, я вообще ни с кем не целовалась, если не считать тупых игр на школьных вечеринках. А он, конечно, знает все, что нужно об этом знать, потому что он — нахальный «плохой парень», а я всего лишь глупая девочка, но это уже не имеет значения, потому что его губы накрыли мои, и все оказалось так просто — даже не верится, что я волновалась, не зная, что делать в этот момент.

Он проводит большим пальцем по моей скуле, нежно сжимая сзади мою шею. Его другая рука лежит на моих плоских и скучных волосах и слегка тянет назад, заставляя меня задирать голову. Его язык путешествует по моим губам, и затем проникает внутрь. Он двигается медленно и мягко, но крепко держит мои волосы и с силой тянет их, открывая мне рот. Его губы отстраняются от моих, и в следующий миг я ощущаю их в ложбинке между ключицами. Он поднимается вверх по шее, легонько покусывая и двигаясь вверх и вниз, как будто ищет особую точку. Когда он ее находит, я издаю короткий звук, который никогда от себя не слышала, похожий на вздох.

Его язык медленно описывает круги вокруг этой точки. Я осознаю, что мои руки просто лежат у меня на коленях, ничего не делая. Концентрируюсь на том, чтобы поднять руку и дотронуться до его лица, но он перехватывает ее и крепко держит за запястье. Его губы оставляют то место и возвращаются к моим губам, ждущим и надеющимся на его возвращение. Он нежно целует их и шепчет мне на ухо:

— Я только что испытал удачу, Роуз.

Он уходит прежде, чем я открываю глаза. Если бы не зеркало заднего вида, я бы решила, что все это вообразила. Пока пытаюсь вспомнить, как дышать, я наблюдаю за ним — обернется он или нет, но он направляется прямо к двери, словно он только что не сделал того, что можно с уверенностью назвать лучшим первым поцелуем в истории человечества.

Когда он заходит внутрь, Роберт выходит, подняв руку в знак приветствия. Джейми слегка кивает, проходя мимо него. Роберт смотрит, как Джейми идет, а затем переводит взгляд на машину. Я едва могу пошевелиться. Последнее, чего мне сейчас хочется — разговаривать с Робертом. Я хочу сидеть здесь, снова и снова прокручивать в памяти то, что произошло, и заново учиться дышать.

Но потом вспоминаю про бардачок и решаю перегородить Роберту проход. Выношу одну ногу из машины и понимаю, что забыла обуться.

— Нашла сумку?

— Да.

— Почему так долго?

— Сидела в машине, — говорю я, изо всех сил пытаюсь надеть туфли и не смотреть на него.

— Ты не веселишься.

— Роберт, почему у тебя в бардачке две упаковки презервативов?

Роберт бледнеет, потрясенный. Затем потрясение сменяется гневом, и кровь снова приливает к его лицу.

— А ты почему шарилась по моей машине?

— Я не шарилась. Я искала носовой платок. И пакет упал на пол. И они вывалились. Зачем они тебе?

— Просто на всякий случай.

— На случай чего?

— Ну, знаешь, на случай, если... мы... — Он умолкает. Я заставляю его помучиться несколько секунд, прежде чем выдаю:

— Ты ненормальный, Роберт? — Резко захлопываю дверцу машины.

— Ну, я же не знал, чем ты захочешь заняться! Откуда я мог знать? А вдруг ты захочешь, а у меня ничего нет?

— Ты даже не мой парень!

— Отлично. Забудь об этом.

— Это потому что ты попросил меня пойти с тобой на эти дурацкие танцы?

— Я просто хотел, чтобы ты была моей парой.

— Ты мог сказать мне, что рассчитываешь на секс со мной!

— Роуз, я не рассчитывал ни на что! Просто забудь о них. Это не имеет значения, ладно? — Мы стоим на морозе, я не свожу с него глаз, а он не сводит глаз со своих ботинок. — Извини, Роуз.

— Пойдем внутрь, — говорю я. Мы идем к залу, дрожа от холода.

— Дать пиджак?

— Здесь ноль градусов, Роберт. Оставь его себе.

— Я не хочу, чтобы ты замерзла.

— Мы почти пришли.

— Потанцуешь со мной?

— Не думаю, что мне захочется.

Он собирается открыть дверь, но замирает, держа руку на дверной ручке.

— Роуз?

— Что? — Мое раздражение уже готово вырваться наружу. Я знаю, что моя нетерпимость к нему прямо пропорциональна его терпимости ко мне, но, похоже, что я ничего не могу с этим поделать.

— Ты была там с Форта?

Я чувствую горячие и скользкие места на шее, где Джейми целовал меня, и сердце начинается биться очень быстро.

— Что?

— Он прошел мимо меня, когда я выходил. Что он там делал?

— Откуда я знаю?

— Ты выходила к нему?

— Нет, — ответила я, говоря правду.

— Хорошо, он вышел к тебе?

— Откуда мне знать, Роберт? — говорю я, берусь за вторую дверную ручку и открываю дверь.

В зале жарко, даже окна запотели. В темноте танцпола дергаются фигуры, и я замечаю в углу нескольких учителей — сдерживающую силу, которая никому не видна.

Трейси и Стефани о чем-то шепчутся, возможно, обсуждают, расстанется ли сегодня Стефани с Майком, просто чтобы высказаться на эту тему. Мишель, Регина и остальные номинантки, только что награжденные коронами, позируют для фотографа местной газеты. Мишель сияет, а Френки, стоящий с краю, не спускает глаз с Короля этого года и выглядит незаинтересованным. Интересно, скучает ли Френки по своей короне.

Между вспышками Регина ворчит на Френки, чтобы он нашел Джейми. Но Френки не собирается идти куда бы то ни было, пока Мишель стоит рядом с Королем — мистером Футбольным Нападающим Всей Америки Ричи Гамильтоном, который слишком много выпил и явно наслаждается, держа за руку Мишель. Когда он немного распускает руки, Френки входит в кадр и говорит фотографу, что снимков уже достаточно. Фотограф снисходительно улыбается и предлагает сделать несколько фото Короля и Королевы прошлогоднего праздника. Френки и Ричи пристально смотрят друг на друга, пока Ричи не обзывает его итальяшкой, а Френки чуть не набрасывается на него, но останавливается из-за чего-то, что сказала Мишель. Ричи возвращается к своей футбольной братии, которая уже собралась разжечь конфликт. Мишель встревоженно улыбается на камеру, футболисты мрачно за ней наблюдают, Френки с друзьями решают, кому какой спортсмен достанется, а Регина хрипло кричит что-то про Джейми.

Меня так и тянет подойти к Регине и сказать, что Джейми только что поцеловал меня так, как, я почти уверена, он ни разу не целовал ее. Но я знаю, что если не хочу стать причиной международного конфликта, я должна держать рот на замке. Нетипично смелым движением Роберт, который молча наблюдал за номинантками рядом со мной, берет меня за руку и вытаскивает на танцпол. Я слишком потеряна, чтобы сопротивляться.

скандальный (прилагательное): хорошо известный, благодаря отрицательным поступкам

(смотрите также, уже в третий раз: я)

Не могу поверить, что до сих пор не приехали копы. Около сотни человек набились в два номера в простецком мотеле «Amore» в Вест Юнион, соседнем городе, а из окон машины на парковке грохочет MGMT, потому что никому не пришло в голову взять док-станцию для iPod. Парень, играющий роль DJ на парковке, спорит с парнем, который, насколько я помню, играет на тромбоне в оркестре, о том, правильный ли это выбор музыки на данный момент. По всей видимости, Оркестровый Парень предпочел бы Yeah Yeah Yeahs, а девочка, которую я никогда раньше не видела, пытается обосновать выбор Florence + The Machine. Я на стороне девочки.

Мы с Робертом оказались на вечеринке старшеклассников, потому что Трейси, Мэтт и Майк хотели сюда пойти, а они были в нашей машине. Стефани оказалась в меньшинстве, потому что Роберт и я не голосовали. Мы были слишком заняты, не разговаривая на передних сиденьях. Стефани хотела пойти на вечеринку новичков, и теперь я начинаю разделять ее точку зрения. Пока что, после прогулки по обоим номерам и рассматривания парковки с балкона второго этажа, единственный человек, которого я знаю, и то, на расстоянии, — это Оркестровый Парень. И то, он только что сел в машину и уехал без своей девушки, наверно, потому что его не устроил выбор музыки или ее речь в защиту Florence + The Machine, особенно после того, как он проголосовал за Yeah Yeah Yeahs. Я поняла, что она его девушка, когда она побежала за его машиной с криком: «Ты придурок! Ты собираешься бросить меня в этом дерьмовом мотеле с этими людьми?!»

Я поняла. Я тоже собираюсь.

Когда Стефани, которая напилась сильнее, чем когда-либо, и продолжала пить, пожаловалась, что мы никого здесь не знаем, Трейси сказала, что ее отряд будет здесь с минуты на минуту — предполагалось, что это нас обрадует — и что они приготовили для всех сюрприз.

Каким бы ни был их сюрприз, я могу просто дать гарантию, что я его не хочу.

Пока Трейси загадочно извиняется с огромным самодовольством, я обдумываю, просить ли Роберта отвезти меня домой, но на самом деле, я не хочу быть в машине наедине с ним и презервативами. Не то чтобы я думала, что они выпрыгнут из бардачка и что-нибудь натворят, но мне просто не хочется находиться рядом с ними дольше, чем уже пришлось. В любом случае мой комендантский час наступит всего через полчаса. Думаю, в течение получаса я могу вынести все что угодно.

Как бы не так.

Что я действительно хочу сделать — пойти домой, снять это уродское платье и лечь в постель, думая о Джейми.

Который меня поцеловал.

Полгода назад я думала, что больше никогда не произойдет ничего хорошего. Но теперь... это.

Это было идеально.

Раньше я ни с кем не целовалась, поэтому, возможно, мне не с чем сравнивать, и я говорю, что с Джейми это было идеально, но я не могу представить, что может быть лучше. Его руки были нежными, но в них чувствовалась сила — я знала, что они будут ощущаться именно так. Я знала это с первого дня, когда посмотрела на них, и у него тогда было синее

чернильное пятно на большом пальце. И у него идеальные губы. Хотела бы, чтобы они оставались на моей шее всегда.

Он поцеловал меня, но что это значит? Теперь я его девушка? Или он просто изменил Регине со мной? Регина будет меня преследовать?

Это нормально, что я чувствую себя счастливой из-за чего-то?

— С тобой все в порядке, Роуз? У тебя лицо горит, как будто у тебя температура или что-то типа того, — говорит Роберт. Не знаю, когда он здесь оказался, но он стоит рядом со мной, опирается на перила балкона на втором этаже мотеля и разглядывает парковку. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы вернуться в реальность, откуда бы то ни было.

— Декабрь. Здесь холодно, — говорю я, плотнее закутываясь в пуховик. Похоже, все до единой надели пальто. А я забыла об этой части наряда. Как обычно, в этом месяце я не прочитала журнал «Lucky» — Трейси заставила меня оформить подписку — поэтому понятия не имела о том, что носят девушки поверх платья, когда идут, например, на дискотеку. Если бы Трейси не напилась еще до того, как мы пошли обедать, уверена, что я бы об этом услышала.

— Ты все еще злишься на меня? — тихо спрашивает Роберт.

Он выглядит таким расстроенным, что я чувствую себя так, словно мучаю его. А я его на самом деле мучаю.

— Я просто не понимаю. Мы же даже не встречаемся.

— Знаю.

— Тогда почему ты ведешь себя так, как будто встречаемся? Зачем ты это говоришь людям, когда я прошу тебя так не делать?

Он пожимает плечами.

— Наверно, потому что хотел бы, чтобы это было правдой. А иногда, кажется, что и ты бы хотела. Например, этим летом.

Я знаю, о чем он говорит, и он абсолютно прав — не могу это отрицать. После похорон папы в июне мы пошли на пляж с Трейси, Мэттом, Стефани и Майком, и я флиртовала с Робертом. Я делала это, потому что знала — он тоже будет флиртовать. Мне было приятно слышать, что я очаровательно выгляжу в новом светло-голубом купальнике, и мне нравилось, когда кто-то мазал лосьоном мне спину с таким видом, будто это наикрутейшая вещь, которую ему пришлось делать за весь год.

Но по большому счету, я знала, что веду себя нечестно. У меня и в мыслях не было встречаться с ним, и мне не стоило флиртовать. Догадываюсь, что мне не хотелось быть девочкой с погибшим папой и без парня. У Трейси был Мэтт, Мэтт недавно познакомил Стефани с Майком, а я чувствовала себя покинутой. Поэтому я использовала Роберта. Что было ужасным поступком. Но Роберт был таким милым с тех пор, как умер папа, и он проявлял заботу обо мне на похоронах, и он был... там. Мне было плохо, а с ним легко было так себя вести.

Я привыкла думать, что Роберт позволял себя использовать в тех ситуациях, а значит — вина на нем, и я за это не отвечаю. Но теперь я подумала, что я его использовала, а он даже не знал об этом. Он ведь надеялся, что я, наконец, созрела.

Некоторые девушки так себя ведут все время, но я думаю, это глупо и плохо. Я бы не хотела, чтобы со мной так поступали.

Иногда я не слишком горжусь своими действиями.

Звук тормозящих шин спас меня от необходимости выслушивать, как Роберт в деталях

рассказывает, какой сложной я могу быть. На парковке остановился большой внедорожник, и оттуда стали вылезать чирлидеры, как из какой-то странной клоунской машины. Теперь они были уже не в платьях — переоделись в униформу — и начали вставать в некую конструкцию на парковке, дрожа и подпрыгивая на месте из-за минусовой температуры. Я заметила, что здесь была вся команда, за исключением Мишель. Наверно, она решила, что будет умнее держать Френки и Ричи как можно дальше друг от друга. Хотя Ричи нигде не было видно, поэтому, возможно, они с Френки сейчас сцепились на школьной парковке, а Мишель пытается их растащить.

Отсутствие Мишель могло означать, что кто-то близок к унижению. Трейси рассказала мне, что Мишель не участвовала в посвящении, потому что она не верит в него. Но даже всемогущая Мишель не смогла помешать этому произойти — ведь это традиция с долгой историей, слишком восхищающая некоторых людей, чтобы ей противиться.

Регина гордо вышагивает, выкрикивая указания. Время от времени она поглядывает на балкон, кого-то выискивая в толпе. Возможно, Джейми, которого, честно говоря, я тоже ищу. Но когда ее взгляд падает на меня, она несколько секунд не отводит глаза, а затем отворачивается, будто нашла то, что искала.

— Можешь это выключить? — пронзительно кричит Сьюзан Диджею Парковки, неистово размахивая рукой, чтобы привлечь его внимание. — Нам нужна наша музыка!

Когда он ее игнорирует, Регина переходит в наступление, используя другую тактику — кричит на него. Он кричит в ответ около минуты, потом осознает, что бесполезно пытаться перекричать ведьму. Он садится в свою машину и уезжает, выкрикивая в окно какие-то ругательства, но его никто не слышит, потому что он врубил Такка Такка — группу, которую, я уверена, никто в этом мотеле не слышал, кроме меня.

Может быть, это означает, что мне тоже стоит уехать.

Наступает странный момент тишины, пока чирлидеры выстраиваются в некую конструкцию на парковке, и ничего не происходит. А потом я слышу обратный отсчет, и из внедорожника вырываются звуки песни «Single Ladies». Девушки начинают кружиться, и толпа сходит с ума.

— Они танцуют? — скептически спрашивает Роберт.

Они начинают исполнять их собственную версию клипа Бейонсе, в которой нет ни крутых облегающих костюмов, ни таланта. Они танцуют с помпонами и в коротких юбках, что делает все это похожим на пародию из «Субботнего Вечера в Прямом Эфире». Внезапно Кристин и Трейси прыгают в центр группы и становятся главными танцорками. Другие девушки выстраиваются в линию за ними, начинают хлопать и что-то кричать хором. В первые секунды я не поняла, что они кричат. Но потом это стало донельзя очевидно.

— Стриптиз! Стриптиз! Стриптиз!

В этот момент казалось, что вся старшая школа наблюдает с балкона мотеля, подхватив эту кричалку. Мэтт стоит рядом с Майком, явно наслаждаясь публичным унижением своей девушки. Хотя, сказать по правде, его девушка тоже наслаждалась своим публичным унижением. Я ломала голову, думая, надела ли Трейси свою униформу под платье, когда, одним ловким движением, Трейси и Кристин сдернули с себя топы и бросили их на балкон, прямо на Ричи Гамильтона, который только что пришел и не выглядел побитым Френки. Парни с ума посходили, наблюдая, как Трейси и Кристин продолжали танцевать в лифчиках при нулевой температуре. Когда толпа продолжила скандировать, я отвернулась.

— Не могу больше смотреть. Это жалко, — сказала я, ожидая, что Роберт со мной

согласится, но он не мог оторвать восхищенный взгляд. Что происходит с чирлидерами и парнями из старших классов? Даже ребята, заявлявшие, что они идиотки, наблюдают за их пьяным стриптизом на убогой парковке мотеля.

Мне нужно многое узнать о парнях из старших классов, как о биологическом виде.

Я захожу в один из номеров в поисках маминого клатча. Я собираюсь домой, отвезет меня Роберт или нет. Нахожу сумку и уже готова выйти, когда слышу шум из ванной. Звук такой, будто кто-то стонет. Я слегка приоткрываю дверь, но она наталкивается на что-то в темноте. Я толкаю дверь сильнее. Когда она открывается достаточно широко, чтобы просунуть голову, я вижу, что Стефани лежит без сознания на полу в луже рвоты.

Прекрасно. Конечно, именно я ее обнаружила. Теперь мне придется за это отвечать.

— Стефани? — говорю я, наклоняясь над ней и стараясь не вдыхать из-за запаха. Трясу ее за плечо, но она не реагирует. — Стеф! — кричу я, но в ответ — ничего. Я наклоняюсь ниже и понимаю, что она вся цвета горохового супа. А еще понимаю, что она не дышит.

Это возможно? Я пристально смотрю на нее, отчаянно надеюсь, что замечу какое-то шевеление от ее дыхания.

Ничего.

Я бегу в номер и хватаю телефон. Замираю на секунду, осознавая, что я сейчас сообщу об этом всей школе. Я знаю, что это правильный поступок — не собираюсь быть человеком, который позволил Стефани Трейнер умереть на полу, пока все остальные балдели от стриптиза малолеток — но мне просто нужно немного времени, чтобы собраться с силами, прежде чем я уничтожу себя и опущусь еще ниже в кастовой системе Юнион Хай.

Набираю 911.

— Оператор слушает. Что случилось?

— Привет, мм, я на вечеринке в мотеле «Amore», и моя подруга потеряла сознание в ванной. Думаю, что она не дышит. Нам нужна скорая помощь.

— Мисс, пожалуйста, назовите ваше имя.

— Мое имя? Оно вам, правда нужно?

— Ваше имя, пожалуйста.

Я знала, что так и будет, но ее вопрос еще раз доказал мою точку зрения. Мне лучше переехать в другой штат прямо сегодня вечером. Я никогда, никогда это не исправлю.

Делаю глубокий вдох.

— Роуз Царелли.

— Скорая выехала к вам, Роуз. В каком вы номере?

— Тридцать три.

— Вы умеете делать искусственное дыхание?

— Да. Мм, то есть, думаю, что да. Мы проходили это на уроке здоровья.

— Хорошо. Если ваша подруга не дышит, делайте искусственное дыхание, пока не придет скорая, хорошо? Вы можете спасти ей жизнь.

Кладу трубку и бегу обратно в ванную. Стефани вся покрыта рвотой. Вообще я не брезгливый человек — я не теряю самообладание при виде крови. Но здесь две вещи, которые мне неприятны: слизь и рвота. Слизь — из-за консистенции, рвота — из-за запаха.

Я встаю рядом с ней на колени, сдерживаясь, чтобы меня не стошнило. Смогу ли я это сделать? Смогу ли дотронуться своим ртом до ее? А если я этого не сделаю, она умрет?

Пока я пытаюсь вообразить манекен для искусственного дыхания с урока здоровья и

вспоминаю, сначала нужно отклонить ее голову назад или прочистить дыхательные пути, Стефани поворачивается на бок и ее снова рвет, прямо на мои колени. Думаю, теперь она, наконец дышит.

— Стеф? Ты меня слышишь?

Она медленно открывает глаза и пытается заговорить, но получается нечто невнятное. Единственное слово, которое я уловила — «Трейс». На некоторое время я чувствую такое облегчение от того, что она жива, что мне даже не противна рвота на мне, и я забываю, что позвонила 911. А потом я слышу сирену, вслед за которой раздается крик с балкона: «Копы!»

Все протискиваются в номера, чтобы забрать вещи и сваливать отсюда. Но народ слишком пьян, чтобы быстро двигаться, и никто не успевает уйти до приезда копов и скорой, за исключением, конечно же, чирлидеров, которые были рядом со своей машиной. Я слышу их крики на фоне воя сирен, и практически вижу, как они всей толпой лезут в эту клоунскую машину и уезжают, бросая всех остальных на произвол судьбы. И я уверена, что Трейси с ними.

Поехала бы она с ними, если бы знала о том, что творится здесь?

Я выглядываю из ванной как раз, когда парень из скорой проталкивается через дверь номера 33, сопровождаемый парой копов. Он протискивается через толпу людей, которые вбежали в номер, услышав сирену, а копы блокируют дверь, чтобы никто не мог выйти. Быстро ныряю обратно в ванную, желая, чтобы этот вечер закончился или время пошло обратно, и до всех этих любительниц Бейонсе и рвоты, я бы могла снова поцеловать Джейми. Но на этот раз я бы не позволила ему выйти из машины, и мы бы не вернулись в зал. Мы бы ушли с дискотеки и отправились... куда-нибудь.

— Роуз Царелли? — спросил врач скорой, стоя в дверном проеме ванной.

Я подняла руку, как будто я на уроке или еще где-нибудь.

— Ты нас сюда вызвала? — Он входит в ванную, держа красную пластиковую коробку с ручкой, где было написано «Скорая помощь» большими белыми буквами. У него вьющиеся каштановые волосы и голубые глаза, и он кажется мне смутно знакомым.

Я киваю и ухожу с дороги. Мне слышно, как народ в комнате уже начинает перешептываться друг с другом. Копы начинают записывать имена присутствующих, угрожая арестовать их за распитие алкоголя в несовершеннолетнем возрасте, если они не пойдут навстречу.

— Роуз? Розы? — в панике кричит Роберт из комнаты. Я не отвечаю.

Врач наклоняется и осматривает Стефани, затем говорит по рации своему коллеге, что дыхание неравномерное, и лучше забрать ее с алкогольным отравлением. Коллега говорит, что подойдет через минуту, а у Стефани снова рвота. От вони у меня кружится голова, и я интересуюсь, можем ли мы шевелиться побыстрее, чтобы отвезти Стефани в больницу, но врач лишь равнодушно поворачивает ее на бок, чтобы она не захлебнулась.

— Ты имеешь отношение к Питеру Царелли? — спрашивает он, удерживая руку на щеке Стефани и прижимая ее голову к полу. Похоже, что он делал это, по меньшей мере, миллион раз.

Сейчас я уже настолько привыкла, что люди задают мне этот вопрос, что он даже почти не расстраивает меня, несмотря на странный контекст.

— Да. Он мой брат. Он уехал в колледж.

— Да? Как тесен мир. Я играл в хоккей с Питером. Он был новичком, а я был постарше. Однажды я случайно переехал ему руку. Думаю, даже зашивать пришлось.

Я прочитала его имя на бейдже — Р. Пассео.

— Бобби?

Он испуганно взглянул на меня.

— Ого. Я легенда в вашем доме или что-то в этом роде?

— Нет. Просто забавно, потому что, мм, кто-то недавно рассказывал мне, что он отвез Питера домой после того, как это произошло. — Мне хотелось спросить, знает ли он Джейми, но потом я вспомнила, что пятьдесят человек в спальне слушают мой разговор с этим парнем. Пятьдесят человек, которые, возможно, уже составляют план мести мне. Поэтому держу рот закрытым. Стефани пытается поднять голову, но Бобби говорит, чтобы она не двигалась, просто расслабилась, и что с ней все будет в порядке. Она открывает рот, пытаюсь что-то сказать, но выходят только пузыри слюны. Я беру полотенце и начинаю оттирать рвоту с моей одежды.

— Слишком маленькие, чтобы пить, — говорит он мне.

— Это встреча выпускников. — Я пожимаю плечами. — Помните такое, да?

— Да. Кажется, будто это было давным-давно, все эти тусовки. С тобой все нормально? Сколько ты выпила?

— Я? Нисколько.

— Нисколько? — недоверчиво говорит он.

— Розы? — снова зовет Роберт, а его голос все ближе.

Бобби смотрит на меня в ожидании ответа, но я молчу.

— Это твой парень? — наконец спрашивает он.

Качаю головой.

— Просто должен отвезти меня домой. У меня уже комендантский час начался.

— Копы конфискуют ключи и звонят родителям, поэтому не думаю, что он куда-либо тебя отвезет. Почему бы тебе не рассказать им, что случилось, чтобы они составили отчет? — Бобби пододвигается ко мне и тихо говорит: — Поговори с тем, что постарше. Он лучше. И не переживай за подругу. Мы хорошо о ней позаботимся. Как ее зовут?

— Стефани Трейнер, — говорю я, осторожно поднимая ее сумку с закрытого рвотой пола и вытирая ее полотенцем. Бесполезно, потому что теперь рвотой покрыто и полотенце. Меня тошнит, когда я протягиваю сумку Бобби, но он даже не проявляет отвращение. Думаю, он видел вещи и похуже.

— Возможно, копы отвезут тебя домой без звонка твоим родителям... Ээ, твоей маме. Рассматривай это, как небольшое вознаграждение за выполнение гражданского долга, — говорит он.

Больше похоже на стукачество.

Когда я вхожу в комнату, все замолкают, даже Роберт, которого, как я теперь вижу, удерживает, чтобы он не вошел в ванную, коп с седыми волосами, выглядящий так, будто ему осталось пару секунд до пенсии. Все мои одноклассники уставились на меня, словно только узнали, что я — серийный убийца, который уничтожил всех членов их семей.

— Ты Роуз? — спрашивает старший коп. Когда я киваю, он отпускает Роберта и машет мне, чтобы я вышла за ним из комнаты, мимо младшего копа со злобным видом, который держит картонную коробку, наполненную всем найденным здесь алкоголем. Некоторые из парней наблюдают за ним со слезами на глазах — они так старались, на многое пошли ради того, чтобы получить все эти бутылки для сегодняшнего вечера.

А мне уже все равно.

— Я офицер Вебстер. Собирай свои вещи, — говорит он, похлопывая полицейской дубинкой по своей руке и глядя на убитых горем парней. Я поднимаю свою сумку, показывая ему, что мои вещи уже при мне. Он делает шаг в сторону, чтобы я могла идти впереди него, и мы проходим через комнату и балкон к лестнице.

Похоже на прогон через строй. Ричи Гамильтон наблюдает за мной с таким видом, словно не совсем понимает, что происходит. Слышу, как кто-то сзади него говорит:

— Хорошая работа, Роуз. — А когда мы проходим мимо Мэтта и Майка, Мэтт рывкает на меня:

— Какого хрена ты это сделала?

Дубинка офицера Вебстера снова ударяет по его ладони, и Мэтт слегка отскакивает назад, чем я успеваю полностью насладиться. Может быть, это последний момент наслаждения, который мне довелось испытать в тинейджерской жизни. Не обращаю внимания на Мэтта и смотрю на Майка.

— Там Стефани, Майк. Она чуть не умерла. — Понятия не имею, правда ли она чуть не умерла, но говоря это, чувствую себя, словно так оно и есть. — Может, ты хочешь увидеться с ней, пока ее не забрали в больницу. На самом деле, тебе стоило бы поехать в больницу с ней. Это был бы хороший поступок. Если вы с ней встречаетесь, — говорю я, даже слишком подчеркивая слово «встречаетесь». Он выглядит несколько пристыженным, когда идет к двери, и мое мнение о нем улучшается. Чуть-чуть. Когда я спускаюсь по лестнице, слышу слова Мэтта:

— Ты только что испортила всем нам вечер, ты хоть это понимаешь?

Мы спускаемся вниз, и коп ведет меня через парковку к своей машине. Кто-то кричит с балкона: «В наручники ее!», и все начинают хлопать в ладоши. Чувствую, что краснею, и не оглядываюсь.

— Где ты живешь? — спрашивает он.

— В Юнион, на Брук Род.

Он открывает заднюю дверь полицейской машины и говорит:

— Залезай. Я отвезу тебя домой.

От мысли о том, что я приеду домой позже комендантского часа на полицейской машине с включенной мигалкой, меня тошнит. Но я, наверно, по-прежнему предпочту этот вариант поездке домой с Робертом и его коллекцией презервативов. Мой суд присяжных еще не пришел к решению. Но точно знаю, что не хочу, чтобы моя мама выглянула в окно и увидела меня, выходящую из патрульной машины.

— Могу ли я дожждаться кого-нибудь из друзей, чтобы меня отвезли домой? — спрашиваю я в надежде на чудо.

Офицер смотрит на меня, а потом поднимает взгляд на моих глумящихся одноклассников. Он очень глубоко вздыхает с измотанным видом.

— Роуз, поверь мне, когда я скажу, что ты не захочешь здесь болтаться. Не думаю, что твои друзья очень тобой довольны, — говорит он, качая головой, словно ему не верилось, что я сделала больше, чем могут мои одноклассники. — В понедельник тебе будет непросто. — Он взглянул на балкон и махнул своей дубинкой, заставляя их заткнуться на несколько секунд. — Давай, садись. Осторожно, не ударься головой.

Я ныряю на заднее сиденье машины, сжав руки перед собой, как будто офицер Вебстер действительно надел на них наручники. Он садится вперед и включает рацию, чтобы сообщить в участок, куда он направляется. Перед тем, как тронуться с места, он

поворачивается и обращается ко мне через железную решетку, которая должна удерживать меня, чтобы я не причинила ему вреда:

— Ты хоть веселилась, пока твоя подруга не напилась чуть не до смерти?

Не знаю, какой должен быть ответ. Возможно, «Нет, офицер, я ужасно проводила время, потому что мой друг принес презервативы, думая, что я займусь с ним сексом». А может: «Офицер, я не помню ничего, что было до моего звонка в 911 и социального самоубийства». Или: «Да, офицер, все было потрясающе, потому что меня поцеловал чей-то парень, и это был лучший первый поцелуй, о котором можно только мечтать, и хоть я и не знаю, поцелуемся ли мы еще или его девушка придушит меня своими черно-золотыми помпонами, в любом случае, оно того стоило».

Пока мы едем обратно в Юнион, мне снова интересно — неужели старшая школа именно такой и должна быть. Кажется, что все вокруг отлично проводят время, пьют, ходят на свидания, занимаются сексом и их чуть не арестовывают. Но каким-то образом я всегда оказываюсь на неправильной стороне уравнения. Хотя сегодня у меня был первый поцелуй, но это же не тот первый поцелуй, который должен быть с твоим парнем — или с кем-то, кто свободен и может стать твоим парнем? И разве не положено быть в экстазе после первого поцелуя вместо того, чтобы переживать, что девушка этого парня собирается тебя избить? И разве не положено упиваться случившимся, а не звонить в 911, потому что думаешь, что твоя подруга умирает?

Может, все из-за меня. Может, я не умею веселиться. Трейси всегда говорит, что мне нужно стать более свободной. Но я не хочу раздеваться на глазах у половины школы, не хочу, чтобы мне в глотку заливали полную воронку водки. Не хочу, чтобы дьяволицы-чирлидеры заставляли меня делать ужасные вещи, не хочу иметь парня-придурка, который будет заставлять меня заниматься сексом, и возможно, будет мне изменять.

Насколько я могу судить, ничто из этого нельзя назвать веселым. Больше похоже на девятый круг ада, чем на девятый класс. Но что я вообще знаю?

дилемма (существительное): серьезное затруднение; неприятная ситуация
(см. также: приезжать домой в полицейской машине)

Пока я иду по тропинке к дому, мерцание телевизора освещает через окно замерзшую лужайку. Это, казалось бы, красивым, если бы не означало, что мама меня ждет. Конечно, ждет. Такая уж я «везучая».

Она отодвигает занавеску и выглядывает из окна как раз в тот момент, когда офицер выходит из патрульной машины. Входная дверь резко открывается, когда я протягиваю к ней руку, и я жду, что она будет стоять за дверью, с рекордной скоростью прибежав к двери из комнаты с телевизором. Но это не она. Мое сердце делает странные перебои и пропускает пару ударов — будто споткнулся обо что-то, но еще не упал на землю.

Папа?

Нет, идиотка. Это Питер, твой брат, который даже не потрудился приехать на День Благодарения, но, видимо, оказал нам великую честь, появившись по случаю Рождества.

На самом деле, внешность Питера сильно отличается от папиной, если не считать волосы. Но когда он стоит в дверном проеме, освещенный сзади, а лицо остается в тени, он до смерти похож на папу.

Неудачный выбор слов. Мне кажется, я слишком часто это делаю.

— Ты в порядке? — спрашивает он с по-настоящему обеспокоенным видом. Догадываюсь, что выгляжу так, будто увидела привидение.

— Ты только что вышла из полицейской машины? — говорит мама, ее голос звучит резко и дребезжит, как сверло дантиста на большой скорости. — Прошло сорок пять минут после твоего комендантского часа. Что происходит? Где ты, черт возьми, была?

— Быстрее заходите — здесь холодно, — говорит Питер, не обращая внимания на маму и помогая мне снять верхнюю одежду.

— Прямо сейчас ты сядешь и все объяснишь, — требует она, хватая меня за руку и толкая к дивану так сильно, что моя голова задевает стену. Питер настолько удивлен этим небольшим актом насилия, что забывает до конца закрыть дверь.

— Что-то случилось? Ты ранена? Роберт ранен? Была авария? — Она стоит передо мной, крича мне в лицо. Странно, но я чувствую себя так, словно она смотрит на меня впервые за несколько месяцев. То есть, она смотрит на меня, будто никогда раньше не видела, но, по крайней мере, она меня замечает.

Питер внезапно встает между нами, лицом к ней, с моей курткой в руках, а холодный декабрьский воздух проникает через наполовину открытую дверь.

— Мам, ты ненормальная. Дай ей хоть на один вопрос ответить.

Мама упирает руки в бока и пристально смотрит в потолок, качая головой. Питер медленно поворачивается ко мне, не отрывая взгляд от нее. Он выглядит немного шокированным. Думаю, мой горячо любимый брат ждал, что вернется в точно такой же дом, каким он его оставил — конечно, за исключением папы. Ну, извини, что разочаровала, Питер, но жизнь в старом добром Юнионе не остановилась в ту секунду, когда ты укатил в колледж, и теперь все совсем не так, как было до твоего отъезда. Твою мать и сестру подменили пришельцы, у которых нет общего языка и нет ключа, чтобы понять друг друга и поговорить.

— Роуз? У тебя три секунды, чтобы начать объяснять, — говорит она потолку.

— Со мной все хорошо, мам. Со всеми все хорошо. Только Стефани слишком много выпила...

— Она пила? Там был алкоголь? — говорит мама, вскидывая руки.

— Мама! Прекрати! — требует Питер. Мама снова замолкает, но начинает ходить по комнате. Когда Питер начал разговаривать с мамой таким тоном? И когда я начну? — Роуз, что, черт возьми, случилось? — спрашивает он.

Я раздумываю, стоит ли сказать правду или нет, но понимаю, что врать просто нет смысла. Наутро весь город будет знать о случившемся.

— Стефани стало плохо, я забеспокоилась и позвонила 911. Думала, что она умирает. Приехала скорая с копами и испортили вечеринку...

— Я думала, ты сказала, что пойдешь к Трейси после дискотеки!

— Мы собирались пойти, но вместо этого оказались в отеле «Amore»...

— Что значит: «Мы оказались в отеле «Amore»? В четырнадцать лет ты не должна оказываться в сомнительном отеле! Ты понимаешь, что должна была приехать домой около часа назад? — кричит мама. Я уже готова заорать на нее в ответ, когда ее разъяренное выражение лица исчезает и сменяется слезами.

Мы с Питером ошарашенно смотрим друг на друга. Здесь происходит что-то странное — словно мы наблюдаем, как наша мама просыпается после полугодовой комы.

А потом я осознаю: именно это мы и наблюдаем. Она была в шоке с того момента, когда ей позвонили на следующий день после выпускного Питера.

Тот звонок был полной неожиданностью — наверно, так всегда и бывает. Даже если тот, кого ты любишь, сейчас на войне, ты не думаешь, что он умрет. Знаешь, что это возможно, но не веришь в это, когда два хорошо одетых солдата заходят в твою дверь и говорят, что человек, которого ты любишь, мертв.

Не то чтобы в семьях контрактных военнослужащих так происходило.

Эти хорошо одетые солдаты, которые заходят в дверь и несут плохие новости, посещают солдатские семьи только во всяких военных фильмах. Судя по всему, семьям контрактников просто звонят. Я по-прежнему понятия не имею, что за человек на другом конце провода говорил в тот день с мамой. Насколько мне известно, они сказали: «Ваш муж погиб. Извините», и бросили трубку. Меня это не удивляет — людей не волнует вклад контрактников в военные действия. Или даже — не то, что не волнует, они просто об этом не знают. Они не знают, что все эти люди, не солдаты, там пытаются сделать нормальную работу — например, что-то строить, водить грузовики и доставлять припасы в центр военных действий, но они даже не знают о том, как выжить в таких условиях.

Как бы то ни было, когда зазвонил телефон, мама взяла трубку, ее это шокировало, и она была в шоке до сих пор. До того, как ужас от возможности потерять одного из нас не вернул ее к жизни.

— Мам, — тихо сказал Питер, взяв ее за плечи. — Садись. — Он мягко подтолкнул ее к стулу. — С Роуз все хорошо. Она здесь. Ничего с ней не случилось. Видишь? — Он указал на меня. — С ней все хорошо.

Мама быстро окидывает меня взглядом с ног до головы, как будто ищет повреждения. Затем она делает несколько глубоких вдохов и вытирает глаза. Она уже начинает выглядеть смущенной, словно ей не стоило плакать перед нами.

— Где Стефани?

— Ее забрали на скорой в больницу.

— А Роберт?

— Не знаю, дома, наверно.

— Почему ты не знаешь, где он, Роуз? — спрашивает она, и ее тон снова означает, что я плохо обращаюсь с Робертом. Меня это бесит.

— Потому что мне не позволили больше там оставаться, чтобы увидеть, что с ним случилось. Офицер полиции хотел увезти меня оттуда, пока они не попытались меня убить.

— С чего бы они пытались?

— Из-за того, что она вызвала копов, который конфисковали весь алкоголь, — отвечает Питер, сделавший правильный вывод.

— Ты пила? — спрашивает она.

— Нет.

— Ты не пила, — повторяет она скептически.

— Зачем тогда спрашиваешь, если все равно не веришь тому, что я говорю? — огрызаюсь я.

Она встает со стула и указывает пальцем мне в лицо.

— Ты наказана, — говорит она, убийственно спокойная, все следы слез исчезли из ее голоса.

— Что? Почему? За то, что позвонила 911?

— За то, что пугаешь меня, приходя через час после твоего комендантского часа...

— Я опоздала всего на сорок пять минут! — говорю я, а в глубине меня начинает закипать гнев. Пока у меня поднимается температура, и здравый смысл уходит в отпуск, мне в голову приходит спокойная мысль: у меня нет панических атак — зато есть гневные атаки.

-..и за ложь о том, куда ты пошла после танцев.

— Я не...

— Мы обсудим детали утром, — говорит она. Ее терапевтический голос уже вернулся на место, и трещины в ее внешнем образе снова были прочно заделаны.

— Мам, это несправедливо. Роуз сделала точно то, что ты... — начинает Питер. Я прерываю его, хватая первое, что попало мне под руку, и, швыряя в стену, эффектно испортив заявление Питера о том, что я повела себя ответственно. Питер и мама нагибаются, когда праздничные M&Ms взлетают в воздух, и конфетница разбивается слева от ненаряженной новогодней елки, которая стоит в ведре с водой, прислоненная к стене. Звук бьющегося стекла и стучащих по полу M&Ms доставляет невероятное удовлетворение.

— Хватит. Это мой дом. Вы мои дети. Здесь я решаю. — Она захлопнула входную дверь, защелкнула замок и пошла вверх. В доме снова стало тихо.

Я поворачиваюсь к Питеру, который смотрит на меня как на постороннего человека. Похоже, сегодня мы оба не узнаем друг друга в определенные моменты.

— Господи, Роуз, когда ты начала кидаться всяким дерьмом? — Он идет на кухню и возвращается с совком для мусора.

— Я уберу это, — говорю я. Смущение медленно просачивается по моим венам, смягчая гнев.

— О, нет. Нет, не уберешь. Ты просто сядешь здесь и успокоишься, черт возьми. — Падаю на диван. Он молча убирает осколки в течение минуты, прежде чем сказать: — Мама сказала, что ты злишься на весь мир, но я не думал, что ты ведешь себя, как двухлетний ребенок.

— Да, ну, может быть, если бы ты приехал домой на День Благодарения, ты бы увидел

это своими глазами.

Питер сметает в совок остатки мусора и поворачивается лицом ко мне.

— Брось, Роуз. Сейчас я здесь.

— И я должна быть благодарна за это?

— Благодарна? Нет. Но ты можешь быть счастлива — в конце концов, я счастлив, что с тобой увиделся.

Понятия не имею, что на это ответить. Я не «счастлива» видеть его и не «счастлива», что он дома, я лишь надеюсь отчитать его за то, что он бросил нас в День Благодарения.

— Я соскучился по твоему субботнему нытью о социальных несправедливостях старшей школы, — говорит он таким тоном, будто окончил школу много лет назад, а теперь, когда он в колледже, не может вспомнить, на что она похожа. — О, да, и еще спасибо, что отвечала на мои письма, — саркастично добавляет он.

— Ты козел, Питер, — такую реакцию я выбрала.

Я никогда, за всю свою жизнь, не разговаривала с братом подобным образом. И это отразилось на его лице.

— Я — кто? — спрашивает он, и это звучит более обиженно и удивленно, чем злобно. Ненавижу признавать, что его ошарашенный вид гасит весь мой напор. Какая же я неудачница.

— Ты слышал, — говорю я, уже менее уверенно, чем несколько секунд назад.

— Я только что спас твою задницу — ты вообще это понимаешь, а?

— Как ты спас мою задницу? Я наказана!

— Нет. Она просто чувствовала, что должна сказать это, но она знает, что ты сделала все правильно.

— Для меня это звучало не так, — говорю я.

— Все нормально, Роуз, просто скажи мне, что, черт возьми, с тобой не так. Давай разберемся с этим, сделаем все это праздничное дерьмо, и я смогу вернуться в школу.

Он положил совок на пол и сел на стул напротив меня.

— Ты действительно будешь действовать, как будто не знаешь, что именно не так?

— День Благодарения, верно?

Я просто не отвожу от него глаз. Насколько я вижу, его злость ослабляет нечто, что скрывается под поверхностью — возможно, это смущение или стыд. Мне становится легче, когда я это замечаю.

— Мне не хотелось быть здесь, Роуз.

— Да, я знаю. Ну, тебе в любом случае придется. Папа этого хотел.

— Чего хотел отец, уже не имеет значения, — говорит Питер. — Он умер, помнишь?

Мне хочется поднять совок, лежащий у его ног, и высыпать грязные M&Ms и осколки стекла ему на голову.

— Почему ты говоришь такие вещи?

— Потому что это, правда — его больше здесь нет, поэтому не имеет значения, что он думал или хотел. Это просто реальный факт. Я не пытаюсь быть...

— Ты сердисься на него. — Не знала, что понимаю это, пока слова не вырвались из моего рта, но внезапно мне показалось, что я это понимала все время. Теперь это кажется таким очевидным.

— Я не сержусь на него.

— Ты говоришь о нем, как будто он... как будто он сделал что-то, что тебя бесит.

— Ну, он нашел работу в этом долбанном Ираке в самый разгар войны, Роуз.

— Да, а ты продолжал подавать документы в самые дорогие колледжи страны, даже после того, как он потерял работу. Так чья вина в том, что ему пришлось туда поехать?

Как только я задала этот вопрос, сразу же пожалела. Я пожалела об этом сильнее, чем о чем-либо за всю свою жизнь, потому что я не это имела в виду. Правда, не это.

Так зачем я это сказала? Только, чтобы сделать ему больно? Когда я начала так поступать?

— Извини. Прости меня, Питер, я не... это не...

Он уставился на совок у его ног, потом наклонился, поднял его и протянул мне. Конфеты, покрытые битым стеклом, переливаются на свету.

— M&M? — предлагает он.

Смотрю на осколки и какое-то время думаю над тем, чтобы взять одну конфетку. Поедание стекла сразу же могло бы решить множество моих проблем. Это помогло бы не чувствовать себя так плохо из-за того, что я сказала Питеру, а может быть, меня бы положили в больницу, и мне не пришлось бы идти в школу в понедельник. Я протянула руку, чтобы взять конфету, наполовину шутя, но он убрал совок.

— Ты знаешь, что я подавал документы во все эти школы только потому, что он этого хотел. После того, как он потерял работу, он продолжал говорить, что они все обдумали, что он не хочет, чтобы я учился с кредитами.

— Я знаю. Помню.

— Впрочем, спасибо за чувство вины, — говорит Питер, вставая и унося совок на кухню. Когда он возвращается, он садится на диван рядом со мной, лицом к унылой елке, которая еще перевязана бечевкой. Понятия не имею, когда мама ее купила и как долго она здесь стоит.

— Слушай, ты сделала все правильно, если правда думала, что Стефани могла умереть.

— Скажи это безумной женщине наверху, — говорю я.

— У мамы полный беспорядок в голове.

— По крайней мере, мы знаем, что она остается человеком, — отвечаю я. — Этот срыв стал первым случаем, когда она не вела себя как робот, с тех пор, как папа умер.

— Ты ее обвиняешь?

— Типа того. Она мозгоправ. Разве мозгоправы не знают, как справляться с такой фигней?

— Думаю, все по-другому, когда это твоя собственная семья, — говорит он. — Папа Аманды — мозгоправ, и у него долбаная дурацкая работа».

— Кто такая Аманда? — спрашиваю я без раздумий.

— Моя девушка, — удивленно говорит он. — Мама не сказала тебе, как ее зовут?

Качаю головой. Питер пару секунд обдумывает это, и я в какой-то степени наслаждаюсь, когда вижу, как он понимает, что он — не тема для постоянного обсуждения в этом доме. Конечно, реальность такова, что он мог бы стать темой для постоянного обсуждения, если бы у нас вообще была такая тема.

— Аманда крутая, Розы. Она тебе понравится.

Знаю, что Питер защищал меня сегодня и пытался решить проблему, но я все еще не готова простить его. И меня не волнует, какая «крутая» у него девушка. Насколько я могу судить, ее не существует, пока она не появится здесь и не объяснит, что могло быть настолько важным, чтобы ей пришлось оторвать моего брата от его семьи в наш первый

День Благодарения без папы. Если она предложит мне удовлетворительное объяснение — только в этом случае — я подумаю над тем, что она мне понравится.

— Так что на самом деле сегодня случилось? — спрашивает Питер, словно чувствует, что нужно быстро сменить тему.

Несколько месяцев назад я могла рассказать Питеру о Джейми, даже не думая дважды. Но теперь все по-другому. Питер уже не узнает о моих делах автоматически. Кроме того, у меня, наконец, появился только мой «кусочек» Джейми — не Питера, не мамин — и я не хочу им делиться. Ни с кем.

— Все было точно так, как я сказала. О, кроме того, что врач скорой, который осматривал Стефани, оказался Бобби Пассео. Кстати, он до сих пор переживает из-за твоей руки.

Питер издает смешок — больше похожий на фырканье — которого я никогда раньше не слышала. Похоже, что он нарочно смеется по-другому, по-новому.

— Бобби Пассео — врач скорой? Я был уверен, что он будет пить пиво на школьной парковке, пока ему не исполнится пятьдесят.

— Ну, теперь он член общества, вносящий свой вклад, заботясь о школьниках, которых рвет на дискотеках старшеклассников.

— Кто бы мог подумать? — Питер зевает. — Я думал, его забрали в армию или что-то вроде того.

Пытаюсь представить Бобби Пассео в военной форме. Но вместо этого ко мне в голову приходит 21-летний сержант, которого я нашла в Интернете на мемориальном сайте.

— Ты когда-нибудь искал в Интернете папу? — вопрос слетает с моих губ, как будто он только и ждал возможности вырваться. Боковым зрением я вижу, как Питер быстро качает головой.

— Что ты нашла? — спрашивает он упавшим голосом, словно я собираюсь рассказать, как нашла в Google, что где-то у него была вторая семья, или он был русским шпионом из списка разыскиваемых ФБР.

— На самом деле, ничего, только... ты когда-нибудь думал о других людях, которые погибли вместе с ним?

— Поначалу, когда их имена стали известны. Но с тех пор — нет, совсем нет.

— Ну, папино имя есть на этих сайтах — думаю, они называются мемориальные сайты. Эти сайты создали члены семей и друзья погибших, и они выкладывают, мм, фотографии, письма и вещи, вроде этого. И те люди перечислили имена всех, кто погиб при взрыве, поэтому, если ты наберешь в Google папу, появятся сайты других людей.

Я так нервничаю, рассказывая Питеру об этом, что даже не могу смотреть на него — не представляю, почему. Я ощущаю его пристальный взгляд на мне, но мой взгляд прикован к верхушке ненаряженной елки, где должно быть наше старинное, изъеденное молью, украшение-ангел — «семейная реликвия».

— Ты собираешься создать сайт о папе? — спрашивает он.

Для меня странно, что он думает, будто я могу сама сделать что-то такое, и тут же я понимаю — странно то, что мне не пришло в голову сделать это самой. Я ждала чьего-то разрешения? Ненавижу, когда оказываюсь такой трусливой.

Я пожимаю плечами.

— Не знаю. Возможно.

— Ну, если будешь делать, не размещай там мое имя, — он встает. — Пойду спать. Ты

идешь наверх?

— Через минуту, — отвечаю я, пытаюсь говорить настолько нормальным голосом, насколько возможно, когда меня ставит в тупик реакция Питера и злость, слышная за его словами. Знаю, что не должна удивляться тому, что сейчас выяснилось, но тем не менее.

— Не собираешься еще что-нибудь ломать, а?

— Например? Елочные украшения? — саркастично говорю я, глядя на ненаряженную елку. — Она даже не потрудилась нарядить эту штуку.

— Я только сегодня притащил елку домой, Роза, — говорит он. — Мама не должна делать все сама. Перестань быть чертовым ребенком.

Я хочу сказать ему, что не я одна веду себя как ребенок, но из-за Рождества я говорю, скрепя сердце:

— Вкусно пахнет.

— Может, завтра мы ее нарядим.

У меня нет желания завтра делать что-то вместе с мамой. Мой план, каким я вижу его сейчас — провести остаток выходных в своей комнате, первый раз, в жизни протестуя против наказания и обдумывая стратегию, как перенести оставшиеся два учебных дня до Рождества, чтобы мне не сломали ноги в качестве возмездия за испорченное веселье.

— Не ложись слишком поздно, — говорит он, и это звучит раздражающе породительно.

— Разве тебе не нужно идти писать твоей девушке или типа того? — спрашиваю я.

— Пожалуйста, Роза — рад, что смог помочь тебе этим вечером, — отвечает Питер, поднимаясь по лестнице.

Когда я уже не слышу, как Питер ходит по своей старой комнате, я сворачиваюсь клубочком в углу дивана и смотрю в окно гостиной на разноцветные огни, горящие на огромной елке у дома Парсонов на другой стороне улицы. Не могу смириться с мыслью о том, чтобы пойти в свою комнату, поэтому сижу здесь. Интересно, почему Джейми не появился в отеле, и почему Регина так на меня смотрела, когда я стояла на балконе. Интересно, сможет ли мама завтра образумиться и понять, что я сделала именно то, чего она от меня ожидала, когда набрала 911. А еще интересно, насколько ужасным будет день Рождества без папы, и пытается ли он сейчас, на небесах или в космосе или где угодно, узнать, почему никто из его семьи не потрудился создать сайт в память о нем.

Рождественские огни Парсонов гаснут, когда небо начинает розоветь. Этот цвет успокаивает меня, и мои глаза закрываются. Наконец-то.

принуждать (глагол): убеждать, используя угрозы

(см. также: еще одна черта Регины)

Волейбольный мяч летит прямо мне в лицо, но я бессильна что-либо сделать. Мои руки подняты слишком высоко и широко, мяч пролетает через мои руки и врезается мне в лоб, похоже, что уже пятнадцатый раз.

Мистер Селла пронзительно свистит.

— Народ, не заставляйте меня снова это говорить. Перестаньте пытаться стукнуть вашу одноклассницу! Это не ее вина, что вы все настолько тупы, чтобы понять, когда остановиться.

Я благодарна мистеру Селла за попытку защитить меня, но, на самом деле, единственный человек, который действительно тем субботним вечером не знал, когда остановиться — это Стефани. Для нее все закончилось не более чем похмельем в воскресенье, а сейчас, в понедельник утром, она стоит с другой стороны сетки и старается не встретиться глазами ни с кем, особенно со мной. Она знает, что среди всех, кто был тем вечером в отеле «Атоге», я единственная, кому пришлось больше всего заплатить за свою ошибку, и, возможно, мне предстоит расплачиваться еще очень долго.

Я уже чувствую, что все в нашей школе нелестно обо мне отзываются, а ведь еще только второй урок.

Осталось два дня до Рождественских каникул. Два дня. Не знаю, смогу ли я это вынести.

И почему у нас нет урока здоровья по понедельникам? Мы могли бы сейчас слушать, как мисс Масо рассказывает об опасностях алкоголя, как она бы пропела мне дифирамбы за ответственность и объяснила остальным, что им стоит благодарить меня вместо того, чтобы обзывать в коридорах. Но вместо этого по понедельникам физкультура. Ни за что бы не подумала, что когда-нибудь предпочту урок здоровья физкультуре. Я всегда любила физкультуру.

Волейбол оказался идеальной возможностью для моих одноклассников, чтобы отплатить мне за то, что втянула их в неприятности. Ирония судьбы — Стефани легко отделалась, ведь ее мама чувствует себя слишком виноватой в разводе, чтобы сделать что-то решительное. Моя мама, тем не менее, наказала меня на две недели, запретив пользоваться телефоном и электронной почтой, а еще установила для меня «испытательный срок» на неопределенное время. Таким образом, она показывает, что гордится мной за звонок в 911, но, прежде всего, злится на меня из-за того, что я была в этом отеле. Она заявила, что я наказана больше за ложь, чем за посещение алкогольной вечеринки.

Вывод: меня, наверно, вообще не будут приглашать на вечеринки в ближайшем будущем, поэтому мое наказание не имеет значения. Я просто проведу все Рождественские каникулы в своей комнате, готовясь к предварительным экзаменам.

Мистер Селла снова громко свистит.

— Все нормально, давай, давай!

Вижу, как Ричи передает Мэтту мяч с другой стороны сетки и дает ему какие-то указания, которые, я уверена, связаны со скоростью и некоторыми специфическими частями моего тела. Мэтт серьезно кивает, словно на него возложили крайне важную миссию, и стремится услужить. А затем, как по волшебству, в спортзале раздается голос:

— Роуз Царелли, пожалуйста, пройдите в главный офис. Роуз Царелли, в главный офис, пожалуйста.

Дружный вздох: «Ооооо», перемежаемый хриплыми смешками.

— Лучше иди туда, вдруг там кому-то скорую нужно вызвать, — кричит Мэтт из-за сетки. Ричи дает ему пять. Не знаю, когда Мэтт и Ричи стали друзьями, но знаю, что это нехороший признак. Мэтт не нуждается в ободрении, чтобы стать еще большим придурком, чем он есть.

Роберт раздраженно приказывает всем заткнуться. Слушаются только несколько человек. Он смотрит на меня и кивает, будто заверяя меня в том, что все будет хорошо, но, если говорить откровенно, я знаю, что ничего не будет хорошо. Роберту повезло — его приемных родителей не волнует, был ли он в отеле. Раз Lexus в порядке, значит и они в порядке. По крайней мере, так он написал в одном из миллиона электронных писем, которые прислал за выходные и на которые я не ответила.

— Все нормально, все нормально, хватит оскорблений, ладно? Роуз, иди, переоденься. — Когда я прохожу мимо мистера Селла, пытаюсь не обращать внимания на улюлюканье, он тихо говорит: — Оставайся в офисе до конца урока.

Когда учителю настолько тебя жаль, что он предлагает прогулять остаток его урока, понимаешь, что у тебя серьезные проблемы. Я вбегаю в женскую раздевалку с облегчением — я одна и хотя бы смогу нормально переодеться.

А затем случилось невероятное.

Я ударила Регину. В прямом смысле слова. Я толкнула ее плечом в грудь, когда поворачивалась из угла раздевалки. Единственное, чего не хватало в этой сцене — визжащего саундтрека из фильма ужасов.

Она выглядит такой же удивленной, как и я, и быстро заталкивает что-то в свою сумку. На какую-то долю секунды она показалась мне нервной, и я поняла, что для нее странно здесь находиться — у нее сейчас нет физкультуры. Начинаю обходить ее, и в этот момент она атакует с убийственной скоростью, хватая меня за руку достаточно сильно, чтобы остались синяки.

— Не знаю, что ты думаешь и делаешь, но тебе лучше еще раз не попадаться мне рядом с моим парнем. Я даже не хочу, чтобы ты на него смотрела, поняла?

— У тебя есть парень? — спрашиваю я, стараясь быть абсолютно спокойной и непринужденной, как будто она не впивается своими супер-красными когтями в мою руку.

— Даже не притворяйся, что не знаешь, о чем я говорю. Я видела, как он шел за тобой по лестнице у Трейси, и видела, как он вышел за тобой на улицу на встрече выпускников.

Собираюсь указать на то, что это он шел за мной, а я не контролирую, идет кто-то за мной или нет. Но решаю держать рот закрытым.

— Если я увижу тебя рядом с ним ещё раз, я надеру тебе задницу и выкину твою маленькую подружку из команды. Слышишь меня?

Я смотрела фильмы про чирлидеров — Трейси заставляла меня все лето — но понятия не имела, что они отражают правду жизни. Не только там некоторые девочки — настоящие и абсолютные ведьмы, которые еще и искренне верят, что мир вращается вокруг них, что они на верхушке социальной иерархии. Может, они могли бы там оказаться, разве что когда-нибудь в прошлом веке, но не более того. Теперь они похожи на пережиток другой эры, тех времен, когда «Title IX» было большим, чем название производителя женской спортивной одежды. Я бы засмеялась прямо в ее подлое лицо, если бы рука так не болела. И если бы я не думала, что ей придет в голову дьявольский план, как выпнуть Трейси из команды еще до того, как я успею снять спортивную форму. Трейси никогда мне этого не простит. Никогда.

Если я раньше думала, что презираю чирлидеров «Юнион Хай», я еще понятия не имела, что значит слово «презирать».

Я посмотрела прямо в глаза Регины и сказала:

— Отцепись от моей руки. Прямо сейчас.

Позади нас громко хлопает дверь, входит тренер Морли, чтобы подготовиться к своему следующему уроку. Мы обе застываем, а Морли проходит в кабинет, не замечая нас и на ходу что-то записывая на планшете. Регина отпускает мою руку, и, хотя мне бы хотелось думать, что причиной послужили мои слова, я знаю, что она не хочет иметь дело с Морли.

— Если ты еще раз подойдешь к Джейми, я тебе устрою адскую жизнь, — шепчет она, указывая наманикюренным когтем мне в лицо, прежде чем повернуться и уйти. — И меня не волнует, что твой чертов папаша умер.

Гнев захватывает меня настолько быстро, что я практически перестаю отвечать за свои действия. Огромных усилий стоит не схватить ее за волосы и не дернуть обратно, потому что она выходит из раздевалки. Моя грудь сжимается, я не могу вдохнуть. Кровь приливает к лицу. Я слышу свой пульс в голове, он бьется, как ненормальный. «Дыши», — говорю я себе. Она этого недостойна. Она ничего недостойна. Дыши.

В некотором роде, надо отдать ей должное — она хороша. Последнее, чего я от нее ожидала — что она заговорит о моем отце. Я удивлена, что она вообще о нем знает. Она настолько поглощена собой, и я не думала, что в ее крохотной голове есть место для знаний о ком-то еще.

Дыши.

Мне нужна еще секунда, чтобы овладеть собой, затем я поворачиваюсь к моему шкафчику. Обычно у меня возникают проблемы с тем, чтобы найти его, потому что я никогда не заморачиваюсь запоминанием номера шкафчика, который я сегодня выбрала, а замки практически у всех одинаковые. Но сегодня мне проще отыскать свой шкафчик, потому что на нем написано лаком для ногтей цвета фуксии: «Соси, тупая сучка 911».

По крайней мере, теперь я знаю, кто этот школьный граффитист, орудующий лаком.

Слышу короткий вздох позади меня. Оборачиваюсь и вижу Морли, стоящую с широко раскрытым ртом.

— Роза, ты за это отвечаешь?

Я качаю головой.

— Это что, твой шкафчик? — спрашивает она.

Я киваю.

— Пахнет так, как будто еще не высох, — говорит она, подходя ближе, чтобы рассмотреть. — Кто это сделал?

Я бы хотела, чтобы у Регины были огромнейшие проблемы из-за порчи школьного имущества. Ничего не сделало бы меня счастливее. Я бы могла сейчас просто открыть рот и ее бы временно исключили, а может, даже выкинули бы из чирлидинга. Кем она будет, если не сможет скакать и дразнить людей своими помпонами? Останутся ли у нее друзья? Останется ли с ней Джейми?

Как бы это ни было заманчиво, я не хочу ставить под угрозу пребывание Трейси в ее любимом «отряде» и не могу сделать что-нибудь еще, чтобы привлечь к себе внимание. У меня и так репутация доносчицы после выходных, а доносчиков никто не любит — мы все хорошо усвоили этот урок с того первого раза, когда кто-то обсыпал нас песком в песочнице.

— Я не знаю, кто это сделал, тренер Морли, — говорю я, хотя это практически меня

Первый человек, которого я вижу в главном офисе — это Трейси, которой не было ни на уроке самоподготовки, ни на физкультуре. Она сидит, сжавшись в комочек, на стуле в углу и плачет под множеством красных и зеленых Рождественских гирлянд, свисающих с потолка. Трейси плачет, словно случилось что-то действительно ужасное, но я видела, как она плакала точно так же, когда не могла уложить волосы нужным образом. Я сажусь рядом с ней, притягиваю ее к себе и обнимаю.

— Трейс, что-то случилось? Что случилось?

Она плачет еще сильнее и не может мне ответить. Я просто сижу, обнимаю ее и жду, когда мы сможем поговорить. Когда она, наконец, немного приходит в себя, она произносит лишь одно слово.

— YouTube.

— Что? — спрашиваю я, сбита с толку.

— Мисс Геррен? Не могли бы вы зайти? — спрашивает директриса, миссис Чен, из дверей своего кабинета. На ней зеленый брючный костюм и красная лента на голове, на которой держатся блестящие олени рога. — На самом деле, мисс Царелли, почему бы вам тоже не зайти? Вы сможете морально поддержать свою подругу.

Несмотря на то, как она одета, ужас охватывает меня, когда я вижу нашу директрису, с которой я никогда еще не встречалась. Я встречалась с директорами, когда они вручали мне награды или дипломы. Этот вызов к директору для меня первый, тем более, что я точно не знаю, зачем меня вызвали.

Мы проходим в кабинет миссис Чен. Он напоминает оптовую базу Рождественских товаров. Настенные панели «под дерево», покрытые разводами от протекающего потолка, задрапированы праздничными флагами. Везде стоят пуансеттии в горшках, а на подоконнике — говорящий и танцующий Санта Клаус. Единственная не Рождественская вещь в кабинете, за исключением какого-то подобия меноры рядом с Сантой — оранжевое ковровое покрытие фабричного производства.

— Пожалуйста, дамы, присаживайтесь, — говорит она, поворачиваясь, чтобы отключить Санту, говорящего «Хо-хо-хо!», позади нее.

Садимся на неудобные деревянные стулья перед ее столом. Они слишком большие, поэтому нам приходится либо полностью сдвигаться к спинке, и тогда наши ноги будут торчать впереди, как у детсадыков, либо садиться на самый краешек, как будто мы готовы умчаться в любую секунду. Трейси все еще хлюпает носом. Миссис Чен указывает на большую коробку бумажных платков, стоящую на столе, на что Трейси отвечает шепотом: «Спасибо». Еще на столе стоит банка с красными и зелеными конфетами «Hershey's Kisses», но их она нам не предлагает, возможно, потому, что она не утруждается угощать конфетами учеников, которых готова выгнать.

— Прежде всего, Роуз, я бы хотела принести мои соболезнования, ведь мне не удалось поговорить с тобой на похоронах. Я несколько раз встречалась с твоим отцом на хоккейных матчах. Он был приятным человеком. А еще я бы хотела поблагодарить тебя за твой смелый поступок в субботу вечером, — продолжает она, — который, как я поняла, мог спасти

Стефани жизнь.

Я не знаю, как реагировать. Меня все утро пинали под зад за этот «смелый поступок», поэтому я не совсем горжусь тем, что сделала.

— Я не спасала ей жизнь. Она очнулась сразу после того, как я вызвала скорую.

— Ну, кто знает, что бы могло с ней случиться, если бы ее обнаружил кто-то менее ответственный. Я знаю, что требовалась смелость, чтобы поднять трубку, поэтому спасибо тебе за это.

— Ладно, — говорю я, понимая, что это не самая подходящая реакция, но я совсем не готова принимать ее благодарность.

— Уборщицы уже оттирают лак для ногтей со шкафчика в раздевалке спортзала и с твоего личного шкафчика

— Это было и на моем личном шкафчике? — Понятия не имела, что Регина настолько наблюдательная. И находчивая.

Трейси на секунду прекращает хлюпать носом и озадаченно переводит взгляд то на меня, то на миссис Чен.

Миссис Чен кивает.

— Вот почему я тебя вызвала. У тебя есть догадки, кто бы мог это сделать?

— Тот, кто пользуется уродливым ярко-розовым лаком, — я не могу подойти ближе этого, чтобы сдать Регину.

— Ну, это сужает круг подозреваемых, правда? — говорит миссис Чен. Это шутка? У нашего директора есть чувство юмора? — Так. Мисс Геррен, не могли бы вы рассказать своей подруге, почему вы здесь? Это объяснит, зачем я пригласила ее для оказания моральной поддержки.

Мне не нравится, как все это звучит. Она слишком часто говорит слово «моральный». Неужели я вдруг стала каким-то нравственным образцом для подражания, только потому, что не хотела, чтобы Стефани умерла в субботу вечером?

Трейси начинает сильнее хлюпать носом, но потом делает глубокий вдох.

— Танец под «Single Ladies» есть на YouTube, — говорит она.

Не знаю, зачем она говорит мне то, что я и так знаю — она сама миллион раз заставляла меня смотреть с ней это видео Бейонсе на YouTube. А потом до меня резко доходит. Со всеми драмами и травмами субботнего вечера я совсем забыла про стриптиз, который Кристин и Трейси танцевали под «Single Ladies» на парковке на радость всех и каждого в мотеле.

— Серьезно?

Трейси смотрит на меня со страданием в глазах.

— Весь.

На самом деле, я не знаю, что это значит, ведь я не видела его полностью. Мысленно я пытаюсь восстановить картину тех, кто там был, и кто оказался достаточно подлым, чтобы записать его и выложить на YouTube, но вариантов — бесчисленное множество. Откуда мне знать, может, выкладывание танца на YouTube — это лишь часть ее дурацкого, бесконечного посвящения в чирлидеры.

— Мисс Геррен, не такое поведение должно быть у юной леди или у ученика школы «Юнион Хай». Вы осознаете это, да? — спрашивает миссис Чен.

— Но, миссис Чен, это посвящение. Если я хочу стать чирлидером, я должна делать все, что мне скажут старшие девочки. У меня нет выбора.

— Кристин сказала точно то же самое. И как я ей сказала, выбор есть всегда. Вам могут не нравиться варианты, но выбор есть всегда. Мисс Царелли, похоже, у вас хорошая голова на плечах. Какой совет вы бы дали подруге, чтобы решить эту ситуацию?

Я хочу сказать, что Трейси нужно просто уйти из этой дурацкой команды. Но кроме этого, у меня нет идей и я не заинтересована в том, чтобы стать любимицей директора. Даже несмотря на то, что мне нравятся ее оленьи рога, которые добавляют сюрреалистический элемент в наше общение. И я лишь пожимаю плечами.

Миссис Чен выглядит разочарованно, будто она ожидала, что я внезапно включу компьютерную презентацию, где показаны множество путей, по которым Трейси может пойти и восстать против чирлидеров, которые используют свою силу во имя зла, а не добра.

— Вот что мы сделаем, — говорит она. — Я собираюсь устроить небольшую встречу с капитанами спортивных команд, чтобы обсудить так называемые «обряды посвящения». Посвящение будет запрещено в «Юнион Хай», и любой ученик, виновный в совершении или участии в нем, будет исключен — на время или вообще, в зависимости от сложности ситуации.

Я не юрист, но я полностью уверена, что у учеников будет множество способов обойти это новое правило, например, не использовать больше слово «посвящение». Но я не говорю ничего, в первую очередь потому, что не хочу опоздать на французский, а звонок прозвенит уже совсем скоро.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мисс Геррен, мы позвонили вашим родителям и рассказали им об этом происшествии, а видео было удалено с YouTube. Вы с Кристин можете остаться в команде чирлидеров, но вы отстраняетесь от выступления на следующих трех матчах — если не скажете прямо сейчас, кто заставил вас танцевать в нижнем белье в субботу вечером на морозе.

Трейси пристально смотрит в оранжевое ковровое покрытие и не отвечает.

— Я расцениваю это как «нет». Если в дальнейшем будут подобные инциденты, вы будете немедленно исключены из команды. Ясно?

Трейси кивает, и директриса отпускает нас. Мы уже доходим до двери, когда миссис Чен добавляет:

— О, Роуз, я бы хотела, чтобы ты держала меня в курсе в случае дальнейших оскорблений. Конечно, осталось всего два дня до каникул, но в определенной форме это может продолжиться и за пределами школы.

Я ощущаю выражение ужаса на своем лице — мне и в голову не приходило, что это может выйти за пределы школы, тем более, что сейчас мир во всем мире. Миссис Чен сочувственно мне улыбается.

— Возьми мой электронный адрес у секретаря, когда будешь выходить, хорошо? Не переживай. Скоро все это забудется.

Конечно, если для тебя «скоро» значит «никогда».

карантин (существительное): изоляция или сокращение общения
(см. также: Рождество у Царелли)

Сейчас Рождество, а мы совсем не бросаемся открывать свои подарки. Мама сидит за кухонным столом, читая «New York Times», как и в любой другой день. Я занимаюсь нетипичным для меня делом — стараюсь собрать каждую каплю праздничного настроения и пытаюсь приготовить Рождественское печенье в формочках в виде оленей. Питер сидит на свободном месте около плиты, поочередно то, пытаясь завязать со мной разговор, то читая сообщения от своей девушки и издавая свой новый странный хмыкающий звук. Уверена, он так и ждет, когда я спрошу, что она пишет, но я не спрашиваю.

Наконец, днем, когда мы уже не можем больше откладывать, мы втроем идем в гостиную и садимся вокруг елки, на ветвях которой висит всего четыре украшения — благодарить меня не за что. Питер хотя бы повесил на нее несколько белых гирлянд-фонариков, чтобы она не выглядела совсем жалкой.

Под елкой лежит немного подарков, но этого достаточно, учитывая, что вся эта ситуация так или иначе выглядит фальшивой.

Питер делает огромное усилие, стараясь заменить папу, который был мастером церемоний. Он тянется под елку и с большим пафосом вытаскивает каждый подарок. Мама наблюдает за ним с наполовину несчастным, наполовину гордым, выражением лица. Я как можно скорее открываю свой подарок — свитер, новый iPod, книга — а потом встаю, готовясь совершить побег вверх по лестнице.

— Подожди, Розы, для тебя есть еще один, — говорит Питер и чуть не заползает под елку, чтобы вытащить последний подарок. Он достает маленький бархатный футлярчик для драгоценностей с прикрепленной открыткой.

— О! Это принесли вчера, курьерской доставкой, — говорит мама. То, как она улыбается, подсказывает мне, что подарок не от нее, но она знает, от кого. Заглядываю в открытку. В ней написано: «Розы, прости меня за тот случай на встрече выпускников. Надеюсь, что твое первое Рождество без папы пройдет нормально. С любовью, Роберт».

В коробочке оказался симпатичный серебряный кулон с гравировкой в виде буквы «Р». Интересно, это означает «Роуз» или «Роберт»?

— Что это? — спрашивает Питер.

— Это от Роберта, — отвечает мама, все еще улыбаясь.

— Ожерелье, — говорю я решительно.

— Похоже, ты взволнована по этому поводу, — говорит Питер.

Качаю головой, не желая объяснять, что Рождественский подарок от Роберта на самом деле был извинением за его уверенность в том, что я всю встречу выпускников буду заниматься с ним сексом. Если я скажу это маме, она, скорее всего, накажет меня навечно, а не только на время каникул.

— Мы можем посмотреть? — спрашивает она.

Я достаю кулон из коробки и держу его.

— Красивый, — говорит мама с огромным энтузиазмом. — Почему бы тебе не надеть его?

Я качаю головой и кладу кулон обратно в коробку.

— Ты можешь воспользоваться почтой, чтобы поблагодарить его, если хочешь.

— Я думала, мне запрещено пользоваться почтой, — отвечаю я.

— Ради такого случая я готова сделать исключение, — говорит она, начиная собирать оберточную бумагу с пола. — Это прекрасный подарок, и ты должна поблагодарить его. Можешь воспользоваться компьютером на кухне.

Как бы мне ни хотелось прямо сейчас просмотреть свою электронную почту, благодарность для Мальчика-Презерватива может и подождать.

— Что у вас за дела с Робертом в последнее время?

— У Роберта появилась небольшая влюбленность в твою сестру.

— Мам, я нравлюсь Роберту с шестого класса, и Питер об этом уже знает. Где ты была? — огрызаюсь я.

— Роуз, — говорит Питер, его голос полон предупреждения.

Я уже готова приказать Питеру замолчать, когда раздается звонок в дверь. Мы замираем, смотрим друг на друга, словно все забыли, что делать, когда в дверь звонят. Хоть сейчас уже почти четыре часа дня, мы с Питером все еще в пижамах, да и мама выглядит ненамного лучше в своих спортивных штанах. Она встает, пытается поправить прическу, глядя в зеркало на шкафу, потом бросает попытки и открывает дверь.

За дверью оказываются Трейси и Стефани — каждая держит тарелку, завернутую в фольгу, с красно-зеленым бантом на верхушке, на их зимних шапках лежит снег, и все это похоже на праздничную открытку или рекламу Gap. Мама прилагает все усилия, чтобы встретить их с подобающей радостью, но она выглядит так, будто ее сейчас вырвет. Я знаю, что, несмотря на снег и холод, она сейчас мысленно вернулась в лето — когда каждый час в наших дверях появлялись люди с кастрюльками и блюдами — потому что со мной произошло то же самое. Мне жаль ее, а это, как обычно, заставляет меня злиться сначала на нее, а потом на себя.

— Счастливого Рождества, миссис Царелли, — говорит Трейси. — Мы со Стефани испекли печенье.

— Это очень мило, девочки. Входите.

— Извините за беспокойство, миссис Царелли, но я хочу извиниться за то, что, хм, меня вырвало на встрече выпускников. — Между прочим, Стефани бросается извиняться, даже не переступив порог, поэтому могу сказать, что она нервничала из-за этого и репетировала речь, возможно, под руководством Трейси. Стефани смотрит в пол, когда говорит, а кончики ее ушей становятся такими же красными, как ее волосы. — И еще я прошу прощения за то, что втянула Роуз в эту ситуацию. Я сильно переживаю из-за этого. Я имею в виду, мы с Роуз поговорили, но я просто хочу, чтобы... вы знали.

— Спасибо, Стефани. Надеюсь, ты усвоила урок насчет выпивки?

— Мам, сейчас Рождество — прекрати лекции, — говорит Питер, поднимаясь с пола. При виде Питера Трейси начинает сиять ярче, чем новогодняя елка Парсонсов, которая светит на всю улицу, как маяк, через окно их гостиной, заставляя нашу елку стыдиться. — Трейс, поздравляю с дебютом на YouTube, — говорит он, обнимая ее. Трейси краснеет как ненормальная, но выглядит скорее возбужденной, чем униженной, а это меня несколько беспокоит.

— Это было классно, — говорит Стефани, всегда готовая поддержать подругу, наматывая на палец прядь своих рыжих волос. — Знаете, Трейси правда может танцевать.

— Трейси, ты выложила свое видео на YouTube? — с недоумением спрашивает мама.

— Эм, ну...

— Какое печенье вы принесли? — прерываю я.

Трейси смотрит на меня с благодарностью и снимает фольгу, открывая тарелки, наполненные имбирным и сливочным печеньем, печеньем с шоколадной крошкой, инжиром и шоколадными кексами в форме новогодних тросточек.

— Ого, да вы вообще без тормозов, — говорит Питер.

Трейси ухмыляется:

— Мы весь день пекли.

— Роуз, мы приготовили твои любимые, — говорит Стефани, показывая на печенье с шоколадной крошкой.

— Моя мама спрашивает, не хотели бы вы пообедать у нас, — говорит Трейси, глядя на Питера. Более того, она добавляет: — Все трое, — на случай, если мы подумаем, что приглашен только Питер. А это, судя по тому, как она на него смотрит, и есть оптимальный для нее вариант.

Я бы отдала что угодно, чтобы пойти к Трейси на праздничный обед, но думаю, что моей маме сегодня и так уже досталось, и мы никуда не пойдем.

— Нет, Трейси, мы бы не хотели мешаться. И мы тоже сейчас будем обедать. Но спасибо за приятное приглашение, и пожалуйста, поблагодари свою маму.

Мама забирает у них тарелки. Когда она протягивает их Питеру и просит его отнести тарелки на кухню, Трейси наклоняется и шепчет:

— Ты уже ему рассказала?

— Я пойду их провожу, — говорю я настолько беспечно, насколько могу.

— Две минуты, — я достаиваюсь строгого взгляда.

Видимо, она рада изменить правила моего наказания, если я напишу письмо Роберта, но не если это касается разговора с моими подругами. Интересно.

Я беру свой пуховик, когда Питер возвращается из кухни. Трейси специально затягивает прощание с ним, награждая его очень особенными, длительными объятиями. Я закатываю глаза, а Стефани хихикает над тем, как Питеру приходится отрывать руки Трейси от своей шеи и убеждать ее, что он, конечно же, зайдет к ней домой поздороваться, прежде чем вернется в школу. Наконец мы втроем выходим на заснеженную улицу.

— Ну? — спрашивает Трейси. — Ты рассказала ему?

— Нет.

— Ты должна. Питер может помочь тебе разобраться что делать.

— Здесь нечего делать, Трейс. Мне просто нужно переждать. Может быть, миссис Чен права — все успокоится после каникул.

— А если нет? А если кличка «Сучка 911» приклеится к тебе до окончания школы?

Я много думала об этом за последние несколько дней, но постоянно прихожу к одному и тому же выводу: если я выдам Регину, нет сомнений, что она будет мстить. И, возможно, это будет намного хуже, чем просто лак для ногтей на моем шкафчике. Там будет и изменение моего лица, и вышвыривание Трейси из команды чирлидеров, и убеждение в том, что я никогда больше не посмотрю на Джейми — не обязательно именно в таком порядке.

— Как думаешь, кто сделал это, Роуз? — спрашивает Стефани.

— Понятия не имею, — лгу я. — Так что вам подарили на Рождество? — спрашиваю я, надеясь отвлечь их хотя бы на минуту или две.

— Мэтт подарил мне эти серьги, — отвечает Трейси, поднимая волосы, чтобы я посмотрела. Серьги и правда, очень симпатичные. Пытаюсь скрыть свое удивление, стараясь не обращать внимание на картинку в моей голове — Мэтт покупает подарок для Трейси и

для Лены в одном и том же магазине, ведь ему слишком лень ходить в разные места.

— А это мне Майк подарил, — сияет Стефани, показывая гигантский пластиковый браслет, который Трейси ни за что бы не надела. К ее чести, она не отпускает колкости о нем, а лишь одобрительно кивает, когда Стефани демонстрирует его, возможно, уже в миллионный раз. — У тебя хорошие подарки, Роуз?

— Обычные. То есть, все хорошее», — говорю я, стараясь не казаться неблагодарной. — Питер подарил iPod Touch.

— Ему надо было подарить тебе iPhone, чтобы ты жила в XXI веке, как все остальные. Я поговорю с ним об этом, — говорит Трейси, как будто Питер на регулярной основе обращается к ней за советами по выбору подарков.

— Так, мм, как вы все сегодня? — спрашивает Стефани, шаркая ногой взад и вперед по грязному ледяному гребню на снежной тропинке.

— Все почти прошло.

— Честно говоря, Роуз, и ты, и твоя мама, и Питер — все выглядят немного несчастными, — говорит Трейси. — Хотя могу сказать, что Питер старается так не выглядеть.

— Это просто... тяжело, — говорю я. Это не то, что я думаю, но я знаю, что люди обычно так говорят. Клише полезны в ситуациях вроде этой, не только для тех, кто приносит соболезнования, но и для тех, кто их принимает. Но если все клише уже использованы, большинство людей понятия не имеют, что сказать, чтобы другим стало лучше. И я не могу их винить — даже я не знаю, что сказать, чтобы мне стало лучше.

Мы стоим в неловком молчании, к которому я уже привыкла с этого лета. Хотя тот факт, что это происходит с моими лучшими подругами, сразу повышает уровень неловкости на несколько ступеней.

— Мне нужно идти. Мои две минуты истекли, — говорю я.

— Роуз, мне правда жаль, что у тебя проблемы из-за меня, — бормочет Стефани, потирая левой ногой правую лодыжку, как будто она чешется.

— Я знаю, Стеф, все нормально. В любом случае, это не имеет значения.

— Знаешь, люди могут злиться на тебя, но ты оказалась сильной и сделала то, что сделала, — говорит Стефани. — Думаю, твой папа гордился бы тобой за то, что ты позаботилась обо мне.

Одно из качеств, которое я обожаю в Стефани — если что-то, вроде того, что она сейчас сказала, приходит ей в голову, она произносит это вслух. В некоторых вещах она стеснительная, но если думает, что кто-то должен что-то услышать, она это скажет, как бы страшно ей не было.

Но это не значит, что я знаю, как реагировать. И если честно, я даже не знаю, правду ли она сказала. Поэтому я просто прощаюсь и иду к дому, обдумывая, не повела ли я себя грубо. Останавливаюсь и поворачиваюсь, чтобы сказать что-нибудь еще, может, что-то смешное, но ничего не приходит в голову. Я просто наблюдаю за ними — держатся за руки, подскользываются и вместе катятся по ледяной улице — а снежинки мягко опускаются на мое лицо.

— Какое твое последнее счастливое воспоминание перед тем, как умер отец?

Питер думает об этом и вытирает насухо посуду, я соскребаю жир с кастрюли и поливаю горячее жаркое.

— Мой выпускной вечер, — он ставит посуду в шкаф.

— Было весело, — говорю я и чувствую себя предательницей, прощая ему выбор воспоминания, в котором нет папы, когда я, конечно же, выискивала то, где он был.

Мы оба молчим, думая о том дне. Меньше чем через двенадцать часов все разрушилось. Мы все еще не вставали, когда зазвонил телефон. Питер узнал, что случилось что-то плохое, раньше, чем я — его комната ближе к маминой, и он мог слышать ее через стену. Она повесила трубку и начала стучать в двери наших комнат. Мы вышли в коридор, и она сказала: «Там был взрыв». Ей не пришлось ничего больше объяснять.

— Ну, а после того, как он умер? — спрашивает Питер. Я готова посмеяться над мыслью о том, что теперь что-то способно меня осчастливить, а потом вспоминаю, как мы сидели в машине с Джейми на встрече выпускников. Я все еще не уверена, что хочу рассказывать об этом Питеру, но у меня, должно быть, странное выражение лица, потому что он спрашивает: — Это как-то связано с Робертом и этим ожерельем?

— Нет. Роберт меня достал, — говорю я, протягивая ему вымытую мокрую кастрюлю.

— Ты ему до сих пор нравишься?

— Да.

— Но он тебе не нравится.

— Не так.

— Кто тебе нравится? — спрашивает он этим раздражительно взрослым тоном, который использует слишком много раз за этот праздник, на мой взгляд.

— Говоришь, будто ты старый, — говорю я ему, надеясь сменить тему. — Взрослый или что-то такое. Не нравится мне это.

— Что-то происходит с тобой. Что это?

Со мной все что угодно происходит. С чего начать?

— Ну, смотри. Моя новая кличка — «Сучка 911», как гласит граффити по всей школе.

Питер прекращает вытирать посуду и смотрит на меня:

— Серьезно?

— Да.

— А ты знаешь, кто сделал это?

— Да.

— Кто?

— Обещаешь, что никому не расскажешь? Никогда?

— Хорошо.

— Регина. Деладдо.

— Из-за того, что случилось на празднике?

— Нет, это дало ей повод преследовать меня.

Питер опускает кастрюлю и полотенце на стол, наклоняется ко мне и смотрит в упор. — Так какие у нее проблемы?

Должна ли я последовать совету Трейси и рассказать Питеру? Возможно, он может помочь мне. Или глупо думать, что кто-то может помочь мне с этим?

— Она думает, что между мной и Джейми что-то происходит.

— Черт. Это моя вина. Прости. Я не подумал об этом, когда просил его...

— Это не твоя вина. Она права. Что-то происходит. Я просто не знаю что.

Питер на секунду замолкает:

— Что? Джейми? Роуз, он слишком... — он замолкает, понимая, что я снова скажу, что он говорит как раздраженный взрослый.

— Не совсем так. В смысле, мы один раз поцеловались, — говорю я, ожидая его реакции. Его брови почти касаются волос. — Но Регина думает, что между нами больше, чем это, и она сказала мне держаться от него подальше, иначе она надерет мне задницу и выяснит, как выгнать Трейси из черлиденга. И если Трейси вылетит из этой глупой команды из-за меня, она никогда со мной снова не заговорит.

— Ты... в Джейми? Я имею в виду, это больше, чем просто увлечение?

Не знаю, стоит ли на это отвечать. Я понимаю, что он не должен мне нравиться — он старше, он не вписывается ни в одну категорию, он встречается с Региной — но очевидно, что он мне нравится. Хотя неважно, нравится ли он мне, потому что этот поцелуй вполне мог быть просто огромной счастливой случайностью.

— Он просто пытается быть со мной милым, потому что ты его попросил.

— Я чертовски уверен, что не просил его, тебя целовать, Роуз.

Я не могу ничего поделаться с улыбкой, которая появляется на моем лице.

Он пристально смотрит на меня около минуты.

— Что бы ни происходило, теперь это со мной никак не связано, будь уверена. — Он снова берет кастрюлю. — Знаешь, папа прибил бы этого долбаного придурка. Он был там, когда Форту выгнали из хоккейной команды за то, что он ударил Энтони Паррина. Папа знал, какой свиньей может быть Джейми.

— Думаю, нам не стоит больше заботиться о том, чего бы хотел папа, — тихо говорю я. Молчание Питера говорит о том, что 1:0 в мою пользу — знаю, что он не собирается это признавать. — Может, папа хотел бы, чтобы я была с тем, кто сможет наставлять меня на путь истинный. Я имею в виду, ты, поэтому попросил его быть моим сторожевым псом или еще кем?

— Наверно. Но если бы я этого не сделал, Регина Деладдо сейчас не глумилась бы над тобой.

Возможно. Но если бы он не просил Джейми за мной присмотреть, Джейми никогда бы не поцеловал меня на встрече выпускников. А, как мы только что установили, это было единственным хорошим событием, которое случилось за последние шесть месяцев.

— Слушай, если Форта сделает что-нибудь... ну, я имею в виду, что-нибудь...

Я закрываю бегущую воду и останавливаю его жестом:

— Перестань пытаться быть папой, Питер.

Это застает нас обоих врасплох. Я не осознавала, что он именно это пытается делать, пока у меня не вырвались эти слова. И судя по выражению его лица можно сказать, что он и не пытался. Он берет другую мокрую кастрюлю с сушилки.

— Просто будь осторожна, — говорит он. — Я не хочу, чтобы тебя обижали. Форта может быть хорошим парнем, но Регина кажется чертовой психопаткой. Разве эти дела с Форта стоят проблем?

Вопрос кажется мне забавным, как будто у меня есть право голоса во всех этих делах с Джейми, как будто я решаю, что между нами происходит или не происходит. Я знаю только то, что мне достался один прекрасный поцелуй, а потом он исчез. Тогда мне повезло, но это, возможно, последний раз, когда я его видела.

После того, как Питер и мама ложатся спать, я залезаю в кровать с ноутбуком и захожу на сайт 21-летнего сержанта. Пока страница грузится, из маленьких колонок моего компьютера начинает звучать рождественская музыка, и я быстро жму на кнопку, чтобы заглушить ее, так как не хочу никого будить. Фотография сержанта на выпускном украшена праздничными гирляндами, и когда я двигаю курсор, по странице летает крошечный ангелочек с нимбом и крыльями, повторяющий движения моего пальца по тачпаду.

Две другие фотографии, которые раньше были на главной странице, исчезли, зато с последнего моего посещения появилось что-то новое — окошко, в котором постоянно пролистываются сообщения, которые оставили ему другие люди. Сегодня 23 новых сообщения, все желают сержанту счастливого Рождества. В большинстве из них говорится о том, что он умер, исполняя Божью волю; о том, что он сейчас с Иисусом, и это делает все, что случилось с ним, нормальным; и о том, что ему не стоит ни о ком переживать, потому что у всех все хорошо, хоть они и скучают по нему каждую секунду каждого дня.

Сообщения адресованы прямо ему, как будто он все еще здесь, хоть они и говорят о нем, как о погибшем. Это кажется мне смешным, но я начинаю думать о том, что бы я написала папе на его странице, и понимаю, зачем друзья и родные сержанта это делают. У них появляется такое чувство, будто они по-прежнему чем-то связаны. Будто они могут до него дотянуться, даже если он не может дотянуться до них.

Не у каждого, погибшего во время взрыва, есть мемориальный сайт, но с тех пор, как я впервые зашла на страницу сержанта, на ней появлялось все больше и больше ссылок, и теперь страницы большинства погибших — большинства американцев — связаны друг с другом через сержанта. Интересно, кто занимается его сайтом. А если кто-то прямо сейчас сидит за компьютером, ищет ссылку на папин сайт и удивляется, что бедного Альфонсо Царелли недостаточно любила его семья, чтобы навсегда увековечить его в Интернете?

Папино имя — единственное на странице сержанта, на которое нет ссылки.

Мне нужно создать папин сайт.

Я не знаю ничего о доменных именах, серверах, хостах и прочих подобных вещах, но я буду беспокоиться из-за этого позже. Сейчас я просто должна придумать, как должна выглядеть страница, которая ему бы понравилась и была бы посвящена ему — место, где люди смогут писать ему записки или просто смотреть его фото, если захотят. Понятия не имею, что это будут за люди, но они могли бы туда зайти.

На моем компьютере установлена программа для создания сайтов, и к ней есть руководство. Я открываю его и начинаю следовать пошаговой инструкции. Первое, что предлагается сделать — выбрать шаблон из множества готовых. Они называются «Розничная торговля», «Приглашение», «Объявление» и так далее. Есть и шаблон под названием «Мемориальный», и я выбираю его, несмотря на то, что он предсказуемо черного цвета с банальной рисованной драпировкой. Надеюсь, я потом смогу его сменить.

Когда шаблон загружается, на экране появляется страница, заполненная рамками для размещения фотографий и текста. На шаблонном фото изображена пожилая женщина, которая выглядит так, будто проводит все свое время в фартуке, готовя печенье для внуков. И подпись — «Нана Бетси». Через секунду выскакивает окошко, предлагающее разместить новое фото и подпись.

Вот вам и простота использования — я занимаюсь этим всего две минуты и уже застряла. Какую фотографию мне выбрать? Как определиться?

Открываю папку с фотографиями, не думая о том, что я не смотрела на папины фото с тех пор, как мы летом планировали панихиду по нему. Я не готова сразу видеть так много его фотографий. Картинки в папке маленького размера, но на них можно различить важные детали — такие, как пляж или торт на кухонном столе, и я точно знаю, что это за фотография. Внезапно меня наполняют одновременно самые разные воспоминания о папе, из разных периодов моей жизни, и я чувствую себя так, словно в голове происходит короткое замыкание. Слишком много фотографий, слишком много разных воспоминаний. Я закрываю папку и делаю глубокие вдохи, чтобы отразить всякие атаки, которые уже могут подкрадываться.

Никаких атак. После целой минуты глубокого дыхания я решаю, что будет лучше начать с названия.

Ставлю курсор в большой прямоугольник, где он начинает выжидательно мигать. Печатаю: «Альфонсо Царелли». Потом я замечаю, что под ним есть узкий прямоугольник с более мелким шрифтом. В образце написано: «Любимая бабушка, Любящая мать, Удивительная сестра». Я набираю разные варианты — Отличный папа, Любитель слов, Веселый парень — и стираю их все, ведь я едва ли могу сказать то, что правильно выразит его сущность, и любых слов, написанных в этом узком прямоугольнике, будет недостаточно.

Похоже, это окажется труднее, чем я думала. Мне нужна стратегия.

Я возвращаюсь на сайт сержанта и на этот раз стараюсь не обращать внимания на содержимое — выпускную фотографию, сообщения от людей, которые все еще его любят — я смотрю на то, как построена страница. Когда перестаю фокусироваться на его лице, я начинаю замечать некоторые дизайнерские фишки — например, то, что на главной странице размещено только его фото, имя, и место, где люди могут оставлять комментарии. Потом, если прокрутить вниз, идут ссылки на другие страницы, куда можно зайти, чтобы побольше о нем узнать.

Возвращаюсь к своему шаблону и продолжаю. Я удаляю большинство прямоугольников, но оставляю один, где я хочу предложить людям писать комментарии. Оставляю еще один прямоугольник напротив фотографии для чего-нибудь еще — пока не определилась, для чего. Затем даю названия другим страницам, которые хочу сделать со временем: биография, информация и статьи, фотографии. Провожу еще час, выбирая цвета и шрифты, и экспериментирую со специальными инструментами, которые позволяют добавить оформление, музыку и видео. Наконец я решаю, что хочу, чтобы сайт был максимально простым, и удаляю большинство добавленных элементов.

Даю название окошку для сообщений, печатаю: «Передай привет папе». Это выглядит тупо и настолько неправильно, что я даже смущаюсь, поэтому меняю его на: «Поговори с Альфонсо». Так лучше, но все равно почему-то не выглядит так, как нужно. Тогда я добавляю: «Поговори с моим папой, Альфонсо Царелли». Теперь становится, очевидно, что сайт сделал ребенок, и я не уверена, что это плохо. Пока что оставляю так.

Пустое место под его именем даже слишком символично для меня — мне опять нужно попытаться выбрать фотографию. Решаю, что лучший способ это сделать — на первое время выбрать случайное фото. Нет необходимости сейчас выбирать окончательную фотографию. Открываю папку, закрываю глаза, и несколько секунд вожу пальцем по тачпаду. Потом делаю двойной щелчок и открываю глаза.

Папа на нашей кухне, его растрепанные волосы торчат чуть не вертикально, на нем его любимая полосатая футболка, и он пристально смотрит на фотографа поверх кофейной кружки. Если бы не еле заметная улыбка на его лице, он бы выглядел сумасшедшим, но могу сказать, что он просто дурачится. Фотография немного меня смешит, а я знаю, что это совсем неправильно для такого сайта, но на данный момент это идеальный выбор.

Я уже собираюсь сохранить страницу и выйти из программы, когда вспоминаю про пустой прямоугольник, который я оставила напротив фотографии. Нажимаю на название, ожидая, что ко мне придет идея. И через минуту она приходит. «Слово дня», — печатаю я. А потом добавляю первое слово, которое всплывает в голове.

Незаменимый (притягательное): абсолютно необходимый.

Откровенный (прилагательное): прямой, честный.

(см также: Анжело)

Январь был полным отстоем.

Миссис Чен оказалась права и неправа одновременно — никто не доставал меня на каникулах, но события встречи выпускников не забылись к моменту возвращения в школу. Регина провела целый месяц, оставляя изысканные произведения искусства из лака для ногтей, адресованные «Сучке 911», на всех моих партах и шкафчиках. Она даже не расширила цветовую гамму, ограничив себя ярко-розовым и оттенками фуксии. Догадываюсь, что это ее фирменные цвета.

Я до сих пор понятия не имею, как она соображает, какой шкафчик в физкультурной раздевалке — мой, ведь он каждый раз меняется. Если бы меня спросили, я бы ответила, что у нее есть шпионы. Достаточно легко узнать, за какой партой я сижу, ведь все, что нужно делать — заходить в классы и смотреть, но на это требуется много времени и сил. Я полагаю, у нее есть разноцветные диаграммы и графики, на которых показано, где и когда я буду находиться — это производит на меня впечатление.

Но ее январская тактика — это еще цветочки. В этом месяце она стала вести игру жестче.

На прошлой неделе она нашла кого-то, чтобы взломать сайт школы и разместить на главной странице фотоколлаж, на котором я в форме врача скорой помощи бегу к месту происшествия. Заголовок над фотографией гласит: «Переживаете, что вам слишком весело на вечеринке? Не беспокойтесь — Роуз Царелли уже здесь!» Ей хватило ума не использовать слова «Сучка 911» на школьном сайте, что было бы слишком плохо. Мне пришлось бы собрать все свое мужество, чтобы заставить ее это убрать.

Питер думает, что я должна рассказать миссис Чен, потому что теперь это стало настоящей травлей. Но когда я спрашиваю его, поступил бы он так или нет, находясь на моем месте, он говорит, что у парней все по-другому. Смысл, конечно же, такой, что он должен подраться с другим парнем, и на этом все закончится. Предполагаю, что девочки тоже имеют на это право, но это не мой стиль. Хотя мне нравится представлять, как я хватаю Регину за волосы и тяну очень-очень сильно.

Еще Питер сказал, что если я не собираюсь рассказывать миссис Чен, я должна хотя бы поговорить с Джейми. Но это сделает ситуацию еще хуже, причем надолго. И что я ему скажу? Эй, Джейми, целоваться с тобой было весело и все такое, но твоя злобная девушка теперь грозит, что убьет меня, если я еще раз посмотрю в твою сторону. Не мог бы ты с ней поговорить?

Да, точно. Как будто она будет слушать. Чем больше я знаю о ней, тем хуже понимаю, чем она могла привлечь Джейми.

Мы с ним не разговаривали с той встречи выпускников. Я начинаю думать, что мне все это показалось.

Сегодня День святого Валентина, и я сижу одна на уроке самоподготовки, стараясь не замечать паразитические красные сердечки, рассыпанные на столах, стульях и всех остальных поверхностях в кафетерии. Кто-то даже умудрился прилепить одно на спину мистеру Селла, а он не заметил.

Вижу приближающегося Энджело и быстро прячу взгляд в учебник французского, в надежде, что он не заговорит со мной, но зная, что заговорит. Он всегда так делает. На

самом деле, думаю, что я ему нравлюсь. Нравлюсь не так, как мне кто-то нравится, но просто нравлюсь. И он не так уж плох. Он просто, ну, много болтает. А я пытаюсь подготовиться к тесту по французскому. Знаю, что сейчас никто не занимается самоподготовкой на уроке самоподготовки, но я все равно продолжаю пытаться.

Школьная радиосистема бубнит Клятву Верности, но все ее игнорируют. Мистер Селла бросил попытки заставить нас вставать, чтобы ее произнести — думаю, он сдался где-то в середине октября, что меня полностью устроило. Никогда больше не произнесу эти слова.

— Эй, Свитер, как дела? — спрашивает Энджелло, останавливаясь рядом со мной.

— Хорошо, — говорю я, не поднимая голову.

Уголкем глаза я вижу, что он заметил одно из особых посланий Регины на своем стуле.

— Это дерьмо с граффити уже бесит.

— Со временем это прекратится.

Он фыркает, как будто я сказала что-то до смешного глупое, и садится, разваливаясь сразу на нескольких стульях.

— Эй, с Днем святого Валентина! — говорит он. Я не отвечаю. — Будешь вечером делать что-нибудь романтическое?

— Насколько я знаю, нет. — Медленно переворачиваю страницу учебника.

— Ты всегда читаешь?

— Мне нравится быть готовой к урокам, — говорю я.

— Хочешь стать врачом или типа того?

— Врачом? — в недоумении поднимаю на него взгляд.

— Да, врачи ведь всегда читают, разве нет?

— Хм, не знаю.

— А разве твоя мама не врач?

— Наверно, в каком-то роде. — Я возвращаюсь к чтению, надеюсь, что на этот раз он поймет намек.

— Твой отец был инженером, да?

Раньше Энджелло никогда не упоминал о моем отце. Я пытаюсь понять, не подкалывает ли он меня, но он выглядит просто заинтересованным.

— Да, был.

— Скучаешь по нему?

Я киваю.

— Мой двоюродный брат служит в морской пехоте в Ираке.

Снова киваю. Похоже, Энджелло ждет от меня каких-то слов, но я молчу. Странно, но я понятия не имею, что сказать человеку, у которого двоюродный брат на войне в Ираке. Но если его брат там погибнет, тогда я буду в состоянии сказать Энджелло нечто глубокое и проникновенное.

— Свитер, а почему ты никогда не задаешь мне вопросы обо мне?

Я снова в тупике. Мне никогда не приходило в голову, что Энджелло хотел бы поговорить со мной о себе. Но теперь, когда я думаю об этом, это выглядит подозрительно похожим на неубедительный способ оправдать свой невероятный эгоцентризм.

— Ээм, не знаю, Энджелло. Что ты имеешь в виду?

— Ну, типа, мы сидим тут за столом, только ты и я, почти каждый день, не считая выходных и дней, когда я прогуливаю, но, типа, я всегда начинаю говорить о... ну, о чем угодно. Ты никогда не задаешь мне вопросы, как я тебе задаю. Ты боишься?

— Боюсь? Боюсь, что ты меня обидишь или что-то в этом роде?

— Нет, типа того, что боишься, как бы твои дружки тебя не бросили, если подумают, что мы с тобой дружим, — говорит он, делая глоток из бумажного пакета с молоком. По какой-то причине он открыл его со всех четырех углов, и когда он пил, молоко вылилось на его футболку. И тогда я заметила то, что абсолютно потрясло меня и изменило все, что я когда-либо думала об Энджелло.

Уж кто-то, но не Энджелло, мог носить футболку с Неко Кейс.

Я видела Энджелло в футболках с «Нирваной» и «Металликой» — я думала, что он металло-гранжевый парень, который застрял в днях славы Ларса Ульриха и Курта Кобейна. Но это... это слишком. Неко Кейс — богиня, и я не ожидала, что кто-то в этой дурацкой школе — хотя бы один человек — имеет представление о том, кто она, не говоря уж о ношении футболок с ее именем.

— Это... футболка с Неко Кейс?

Он посмотрел вниз, на футболку, а потом снова на меня.

— Да. Тут так и написано. Н-Е-К-О.

— Это твоя?

— Ну, она же на мне, чья же еще?

— Да, но я имею в виду, может, кто-то просто случайно дал ее тебе или она на самом деле твоя?

— Я купил ее на концерте, — говорит он, как будто это не имеет значения.

— Ты видел Неко Кейс в жизни? — я практически визжу.

— Свитер, в чем дело? Ты фанатка Неко?

— Я ее обожаю. Она... она... просто я удивлена, потому что не думала, что ты... что она... что ты слушаешь такую музыку.

— Ты думаешь, что я слишком тупой, чтобы слушать умную певицу, вроде нее?

— Нет! Совсем нет. Но я видела тебя только в футболках с группами, в которых уже умерли солисты, или с теми, кто уже не дает концерты.

— «Металлика» еще дает концерты!

— Разве?

— Свитер, «Металлика» — одна из величайших групп, которые когда-либо существовали. Они никогда не развалятся. Никогда. Ты смотрела «Some Kind of Monster»?

— Что это?

— О, черт. Ты должна посмотреть этот фильм. Он старый, но ты можешь его скачать. Он, типа, о психологии того, как быть в «Металлике», и как их чуть не убило, когда они создавали это дерьмо вместе, поняла?

Я едва могу поверить своим ушам.

— Ты музыкант, Энджелло?

Он слегка усмехается и делает последний глоток из картонного пакета с молоком.

— Не знаю, можно ли меня так назвать, но я немного играю на гитаре. — Он встает и начинает изображать игру на гитаре прямо в кафетерии, и никто даже глазом не моргнет. У меня возникает странное озарение, что Энджелло, со своими длинными волосами и машинной смазкой под ногтями, невидим для большей части учеников в старшей школе.

— Ты в группе?

— Да. Мы называемся «На хрен это дерьмо», поэтому нас не часто куда-то приглашают, но мы очень даже хорошо играем. Мы собираемся поехать на гастроли после выпуска.

— Это потрясающе.

— Ты многого обо мне не знаешь, Свитер. Я могу быть довольно крутым, неплохим парнем.

— Я знаю.

— Ты думаешь, я неплохой?

— Ну, да, ты всегда неплохо ко мне относился.

— Кроме того случая, когда ты из-за меня заплакала.

Я краснею, думая о том дне, когда Энджелло захотел узнать, делаем ли мы «это» с Джейми. Это было тогда, когда я хотела видеть Джейми регулярно. Благодаря террористической кампании Регины, я опять его избегаю. И он тоже не делает попыток со мной заговорить. Не то, чтобы я должна от него их ждать. И непохоже, что мы... Я даже не могу закончить эту мысль.

— Ты не собирался заставлять меня плакать. Я не знаю, что случилось в тот день. Я просто засмушалась или что-то в этом роде.

Он заговорщически наклоняется ко мне.

— Я знаю, что вы с Джейми целовались. Он мне рассказал.

Оглядываюсь через плечо, чтобы убедиться, что рядом нет шпионов Регины. У Сьюзен и Лены должен быть первый урок самоподготовки, хотя они вряд ли на него ходят. Никогда не понимала, как люди могут так запросто прогуливать, оставаясь безнаказанными. Моя карма работает в другом направлении. Мне всегда приходится играть по правилам или же я попадаюсь. Практически моментально. Поэтому-то я и удивлена, что Регина еще не знает, что я целовалась с Джейми. Если она так бесится из-за того, что видела, как он дважды за мной шел, интересно, какой бы стала моя жизнь, если бы она знала, что на самом деле случилось.

Наклоняюсь через стол и шепчу:

— Энджелло, мы не должны об этом говорить. Я имею в виду, ты знаешь, что Регина — это ужас, и...

— И у тебя есть парень?

— Роберт — не мой парень. Он просто был моей парой на встрече выпускников. На этом все.

— Джейми так не думает, — говорит Энджелло, разрывая на кусочки пакет из-под молока и кидая их на стол, делая небольшую горку из мокрого мягкого картона.

Почему Джейми думает, что я обманула его насчет Роберта?

Или, возможно, еще более важный вопрос — почему Джейми рассказывает Энджелло обо мне? Может ли такое быть, что он искренне, по-настоящему, заинтересован во мне? Как это может быть? Мы как будто с разных планет. Роберт, как любит мне напоминать Трейси, из нашей компании друзей и гораздо больше подходит для меня в качестве парня, чем Джейми.

Но что все это значит? Что значит «подходит»? Если тебе кто-то нравится, и ты ему тоже нравишься, разве ты не можешь с ним встречаться?

Когда бы я ни говорила это Трейси, она всегда заводила одну и ту же песню под названием «Рози и ее розовые очки».

— Тебе Джейми это сказал?

— Джейми думает, что парень — твой бойфренд. Хочешь, чтобы я это исправил?

Словно по сигналу, появляется Трейси в своей черно-золотой чирлидерской форме, с

охапкой красной гвоздики в руках. Чирлидеры устроили распродажу цветов к Дню святого Валентина, чтобы показаться высокоморальными в свете скандала с YouTube и чтобы заработать денег на новые наряды, которые настолько далеки от морали, что должны быть признаны незаконными. Она показывала мне их в Интернете, и я собиралась сделать вид, будто думаю, что они хорошо смотрятся. Но они оказались настолько маленькими, что я едва смогла их разглядеть, не говоря уж о том, чтобы понять, хорошо они смотрятся или нет. Трейси сказала, что хватит мне быть такой скромницей. Я ответила на это речью о том, что женщине должны ценить за нечто большее, чем умение скакать в спандексе, но она лишь сказала, что эпоха феминизма прошла, и продолжила показывать мне вульгарные костюмы, которые, она знает, школа никогда не позволит им купить.

— Доставка цветов для тебя, — нараспев говорит она. Она протягивает мне гвоздику с прикрепленной открыткой и встает рядом, ожидая, что я прочитаю открытку, хотя мы обе знаем, что это от Роберта.

— Спасибо, Трейс.

— Ну, открывай!

— Все нормально. Я еще немного подожду.

— Эй, Трейс, у тебя и для меня такая штука есть?

Трейси выглядит изумленной от того, что Энджело обратился к ней по имени. И она называет меня снобом?

— Сейчас проверю, — говорит она, глядя на него так, словно он был чем-то, прилипшим к ее обуви. А затем происходит нечто странное. Ее лицо сияет, она хихикает и объявляет: — На самом деле, «Энджело Мартинез, первый урок самоподготовки», у меня есть такая штука для тебя. — Она протягивает цветок Энджело с широкой улыбкой, как будто то, что кто-то отправил ему цветы, вызвал огромные метаморфозы, и Энджело — больше не тот парень с грязью под ногтями. Он кивает и принимает цветок, словно он ждал его.

Похоже, что Энджело все-таки не совсем невидим для учеников, как я подумала.

— Спасибо, Трейс, — говорит он. Она все еще стоит, ожидая, что мы оба откроем наши открытки, когда Стефани кричит на весь кафетерий: «Иди сюда, Трейси, я хочу свой цветок!»

Трейси закатывает глаза и направляется к Стефани. Энджело наблюдает, как она идет, а ее короткая юбка колышется, колышется и колышется при каждом шаге. Я не могу его осуждать. Ведь именно для этого и создали такие юбки.

— Хороший цветок тебе подарили, — говорит он, ухмыляется, встает и лезет в карман за сигаретой. — Передам Джейми привет от тебя. — Он подмигивает мне и уходит, в одной руке — зажигалка, в другой — цветок.

Мне хочется сказать ему, чтобы он ничего не говорил Джейми, но знаю, что это бессмысленно. Смотрю на свой цветок и вздыхаю. Почему бы мне не покончить с этим?

Я ощущаю слабое чувство вины от того, что Роберт прислал мне цветок. Я так и не приняла его извинения, и он, наконец, оставил свои попытки в прошлом месяце. Не знаю, почему я не сказала ему, что все нормально — меня ведь больше совсем не волнует тот случай с презервативами. Несколько дней назад он впервые за последнее время написал мне по почте, что собирается на прослушивание на кафедру драмы для весенней постановки «Макбета». Я ненавижу самодеятельность по Шекспиру, но мне в любом случае стоит пожелать ему удачи, чтобы помириться. Я понимаю, что, кроме этой постановки, я понятия

не имею, что происходит с Робертом с тех пор, как, ну, как я его знаю. Странное чувство.

Я вскрываю маленький белый конверт и вытаскиваю дешевую открытку из цветочного магазина с надписью «С Днем святого Валентина!» и изображением сердечек с выпученными глазами, которые подпрыгивают вверх-вниз на пружинках. Но когда я смотрю в центр открытки и вижу слова, написанные аккуратным крупным почерком, мое сердце тоже начинает подпрыгивать как на пружинках. Хотя я и никогда не видела этот почерк раньше, я мгновенно понимаю, кому он принадлежит. Там написано:

«Встретимся в торговом центре в 8. Если сможешь».

проступок (существительное): плохой поступок

(см. также: целовать чьего-то парня)

Я стою голая перед своим шкафом среди гор одежды, которую я примерила и сняла. Я даже не могу решить, какое белье надеть, а это вообще не имеет смысла, потому что никто его не увидит, кроме меня, когда я буду ложиться спать. Хочу позвонить Трейси для экстренной консультации, но если я это сделаю, мне придется рассказать ей, куда я иду и зачем, а мне хочется, чтобы это осталось моим личным делом. Точно, не тайной, а личным делом. Трейси и так думает, что вся эта фигня с Джейми очень странная, а ведь она даже не знает, что произошло на встрече выпускников.

Сегодня Трейси с Мэттом. Они идут к Сьюзан на вечеринку в честь Дня святого Валентина — на которую меня, конечно, не пригласили, поскольку я не чирлидер — а потом они собираются к нему домой. Его родители поехали в город смотреть какое-то представление и, по словам Трейси, они с Мэттом наконец собираются заняться этим. Я больше не верю Трейси, когда она так говорит. Похоже, что-то всегда мешает ей заняться сексом с Мэттом, поэтому я понимаю, что она на самом деле не хочет этого, несмотря на ее слова.

Однажды она рассказала мне, что они долго говорили обо всем, и она объяснила ему, почему для нее так важны презервативы, и что если он действительно любит ее, он должен обеспечивать максимальную безопасность. Как сказала Трейси, он заявил, что по-настоящему ее любит, и будет пользоваться презервативами. Мне показалось, что она немного приукрашивает действительность, но я сказала только: «Это классно, Трейси. Я рада, что он, наконец, взялся за ум».

Хотела бы я попросить мисс Масо помочь самой Трейси взяться за ум.

Вытаскиваю из кучи на полу свои любимые джинсы, немного ненавидя себя за выбор обычных Levi's вместо того, чтобы приложить усилия к созданию образа. Если бы здесь была Трейси, она бы придумала для меня наряд (я бы притворилась, что он мне не нравится, но в глубине души я была бы в восторге) с помощью одного из нетронутых выпусков «Lucky», живущих у меня под кроватью. Один раз я пробовала читать «Lucky», но от этого я почувствовала себя настолько отставшей от жизни, что пришлось бросить. Я даже не поняла половину образов, которые там увидела, и там были целые страницы джинсов, которые выглядели абсолютно одинаково.

Натягиваю шерстяной свитер, который стащила у Питера, когда он собирал чемоданы, чтобы вернуться в школу в прошлом месяце. Единственная модная деталь, которую я могу добавить — это обувь. У меня есть крутые Угги, которые я купила прошлой весной на деньги, подаренные на День Рождения, когда мы с Трейси и Стефани вместе ходили по магазинам. Я не собиралась их покупать, потому что они были неразумно дорогими, но Стефани сказала, что я их полюблю, и буду носить, не снимая, и она оказалась права. По крайней мере, полоски на свитере Питера такого же цвета, как мои Угги. Трейси бы одобрила.

Начинаю обыскивать свою комнату на предмет украшений. Из-под методического пособия для подготовки к экзаменам, лежащего на кресле-мешке, выглядывает футляр с ожерельем, которое подарил мне Роберт и за которое я так его и не поблагодарила. Интересно, правильно ли это — надевать украшение, подаренное одним парнем, на свидание с другим парнем. Потом я задумываюсь, а свидание ли это. Свидание в Дене

святого Валентина.

Я надеваю ожерелье.

Когда я застегиваю пуховик — Трейси сказала, что ненавидит его с тех пор, как я надела его на встречу выпускников — решаю, что это не свидание. Джейми просто хочет поговорить, не более того. Точно не знаю, о чем именно, но можно догадаться. Скорее всего, он хочет сказать мне, что ему не стоило меня целовать и что я не должна никому об этом рассказывать, потому что Регина — психопатка.

А может быть, он не собирается об этом говорить. Все-таки он прислал мне цветок. И он рассказал Энджело о поцелуе. Может, он хочет сказать, что с Региной все кончено — иначе, почему он не занят в День святого Валентина? — и он хочет знать, буду ли я с ним встречаться. От этой мысли я чувствую трепет в животе.

Пытаюсь представить нас как пару, которая гуляет по школьным коридорам, держась за руки, и целуется у моего шкафчика. Это не так просто. Что касается Джейми, он теперь практически не появляется в школьных коридорах. Я никогда не знаю, где он. Я даже не знаю, какие у него уроки, кроме английского для отстающих. Это странно, что кто-то с идеальным английским встречается с тем, кто отстает по английскому? Это странно, что новичок встречается со старшеклассником? Это вообще законно?

Оставляю записку для мамы, которая занята с клиентом, обещая соблюдать свой испытательный срок и быть дома в девять тридцать. Дорога к «Cavallo's» — та же дорога, по которой я каждый день иду в школу и обратно. Это приятная прогулка, за исключением одного мерзкого места, прямо рядом со школой, где мост. Там нет домов, и время от времени кто-нибудь рассказывает, что видел там мистера Нейки. Мистер Нейки — это парень, который любит разгуливать в плаще и обнажаться перед ребятами — мальчиками или девочками, значения не имеет. Но у него явно есть свои правила, потому что никто младше четырнадцати ни разу его не встречал. В моем представлении он похож на шпиона — широкий плащ, шляпа, черные очки. Я часто задумываюсь, что я сделаю, если его увижу.

Иду под мостом, не смотря по сторонам, только прямо, хоть и догадываюсь, что мистер Нейки не заинтересован в демонстрации своих причиндалов холодным февральским вечером.

Я даже не знаю, куда иду. Я имею в виду, «торговый центр» — это несколько неопределенно. Поэтому начинаю с «Cavallo's», где, как обычно, полно народу. Френки стоит за прилавком, высоко подбрасывая тесто для пиццы и болтая с парнями, сидящими за барной стойкой. Мне всегда кажется, что я должна поздороваться с Френки, но он абсолютно не представляет, кто я такая. А потом я замечаю Мишель, которая сидит на угловом диване, одетая в красивый красный блестящий свитер. Она машет рукой, когда меня видит. Я стараюсь не оглядываться, чтобы посмотреть, не машет ли она кому-то еще позади меня, поднимаю руку и улыбаюсь. Затем понимаю: Мишель не должна быть здесь. Она должна быть у Сьюзен на вечеринке в честь Дня Валентина.

И Регина тоже, а она сидит рядом.

Опускаю голову и быстро прохожу мимо дивана, как раз когда Регина поворачивается, чтобы посмотреть, кому махала Мишель. Быстро оглядываю зал в поисках Джейми, но полагаю, если здесь Регина, Джейми тут нет. В любом случае он не мог пригласить меня сюда — нас бы увидело слишком много народу.

Пытаюсь проскользнуть мимо дивана Мишель и пройти к двери, но меня останавливает толпа людей, идущих мне навстречу. Я стою спиной к дивану, но пока я жду момента, чтобы

сбежать, слышу, как Лена говорит:

— Он не смог сегодня прийти, потому что расстается с Трейси. Немного странно у нас пошли дела в отряде.

— Лена, ты, правда, собираешься увести парня у Трейси? — спрашивает Мишель.

— Я не увожу ее парня! — настаивает Лена. — Он сам все это начал.

— А ты не можешь сказать «нет»? — спрашивает Мишель.

— О, я тебя умоляю, — говорит Сьюзан. — Он новичок в команде по плаванию. Что, черт возьми, ты хочешь от новичка?

— Он мне нравится. Он милый. Трейси это переживет, я уверена, даже несмотря на День святого Валентина. — Лена безжалостно хихикает.

Неужели Мэтт мог бросить Трейси в День Валентина? Даже спрашивать не надо. Конечно, мог. Теперь он может встречаться с более старшей и опытной чирлидерской ведьмой, а не с новичком-девственницей.

Вижу, что толпа расступается, и проталкиваюсь через нее к двери. Сейчас один из тех моментов, когда я мечтаю иметь сотовый телефон. Если бы он у меня был, я могла бы позвонить Трейси и предупредить ее. А если Мэтт займется с ней сексом, а потом бросит ее? Я помню, что мисс Масо рассказывала о сексе с тем, кто тебя не уважает, и унижении, которое может за ним последовать. Неужели Трейси близка к этой ужасной ошибке? Может, мне стоит найти платный телефон.

А может, мне стоит перестать совать нос в дела других людей. Мне разве нужно, чтобы против меня были пловец-подонок и чирлидер-псих?

Пока я стою, пытаюсь сообразить, что мне делать, начинает идти снег. Он выглядит красиво под светом огромных фонарей на парковке, кружась и покачиваясь в воздухе. До меня доносится шум из «Cavallo's», но вообще здесь тихо. Тихо и спокойно. Хотелось бы мне, чтобы Трейси была рядом со мной вместо того, чтобы ей разбивал сердце Тупой Парень.

Мое внимание привлекают включившиеся фары припаркованной машины. Джейми. Пока я иду через парковку, сердце начинает усиленно биться. Смотрю через плечо, чтобы убедиться, что Регина не вышла из «Cavallo's» с выпущенными когтями, готовая расцарапать мое лицо. Хотя из-за этого я нервничаю меньше, чем из-за того, что окажусь в машине с Джейми.

Открываю дверь машины и сажусь.

— Я хотел предупредить тебя, но у меня нет номера твоего сотового.

— Наверное, потому, что у меня его нет. Пока, — говорю я, стараясь не казаться идиоткой. — Что случилось на вечеринке у Сьюзан?

— Поездка ее родителей провалилась, потому что аэропорт закрыли или типа того.

— О. Так, где ты сейчас по версии Регины?

Он пожимает плечами.

— Я должен ее отсюда забрать попозже.

Ну, это все объясняет. Это определенно не свидание в День святого Валентина.

— У тебя снег на ресницах.

Я трясую головой и смахиваю снег с лица. Он падает на сиденье машины, и я начинаю пытаться смахнуть его на пол.

— Оно классное. Виниловое, — говорит он.

— Ладно, — говорю я, даже не зная, как это связано. — Ведьмы-чирлидеры меня чуть

не поймали.

— Кто? — спрашивает он с озадаченным видом.

— Регина, Лена и другие девочки.

— Да, но как ты называешь их?

— О. Хм, ведьмы-чирлидеры.

Джейми откидывает голову назад и смеется своим красивым смехом, который я впервые услышала на встрече выпускников. Только на этот раз я не настолько зеленею от зависти при мысли о том, что он с Региной, чтобы не оценить, как приятно он звучит. Его смех заставляет меня смеяться, и я чувствую, как внутри становится тепло. Слишком тепло. Будто мне нужно немедленно сбросить куртку и половину своей одежды или же я вскоре вся вспотею.

— Похоже, ты что-то знаешь о чирлидерах, да?

Не успев даже подумать, стоит ли рассказывать ему правду, я говорю:

— Я думаю, они отвратительны. Вот Лена, например. Она серьезно пытается увести парня у Трейси, хоть они с Трейси должны быть подругами по команде. А чирлидинг сам по себе — это, наверно, наитупейшая пародия на спорт, которая существует на планете. Я огорчена от того, что моя лучшая подруга — чирлидер, а она — от того, что я не чирлидер.

Слова повисают в воздухе. Я понимаю, что наговорила лишнего и использовала слова, которые звучат напыщенно. Когда меня что-то волнует, я забываю обращать внимание на свою речь, и «слова литературного английского», как их называет Роберт, вылетают у меня изо рта.

О, а еще я только что оскорбила девушку Джейми, отделав чирлидеров так, будто они — одно из величайших зол мира или что-то в этом роде. То есть, я думаю, что так оно и есть, но явно не каждый думает так же.

— Ты занимаешься бегом, верно? — спрашивает он.

— Не знаю. Не серьезно.

— Я видел тебя. Довольно неплохо.

Полагаю, на отборе он наблюдал за мной дольше, чем я думала. Или дольше, чем Роберт захотел мне рассказывать. Мысль о нем, наблюдающем за мной, совершенно взорвала этот день — это, наверно, больше, чем я могу вынести.

— Не настолько хорошо, чтобы попасть в команду. На самом деле, довольно ужасно. Ну, по меньшей мере, в тот день.

— Что-то пошло не так?

Не знаю, как на это ответить, поэтому говорю просто:

— Я привыкла бегать с папой.

Джейми кивает, как будто полностью понимает, о чем я говорю, а потом заводит машину и двигается с места. Я не знаю, куда мы направляемся, но куда бы мы ни ехали, мне, возможно, стоит сказать, что я не могу. Я ведь сказала маме, что пойду в «Cavallo's» и буду дома в девять тридцать. Я далеко не раз выставляла себя дурочкой перед Джейми, но я не могу позволить себе влезть в еще большие проблемы. Делаю глубокий вдох.

— Мм, я знаю, что это глупо и все такое, но у меня, хм, комендантский час. И сегодня он наступит рано.

— Как это? — спрашивает он, когда мы выезжаем с парковки. Он регулирует что-то на приборной панели и в машине становится тепло. — Извини. Мне нужно включить его на секунду, потому что обогреватель стекол перестал хорошо работать. Мне нужен Энджело,

чтобы починить его.

— Энджело знает, как чинить машины?

— Да, он работает в гараже у своего папы.

— О, круто, — говорю я в надежде, что он выключит обогреватель, пока я не вспотела еще сильнее. Уверена, что свитер Питера уже промок насквозь, хоть и знаю, что это выглядело бы впечатляюще, даже на мне. — Энджело — музыкант. Ты это знал?

Какой же я бываю тупой. Конечно, он знал — они же друзья.

— Дай подумать. Энджело тебе все уши прожужжал на самоподготовке.

Слегка усмехаюсь:

— Мм, да, он любит поговорить. Он хороший. Хотя мне больше нравились уроки самоподготовки, когда ты на них ходил.

Я не могу поверить, что произнесла это. Я настолько переживаю из-за того, о чем он хочет со мной поговорить, что даже не контролирую свою речь. Но он меняет тему, из-за чего я смущаюсь и нервничаю еще сильнее, чем до того, как это сказала.

— Так что там с твоим комендантским часом?

— О, мм, я на испытательном сроке. Я была наказана на новогодних каникулах. Из-за того случая на встрече выпускников.

Он удивленно смотрит на меня.

— Тебя за это наказали?

— Да. Я сделала именно то, что должна была, но у меня до сих пор проблемы из-за этого.

— Тебя раньше наказывали? — спрашивает он.

Мне хотелось бы сказать «да», чтобы казаться старше. То есть я могла бы это сказать, но Джейми спросит, за что, и мне придется врать, а я знаю, что он чувствует правду. Я мотаю головой.

— А что за «испытательный срок»? — спрашивает он с легкой улыбкой.

— Видимо, двух недель наказания было недостаточно.

Теперь Джейми широко ухмыляется, как будто его смешит моя история. Ну, конечно, так и есть. Он старшеклассник. Старшеклассник, который водит свою машину и появляется в школе, когда ему угодно. Интересно, был ли у него когда-нибудь комендантский час.

— Эй, а почему тебя не было на вечеринке в отеле в тот вечер? — спрашиваю я.

— Не хотелось идти. — Я жду большего, надеюсь, что он скажет что-нибудь о том, как его тогда достала Регина, но он лишь говорит: — Я отвезу тебя домой вовремя. Не хочу злить твою маму.

Я хочу спросить его, что он имел в виду в тот раз, когда сказал, что однажды ему помогла моя мама. Но люди приходят к моей маме только, если случилось что-то идет совсем-совсем не так, и возможно, он не захочет мне об этом рассказывать.

В конце концов, я же не его девушка.

Мы выезжаем на главную улицу Юнион, которая проходит через то, что я называю «уродский торговый ряд». В этой части города есть практически все заведения быстрого питания и сетевые магазины, и это отстойно. Но как только магазины заканчиваются, улица становится чуть более лесистой, там находится загородный клуб с полем для гольфа на вершине холма, откуда открывается прекрасный вид. Я слышала, что иногда там устраивают вечеринки или занимаются другими вещами. Вроде потери девственности.

— Куда мы идем? — спрашиваю я, чувствуя, как начинает быстро колотиться сердце

— На поле для гольфа. Там неплохо. Ты там была? — Я смотрю на него, и он, видимо, замечает тревогу на моем лице, потому что говорит: — Я просто хочу поговорить об этом дерьме, которое происходит.

Часть меня обдумывает, что он имеет в виду, пока другая часть думает о том, как он сексуально ругается. В Джейми мне кажутся сексуальными странные вещи: ругательства; то, что он немного говорит; то, что у него практический ум, а не школьные знания; то, что он — такой, какой есть, и ничего кроме. Похоже, как раз эти вещи и делают нас такими разными. Возможно, противоположности притягиваются.

Мы оба молчим, приближаясь к полю для гольфа. Он проезжает въезд на парковку и едет по боковой дороге на вершину холма, потом останавливается в нише, спрятанной за несколькими деревьями. Он выключает фары, но оставляет мотор заведенным, чтобы мы не замерзли до смерти. Луна светит ярко, а я даже не замечала ее до этого момента. Я ощущаю запах, похожий на запах чистой машины и дождя одновременно, который я помню с первого раза, когда оказалась в этой машине. У меня такое чувство, что Джейми лучше заботится о своей машине, чем некоторые люди — о своих детях.

— Регина спрашивает о тебе, — говорит он. — Она может ревновать как ненормальная.

Я киваю, злясь от того, как это звучит — будто он ее настолько хорошо знает.

— Ты знаешь, почему она делает это?

Я смущаюсь. Все это время я представляла, что Регина орет на Джейми из-за того, что он пошел за мной на Хэллоуине и на встрече выпускников. Но внезапно я осознаю, что Регина даже не осмеливалась, потому что Джейми не потерпел бы этого. Если бы она так с ним обращалась, он исчез бы настолько быстро, что она даже не поняла бы, что случилось. Поэтому она не говорила ни слова о Хэллоуине или встрече выпускников.

Она умнее, чем я думала.

— Да, я знаю, почему она спрашивает обо мне.

Джейми ждет продолжения. Я бы лучше просто сидела в тишине, вдыхая этот чистый запах, чем произносила еще хоть слово. Но эту возможность я не могу упустить. Пристально смотрю вперед, концентрируюсь на снеге, который горками лежит на ветках деревьев, окружающих поле для гольфа, и жду, когда наберусь мужества, чтобы слова вышли у меня изо рта.

— Она расстроилась, потому что думает, что я как-то заставила тебя пойти за мной на Хэллоуиновской вечеринке и на встрече выпускников, — торопливо говорю я.

— Откуда ты знаешь? — спрашивает он, немного недоверчиво.

— Перед Рождеством она загнала меня в угол в раздевалке. Она сказала, что если я еще хоть раз на тебя посмотрю, она меня изобьет. И вышвырнет Трейси из команды. — Делаю глубокий вдох. — Это она пишет везде «Сучка 911».

Джейми хмурит брови, словно я сказала что-то, непонятное для него.

— Это она? Она это делает? — Я киваю. — Почему ты мне не сказала?

— Не знаю. Я решила, что лучше не говорить. Не то, что ты ничего не сможешь сделать. Если ты что-то сделаешь, она подумает, что... она будет ревновать еще сильнее.

Он откидывается на подголовник.

— Чертова ненормальная, — говорит он, качая головой.

Незаданный вопрос, который несколько месяцев прятался у меня в голове, теперь оказывается на кончике языка, но мне требуется несколько секунд, чтобы собраться и задать

его.

— Я не понимаю, Джейми. Ты... с ней?

Он пожимает плечами.

— Типа того. Мы выросли вместе.

— Что ты имеешь в виду? Вы были соседями или что-то в этом роде?

— Да. И я какое-то время жил в ее семье.

Мой мозг с трудом переваривает эту информацию. Ревность переходит ко мне, заставляя меня говорить то, что не следует. Я прочищаю горло.

— Почему ты с ней жил?

Джейми включает дворники, чтобы убрать снег, который уже завалил лобовое стекло. Он снова включает обогреватель и водит по желобкам на руле, прежде чем ответить.

— Моя мама умерла, а папа чокнулся. Деладдо сказали, что я могу пожить у них, пока он не придет в себя. Он так это и не сделал, но я все-таки вернулся домой. — Он смотрит прямо на меня. — Вот почему я знаком с твоей мамой. Меня выгнали из хоккейной команды после смерти мамы. Школа отправила меня к ней.

Как могло случиться, что я слышала каждую сплетню о Джейми Форте — о том, какой он тупой, и как он оставался на второй год миллион раз, и все такое — и не знала, что его мать умерла, и что это случилось не так давно, возможно, прямо перед тем, как Джейми пошел в десятый класс?

— Но я никогда не слышала...

— Она не жила с нами. Здесь никто о ней не знал. Похороны были в Бостоне. — Он выглядит настолько неловко, рассказывая о ней, что я готова попросить его прекратить, но не могу — я с нетерпением жду каждого кусочка информации, которым он согласен поделиться. — Я часто пропускал школу в прошлом году. Поэтому я и хожу на этот английский.

— Это был рак?

— Нет. — Он включает фары, и поле перед нами вдруг озаряется потоком света. — Она лежала в психбольнице.

Он наблюдает за мной, словно пытаюсь оценить мою реакцию. На долю секунды в его глазах проскальзывает такая печаль, что я хочу протянуть руку и дотронуться до его волос, его лица — найти способ помочь ему. Потом это проходит.

Питер, должно быть, знал о маме Джейми. Поэтому он и попросил Джейми присматривать за мной в этом году. Ведь Джейми точно знает, что чувствуешь, когда кого-то теряешь. Он знает, как весь этот мир вдруг превращается в чужую планету, а люди — все люди, даже те, кого ты знаешь лучше, чем кого-либо еще — кажутся бесчувственными, невежественными неудачниками, когда через некоторое время устают от твоей грусти. Джейми все об этом знает.

— Почему ты мне не рассказывал?

— У тебя и своего дерьма хватает.

— Почему она... я имею в виду, она лежала в психбольнице, потому что болела?

— Я расскажу тебе когда-нибудь, — говорит он, поворачиваясь, чтобы посмотреть через плечо, и выруливая назад. — Про Регину забудь. Не ей решать, с кем тебе общаться. Мы с тобой друзья. Ты можешь говорить со мной, когда захочешь.

Сочетание быстрой смены темы и его заявление о том, что мы «друзья», похоже на удар в живот. Я знаю, что он имел в виду «друзей» в хорошем смысле слова, но я сижу с ним в

машине в День святого Валентина в самом романтическом месте нашего дурацкого города, он только что рассказал мне свои самые сокровенные, самые мрачные тайны, и мы просто... друзья.

Из моей головы хочет вырваться настолько много вопросов, что они все застревают на выходе и ни один не может пройти. Я разочарована. Смущена. Чувствую небольшое облегчение. А потом опять разочарование.

Джейми не сводит глаз с дороги. Сильно валит снег, и мне интересно, сможет ли его машина спуститься с холма без заносов, но он ведет ее медленно, и все получается отлично. Добираясь до моего дома, мы слушаем помехи по радио. Когда мы сидим в машине на моей улице, я воображаю, что он протянет руку и дотронется до моего лица, как в тот вечер в машине Роберта. На самом деле, он неподвижен.

— Спасибо за гвоздику. Она милая.

— Пожалуйста, — говорит он с этой легкой улыбкой, от которой я чувствую теплое покалывание на затылке.

Я не хочу быть просто друзьями с Джейми Форта.

Что случится, если я пододвинусь и поцелую его? Смогу ли я это сделать? Остановит ли он мен

— Ты вернешься в «Cavallo's»? — спрашиваю я.

Он кивает.

— Чтобы забрать Регину?

Он поворачивается и разглядывает меня, как будто ищет информацию. Я представляю, что Регина сидит там, где сейчас сижу я, держит Джейми за руку, пока они едут куда-то, или говорит с ним о чем-то, известном только им двоим из того времени, когда он жил с ее семьей. До меня доходит, что Регина, возможно, помогла Джейми пережить смерть его матери, а потом, не успевая понять, что я делаю, ядвигаюсь к нему и целую его в губы, даже слишком жестко.

Получается не тот сексуальный, грандиозный жест, который я воображала, и я начинаю вырваться, пока совсем все не испортила, но Джейми ловит мою руку и останавливает меня. Я смотрю, как его рука скользит по моей, через мое плечо, и замирает на ключице, чтобы потрогать ожерелье, которое подарил Роберт. В этот момент я чувствую себя виноватой. Но вина испаряется, когда Джейми берет в руку кулон с буквой «R» и мягко тянет меня к себе, прижимая свои губы к моим. Я ощущаю, как его язык скользит по моей нижней губе, прежде чем проникнуть внутрь. Мой язык встречается с его языком, и поцелуй становится чуть более сильным, когда он другой рукой обнимает меня за талию и притягивает ближе. Его губы опускаются на мою шею, прокладывая дорожку из поцелуев. А потом поцелуи превращаются в легкие покусывания, и я издаю странный звук. Этот звук меня пугает, и я снова пытаюсь вырваться, смущаясь, но он крепко держит меня и шепчет мне в ухо:

— Это просто значит, что тебе нравится.

И он прав. Мне это нравится. Я могла бы остаться здесь на всю ночь, чувствуя объятия Джейми и его губы на моей шее. И я хочу большего. Я хочу чувствовать его руки на себе, во всех местах. Мне вдруг хочется, чтобы он прикоснулся ко мне под моей кофтой, и я понимаю, чтодвигаюсь ближе, прижимаюсь к нему всем телом, заставляя его руку проскользнуть под одежду.

Но он останавливается.

— Черт. Извини, — говорит он, все еще обнимая меня.

Я внезапно слышу свое дыхание — слишком тяжелое и слишком громкое. Начинаю чувствовать себя бестолковой, тупой, убогой. Пятнадцать минут назад Джейми Форта сказал, что мы просто друзья, и что я сделала? Я поцеловала его. И настолько увлеклась, что первый раз в жизни захотела, чтобы парень снял с меня кофту. А теперь он ругается и извиняется, а я так близко к нему, что чувствую, как бьется его сердце, но это все неправильно. То, как он сейчас меня обнимает, совсем не похоже на то, как обнимал и целовал пять секунд назад.

Это безумие. Вся эта ситуация — безумие. И я сумасшедшая.

Я заставляю себя отодвинуться, высвобождаясь из его рук. Я вся горю — знаю, что лицо сейчас пылает красным. Я все еще не могу восстановить дыхание, и у меня очень необычно ноет между ног — раньше я никогда такого не чувствовала, но легко понять, что это. Он выглядит странно и отстраненно.

— Извини, — опять говорит он, отклоняясь к двери и увеличивая расстояние между нами. — Мне не стоило этого делать.

— Почему? — спрашиваю я, и мой запыхавшийся голос делает ясным слишком многое.

Он кладет руки на руль и крепко сжимает его на секунду, делая глубокий вдох. Наконец он отвечает:

— Много причин.

Мое лицо заливают горячей волной, как будто я могу покраснеть еще сильнее. Есть множество причин, по которым Джейми не должен меня целовать, а не одна большая, по имени Регина. Отлично. Какие же другие причины?

Возможно, одна из них — то, что я целуюсь хуже всех на свете. На самом деле, наверно, это и заменило Регину на месте причины номер один.

Я в ужасе. Хочу просто выйти из машины, пока не сделала еще какую-нибудь глупость. Хватаюсь за ручку и открываю дверцу.

Пока я бегу по дорожке к дому, до меня доносится голос Джейми через открытую дверцу.

— Ты в порядке? — спрашивает он с удивлением и смущением в голосе. — Эй, Роуз?

Если бы я была нормальным человеком, я бы остановилась, сказала ему, что со мной все отлично, и извинилась за недопонимание. А может, даже поздравила бы его с Днем святого Валентина.

Вместо этого я делаю вид, что не слышу, и мчусь по дорожке, словно от этого зависит моя жизнь, проклиная себя за то, что подумала, будто я могу поцеловать парня вроде Джейми Форты и сделать это правильно.

пересиливая (прилагательное): невероятно, мучительно стыдно.
(смотри также: стремена)

Сегодня папин День Рождения. И что я делаю, чтобы вспомнить о нем в этот день? Сижу в бесплатной клинике, ожидая разговора с гинекологом о противозачаточных средствах.

Папа гордился бы.

Нет.

Это совершенно нереальный день, отчасти потому, что я не выспалась. Я провела полночи, изучая сайты людей, погибших вместе с папой, пытаюсь сообразить, что я должна написать на сайте о взрыве. Может, стоит просто поставить ссылки на статьи? Это кажется самым разумным, но все эти люди, как правило, написали сочинения об этом дне, с подробностями, которые узнали из отчета или из разговора с военнослужащими. Они проводили исследования, чтобы собрать воедино полную историю, выискивали информацию, словно там была загадка, которую нужно решить, и публиковали отрывки по мере их обнаружения. А я прочитала только одну статью и поняла, что там больше нечего узнавать.

Какая же я неправильная дочь.

На самом деле, я надеялась закончить это дело к папиному Дню Рождения, чтобы показать маме и попросить ее кредитную карту, чтобы зарегистрировать доменное имя. Но сайт еще не готов. Хоть я и разместила множество семейных снимков в разделе с изображениями — в том числе, и с Питером — я до сих пор не выбрала главную фотографию.

Вот опять. Неправильная дочь.

Первое нереальное событие произошло этим утром — я спустилась завтракать и увидела мою фотографию на обложке «Хроник Юнион», местной газеты. Мама оставила ее для меня, рядом с моим апельсиновым соком, прежде чем пошла, встречать своих утренних клиентов. В честь Дня Рождения папы газета опубликовала симпатичную фотографию с ним, а рядом — ужасное фото, где я плачу на его похоронах в июне. А подпись под этим ужасным фото?

Папочкина малышка.

Мало того, что на обложку газеты поместили фото, на котором у меня текут сопля из носа, так еще и обозвали «Папочкина малышка». К счастью, круг читателей «Хроник Юнион» насчитывает, возможно, человек двадцать-тридцать, всем около восьмидесяти, и большинство постоянно теряют свои очки для чтения. Я так думаю. Надеюсь на это.

Следующее нереальное событие — я соврала маме после того, как только что закончились месяцы моего «испытательного срока»... который был назначен за вранье. Даже наказание меня не удержало. Я оставила маме записку о том, что мы с Трейси идем в торговый центр, когда на самом деле мы собирались сесть на автобус и поехать в центр города, в бесплатную клинику на прием к гинекологу. Понятия не имею, зачем я на это согласилась. Мне не нужна контрацепция, поэтому у меня нет необходимости идти к врачу. Но Трейси убедила меня, что по-настоящему хорошая подруга должна пройти через это вместе с ней, причем не просто сидя в больничном коридоре.

И что же стало последним нереальным поворотом этого дня? Когда мы ехали в автобусе, Трейси рассказала, что они с Мэттом счастливее, чем когда-либо, и прошлой

ночью они, наконец, признались друг другу в любви. Готова поспорить, что Мэтт сказал: «Я тебя люблю» в ответ на слова Трейси: «Мне нужно предохраняться».

Можете называть меня циником.

Мэтт не расстался с Трейси в День святого Валентина. Интересно, собирался ли он это сделать, или он просто обманул Лену, чтобы объяснить, почему не сможет с ней увидеться тем вечером. Теперь я думаю, правда ли Мэтт собирается одновременно встречаться с Трейси и спать с Леной. Если Тупой Парень окажется достаточно сообразительным, чтобы это проверить, мне придется его переименовать. В Гадкого Парня.

Когда я говорила с Трейси на следующий день после Дня Валентина, она сказала, что все прошло отлично — хотя у них снова не получилось заняться сексом. По ее словам, Мэтт переживал, что его родители могут прийти домой и их застукать. Интересно, Мэтт сказал бы то же самое?

Но теперь Трейси решила, что после всего случившегося — и не случившегося — пора начать принимать таблетки. У меня чуть припадок не начался, когда она в очередной раз передумала насчет этого. Она говорит, что он и так долго ждал, и сейчас у них все очень хорошо. Еще говорит, что компромисс — это сущность любых отношений (готова поспорить на деньги, что она вычитала это в мамином «Cosmo»), и когда он пошел на компромисс, согласившись на презервативы, она тоже пошла на компромисс и согласилась на таблетки.

Логика — явно не сильная сторона Трейси.

Презервативы, таблетки, таблетки, презервативы — меня уже тошнит от всего этого. Никогда в жизни больше не хочу обсуждать противозачаточные средства.

Переворачиваю страницы журнала «Родитель», ведь в этой клинике больше нечего выбрать, если не считать экземпляра «Хроник Юнион», который я перевернула, чтобы никто не увидел мою сопливую фотографию. Трейси без умолку болтает о том, что сейчас есть самые разные таблетки, а еще эти пластиковые кольца, которые нужно вставлять раз в месяц. Я даже не утруждаюсь напоминать ей про половые инфекции. В любом случае я слишком нервничаю, чтобы уделять много внимания тому, что она говорит. Скоро я попаду на свой первый прием у гинеколога. А судя по всему, что я слышала, это ужасно и унижительно.

Как раз то, что мне нужно. Еще больше унижения. Может, еще Регина появится и напишет у меня на лбу лаком для ногтей «Первый Прием у Гинеколога», пока врач будет засовывать в меня руку. Хотя я не должна жаловаться — если не считать периодических злобных взглядов, Регина практически отстала от меня после моего разговора с Джейми в День святого Валентина. Не знаю, как Джейми это удалось. Наверно, он просто сказал ей что я его не волную ни в каком плане.

Мне все еще не верится, что у Джейми умерла мама, а я об этом не знала.

После поцелуя в День Валентина я обдумываю каждую его секунду как минимум тридцать раз за день, и так и не могу понять, что именно было неправильно. Он прекратил поцелуй, потому что: а) у него есть девушка, б) я ужасно целуюсь, в) я показалась ему отталкивающей?

Б и В кажутся похожими, но они отличаются. В гораздо хуже, чем Б.

Иногда я думаю, кто я такая, если целую чье-то парня, даже если этот кто-то — Регина? Я — человек, помогающий парням изменять своим девушкам? Это настолько далеко от моего представления о себе, что мне кажется, будто этого не было. Первый урок, который я извлекла — отрицание.

Возвращаюсь к своему журналу. Статьи в «Родителе» не имеют ничего общего с моей жизнью, и я получаю от этого какое-то странное успокоение. Трейси листает свой «Lucky», охая и ахая над вещами, которые я даже не знала бы, на что надеть, если бы попробовала. Потом она наклоняется, берет «Хроники» и смотрит на заголовок «Вспомним местного героя в его День Рождения».

— Знаешь, — говорит она: — Совсем скоро твой День Рождения. И Мэтта тоже.

Я знаю, на что она намекает — хочет избежать повторения прошлогоднего провала, когда она предала нашу давнюю традицию поедания пиццы, мороженого и просмотра фильмов в мой День Рождения, чтобы провести время со своим новоиспеченным парнем, Мэттом. К ее чести, она до сих пор переживает, что я сидела в тот вечер дома с мамой. Мама приготовила мой любимый шоколадный торт с кофейной глазурью, но это не исправило тот факт, что моя лучшая подруга была со своим парнем, а я смотрела дома телевизор с мамой в свой День Рождения.

Забавно. Что угодно бы отдала, чтобы в этом году провести свой День Рождения, смотря телевизор дома с папой.

— Как ты смотришь на то, чтобы устроить двойной День Рождения?

Мне хочется сказать, что я лучше засуну иголки себе под ногти, чем устрою праздник вместе с этим придурком.

Вместо этого я спрашиваю:

— Зачем?

— Было бы весело, ты так не думаешь? Мы сможем, типа, занять весь «Cavallo's». О, и можно даже весь день отмечать в парке! Найдем группу, чтобы играла, найдем бочку...

— Трейс, не нужно включать меня в празднование Дня Рождения Мэтта. Мне хватило того, что было в прошлом году.

Она знает, что это не совсем так, потому что я иногда не могу не «пошутить» о том, как моя лучшая подруга провела мой четырнадцатый День Рождения со своим парнем.

— Все не так, Роза. Я просто подумала, что было бы классно собрать всех друзей вместе, и, может быть, вы с Мэттом научитесь лучше ладить друг с другом.

— Могу сказать тебе прямо сейчас, что он не захочет видеть свое имя на приглашении рядом с моим.

— Почему ты так говоришь? — обиженно спрашивает она.

— Да пойми же ты, Трейс! Мы с Мэттом больше не нравимся друг другу, и, возможно, это никогда не изменится.

— Это неправда. Ты ему нравишься. Он только думает, что ты немного... по-собственнически ко мне относишься.

Если бы у меня был в руках стакан, я бы опрокинула его на себя.

— Это он тебе сказал? — говорю я, а мой голос подскакивает до высоты персонажа «Элвин и бурундуки», когда открывается дверь загадочной святыни врачебного кабинета. — Он знает, что я «по-собственнически к тебе отношусь», потому что он полный придурок, который обращается с тобой...

— Трейси Геррен? — приглашает медсестра.

Трейси настолько взволнована из-за перспективы получения таблеток, кольца или чего-нибудь еще, что даже не слышит последнюю часть сказанного мной. Она подскакивает с места как на пружинках.

— Даже не думай уйти, — говорит она мне. — Мы записывались вместе, и мы пойдем

вместе. Ты меня опозоришь, если запаникуешь и уйдешь.

Обожаю то, как Трейси может связать с собственной персоной все, что угодно.

— Я никуда не уйду. Я ведь только и жду, чтобы в первый раз опробовать эти гинекологические штуки. Слышала, что это очень весело.

— Да ладно тебе, Роза, это важно для твоего здоровья, — говорит она, вырывая у меня из рук «Родителя» и протягивая свой «Lucku», как будто я должна подготовиться к экзамену по предметам одежды. — А тебе нравится делать то, что полезно для здоровья. Ты от этого чувствуешь себя... добродетельной или типа того.

Медсестра снова называет ее имя, и Трейси исчезает с ней в длинном коридоре с таким уверенным видом, словно собирается купить новое платье в «Forever 21». Мне становится легче от того, что она ушла — я могу сбежать отсюда, если захочу.

Должна ли я? Я имею в виду, что я здесь делаю? Мне не нужен этот прием. Я еще даже целоваться не научилась.

Осматриваю коридор и замечаю стенд с брошюрами, которые называются в стиле «Какое средство контрацепции подходит для тебя?» или «Борешься с ВПЧ и думаешь о беременности? Что ты должна сделать прямо СЕЙЧАС». Питаю смутную надежду, что среди них есть «Чего ожидать на первом приеме?» или хотя бы «Что мы делаем, когда ты лежишь там, на спине с поднятыми ногами?»

Но мне не везет.

Как бы то ни было, я сейчас не в состоянии читать. Я так сильно волнуюсь, что не могу ни на чем сосредоточиться.

Дверь опять открывается.

— Роуз Царелли?

Обдумываю возможность промолчать, притворившись кем-то другим, и дожждаться, когда медсестра убедится, что Роуз Царелли здесь нет. Но она смотрит прямо на меня и спрашивает:

— Роуз?

Похоже, Трейси ее предупредила, что я могу сбежать. В конце концов, зачем еще нужны друзья?

Поднимаюсь на трясущихся ногах.

— Проходим сюда, — говорит медсестра, сочувственно улыбаясь. Иду за ней по коридору, а за мной с глухим стуком и щелчком закрывается дверь. Теперь пути назад нет.

— Я Бетти, — через плечо говорит она, пока мы идем. — Я медсестра-практикантка, и сегодня я буду тебя осматривать. Это твой первый прием?

— Да, — говорю я, и это звучит так же испуганно, как я себя чувствую. Она ведет меня в смотровой кабинет, и я сразу же замечаю их. Распорки для ног. Они установлены на столе, как пыточное приспособление. Бетти следует за моим пристальным взглядом. Она сводит распорки вместе и нажимает на каждую. Они медленно откидываются на стол, как ноги какого-то мерзкого насекомого.

— Знаю, они выглядят пугающе, но, уверяю тебя, они не так уж плохи, — по-доброму говорит она. — Теперь запрыгивай сюда, и я расскажу, что мы будем делать.

Осторожно приближаюсь к смотровому столу, словно опасаясь, что распорки поднимутся и схватят меня. Они этого не делают. Встаю на маленькую черную платформу, установленную рядом с полом, и запрыгиваю на стол. Белая простынка громко хрустит подо мной, пока ядвигаюсь к краю, лицом к Бетти.

— Расскажи немного о себе. Ты учишься в старшей школе?

— Я в девятом классе.

— Чем любишь заниматься?

— Мм, я бегаю — ну, типа того. Собираюсь вступить в команду по легкой атлетике на следующей неделе.

— Аа, — говорит Бетти, что-то помечая в карточке. — Так ты спортсменка. Ну, это хорошо. — Мне хочется спросить ее, как занятия спортом связаны с моим гинекологическим здоровьем, но не могу заставить себя задать вопрос. — У тебя есть парень?

— Я... ну, я не... мм...

— Давай перефразируем. Ты ведешь половую жизнь?

На это я тоже не знаю, как ответить.

— Есть парень, с которым мы, мм, несколько раз целовались. Это считается половой жизнью?

Так и жду, что Бетти посмеется надо мной из-за незнания четкого определения «половой жизни», но она не смеется.

— Я спросила, занималась ли ты сексом, но половая жизнь может означать любой вид сексуальной активности, и поцелуи сюда тоже относятся. Еще что-то было с этим другом?

— Нет.

После секундного колебания Бетти говорит:

— Ты думаешь, будет?

Качаю головой, не зная, лгу ли я.

— Возможно, мы снова поцелуемся, но я не... Я пока что не хочу чего-то еще.

Бетти улыбается и снова меня удивляет.

— Отлично, Роуз. Хорошо, что ты знаешь, в каком ты положении, что делаешь и чего не хочешь. Не делай ничего, пока не будешь полностью готова.

Хотелось бы мне сейчас иметь диктофон, чтобы записать слова Бетти для Трейси. Так и представляю, как Бетти и мисс Масо собираются вместе для экстренного вмешательства, набрасываются на Трейси и говорят ей, что она делает ужасную ошибку.

Но потом до меня доходит, что Трейси, возможно, действительно готова к этим делам. Может, проблема не в Трейси.

Может, проблема на самом деле во мне.

— Что привело тебя сюда, Роуз?

Иногда я думаю, что моя жизнь — одна длинная вереница вопросов, на которые я не представляю, как ответить.

— Мм, я просто подумала... Наверно, решила, что должна сходить на прием, — говорю я, не желая признаваться, какая у меня ловкая лучшая подруга — заставила меня делать то, что она хочет, хоть у меня и нет на это причины.

— Хорошо. Давай пройдемся по обычным вопросам. У тебя нормальные месячные?

— Что значит нормальные?

— Регулярные. Они регулярно у тебя идут?

— Да.

— Бывают какие-либо боли?

— Иногда. Иногда у меня бывают очень нехорошие спазмы. — Вообще-то это ложь. Вряд ли у меня когда-то были спазмы. Но я вдруг почувствовала необходимость как-то оправдать этот совершенно ненужный осмотр.

— Хорошо. Итак, мы будем делать вот что. Я собираюсь провести гинекологический осмотр. Это значит, что я посмотрю тебя изнутри и с помощью руки проверю, что все нормально. Так как ты молодая и еще не начала жить половой жизнью, нет необходимости брать мазок — то есть брать несколько клеток с шейки матки инструментом, похожим на длинную ватную палочку, и отправлять их в лабораторию на анализ. Но сейчас тебе это не нужно, потому что ты не занимаешься сексом. Верно? — говорит она, глядя на меня очень внимательно, словно она думает, что я могу лгать о том, почему я здесь.

— Верно, — отвечаю я со всей уверенностью, на которую сейчас способна, а взглядом возвращаюсь к распоркам.

— Хорошо. Сейчас я дам тебе халат. Сними одежду и накинь халат, распахнув его впереди. Через пару минут я вернусь и постучу в дверь, чтобы убедиться, что ты готова.

Бетти оставляет меня в комнате, и целая минута уходит только на то, чтобы снять джинсы. Не то чтобы я раньше не была у врача, но никто никогда не осматривал меня изнутри. Снимаю белье, но не знаю, куда его положить. Повесить на вешалку, как джинсы? Но тогда она его увидит, а ей может быть это неприятно. Убрать в свою сумку? От этого уже мне неприятно. После минуты раздумий Бетти стучит в дверь.

— Все готово? — спрашивает она.

Скручиваю белье в комок и прячу — у себя в кулаке.

Отвечаю:

— Да.

— Хорошо! — говорит она, входя в комнату с энтузиазмом человека, который собирается провести день в парке развлечений. — Вот что будет происходить дальше. Я подниму распорки, а ты положишь на них ноги, хорошо? — Она оборачивается и кладет какие-то инструменты на высокий лоток на колесах. Потом передвигает лоток и садится на низкий стул передо мной. — Поехали.

Она поднимает пыточные приспособления и дает мне команду лечь на спину на стол.

— Одну ногу вверх, — говорит она, со щелчком расправляя пару резиновых перчаток.

Не могу пошевелить ногой.

— Роуз, я возьму твою ногу и положу на подставку, хорошо? — Я чувствую, как ее рука поднимает мою ногу в воздух. Жду холодного прикосновения металла к коже, но понимаю, что не сняла носки. Похоже, я и блузку не сняла. Интересно, это неправильно — разве я должна была снимать эти вещи? Не помню.

Чувствую, как ее рука кладет мою вторую ногу на распорку. Потом замечаю странную тишину в кабинете, будто она ждет чего-то еще.

— Мне нужно, чтобы ты чуть-чуть раздвинула колени, — тихо говорит Бетти, словно боится, что я стану невменяемой, если она заговорит слишком громко. Я понимаю, что у меня заболели колени от того, что они крепко сжаты вместе, несмотря на широко растопыренные на распорках ноги.

Я, правда, не хочу раздвигать ноги.

— Говоришь, ты собираешься на отбор в команду по легкой атлетике, да? — Не могу представить, с чего она вдруг заговорила о легкой атлетике, когда ее руки лежат у меня на коленях, осторожно пытаюсь их развести. Хочет меня отвлечь.

Холодный воздух проникает между ног, и мне приходится бороться с желанием снова сжать колени.

— Да, — говорю я, стараясь, чтобы это звучало нормально. — Отбор на следующей

неделе.

— Ты почувствуешь легкое давление и холод, когда я введу зеркало. — Она берет нечто, еще больше, чем распорки, похожее на пыточный инструмент. — И что надо будет делать на отборе?

Я с трудом могу ответить, потому что ощущение от вставленной в меня штуки, похожей на гигантские щипчики для ресниц, слишком странное, чтобы говорить. Это не больно, но она должна была сказать «сильное давление», а не «легкое». Как будто хочется в туалет.

— Мм, придется пробежать несколько коротких дистанций... Ой...

— Извини, я сейчас открываю зеркало внутри тебя, чтобы посмотреть шейку матки. Что ты говоришь?

— Думаю, мне, хм, мне придется пробежать несколько коротких дистанций на время, — затаив дыхание, говорю я.

— Понятно. И те, кто покажет лучшее время, войдут в команду, так?

— Угу, — говорю я, думая, как долго мне придется терпеть внутри себя эту штуку.

Бетти больше ничего не спрашивает. Более того, она молчит целых двадцать секунд. Я уже начинаю паниковать, когда она говорит:

— Роуз, ты уверена, что у тебя еще не было секса?

Если бы меня так не ошарашило то, что заставило ее задать этот вопрос, я бы засмеялась. Потому что — да, я совершенно уверена, что у меня еще не было секса. Разве можно не быть уверенным в этом?

— Мм, да, я только целовалась — меня целовали — неважно, как сказать.

Она смотрит на меня из-за моих ног — очень странное зрелище — с серьезным выражением лица:

— Кто-нибудь трогал тебя там, внутри? Вообще, кто-нибудь?

— Нет. Клянусь, — добавляю я. Не знаю, зачем, но мне кажется, важно убедить ее, что я говорю правду. — А что? Что-то не так?

— Нет, нет, все в порядке. Роуз, ты знаешь, что такое девственная плева?

— Угу, — отвечаю я, вспоминая схему женских половых органов, которую однажды показала мисс Масо на уроке здоровья, когда кто-то спросил ее, откуда пошла фраза «раздавить вишенку». Мисс Масо может ответить на любой вопрос, если она уверена, что он задан искренне.

— Ну, у девушек, не занимавшихся сексом, как правило, есть девственная плева, но у тебя ее нет.

— Это... плохо? — спрашиваю я, не совсем понимая, стоит ли расстраиваться из-за этого. То есть, я знаю, что она должна у меня быть, но не уверена, имеет ли значение то, что у меня нет.

— Нет, не обязательно. Некоторые девочки теряют ее, если очень активно занимаются спортом, — говорит она, тянется к лотку и берет огромную ватную палочку. — Возможно, у тебя как раз такой случай, раз ты спортсменка. Но теперь я бы хотела взять мазок, хорошо? — Я не успеваю ничего сказать, а противная ватная палочка уже исчезает у меня между ног.

— Теперь я соберу на тампон образцы клеток с шейки матки, и мы отправим их в лабораторию, чтобы убедиться, что все нормальное, и я уверена — так и будет. — Чувствую, как она передвигает ватную палочку, а потом вытаскивает ее, кладет тампон в контейнер и что-то на нем пишет.

— Следующий шаг — ручной осмотр, — говорит она, наконец, вытаскивая из меня гигантские щипцы для ресниц. Мне становится легче, пока она берет тубик и мажет руки в перчатках каким-то прозрачным гелем. — Я введу пальцы внутрь и надавлю на живот. Если будет больно, ты мне скажешь. — Пальцы проскальзывают внутрь, и она начинает нажимать на мой живот.

Интересно, я почувствую то же самое, если парень будет трогать меня внутри? Потом пытаюсь перестать об этом думать, потому что это, наверно, плохая тема для размышления, когда тебя осматривает гинеколог. Поднимаю взгляд на стены и стараюсь сосредоточиться на висящем там черно-белом постере с изображением нижней части Эйфелевой Башни. На черной пластиковой рамке лежит слой пыли. На фотографии голуби ищут крошки на асфальте. Люди идут, держась за руки, а одна пара целуется. Только я успеваю подумать, что успешно перенеслась в Париж, я обнаруживаю, что увернулась от нее и привсталала.

— Очень странное чувство, — говорю я, и мне вдруг хочется, чтобы она прекратила меня трогать.

— Странно нехорошее или просто странное?

— Думаю, просто странное.

— Это нормально, — говорит Бетти, кладет одну руку мне на плечо и мягко заставляет меня лечь, а ее другая рука все еще находится внутри меня. — Ощущение странное, потому что я проверяю матку и яичники, чтобы убедиться...

— Вы еще не закончили? — громко перебиваю я. С меня хватит.

— Почти. С тобой все в порядке?

— Мне нужно... в туалет, — вру я, называя единственное, что смогла придумать, чтобы заставить ее прекратить.

— Хорошо, — говорит она, вытаскивая руку и снимая резиновые перчатки. — Это все. Мы закончили. — Ее взгляд падает на мою блузку, которую, как я теперь вспомнила, нужно было снять. — Обычно на ежегодном осмотре я проверяю грудь, но я думаю, мы сделаем это в следующий раз. Я бы хотела, чтобы ты вернулась, если начнешь жить половой жизнью — если ты и твой друг зайдете дальше поцелуев, хорошо? Мы сможем поговорить о том, что будет вас защищать. И еще, ты можешь звонить мне, если решишь что-то рассказать — возможно, то, что не захотела рассказывать сегодня. Вот моя визитка.

Бетти думает, что я о чем-то солгала. Может, ей кажется, что меня изнасиловали, и поэтому девственная плева порвалась или исчезла, или еще что-то?

Все это делает меня полным параноиком. Нужно убираться отсюда.

Бетти пристально смотрит на меня, пока я пытаюсь сообразить, что, по ее мнению, я не рассказала, понимает, что я не собираюсь ничего говорить.

— Можешь сесть и одеться, а когда будешь готова, встретишься со своей подругой в коридоре. Было приятно познакомиться, Роуз. Я позвоню, если будут какие-то проблемы, но их не должно быть. — Она смотрит в карточку. — Это номер твоего сотового?

Качаю головой. Она снова туда заглядывает.

— О, я вижу. Это номер твоей подруги. Но я смогу оставить для тебя сообщение?

Я киваю, практически бессознательно.

— У тебя правда все хорошо, — говорит она и идет к двери.

— Мм...

Она резко останавливается.

— Да, Роуз?

— Я все еще девственница, да? То есть, хоть у меня и нет... — Не могу закончить предложение.

Бетти медленно кивает.

— Да, Роуз, если у тебя не было секса, ты девственница. — Она ждет еще секунду, потом улыбается и уходит, закрывая за собой дверь.

После того, как умудряюсь извлечь белье из мертвой хватки своего кулака, я одеваюсь. Не знаю, что нужно делать с халатом и простынкой, которой она меня накрывала, поэтому выбрасываю их в мусорку. Выбираюсь в коридор, где расхаживает Трейси, отправляя смски как ненормальная.

— Трейс, идем, — говорю я. — Я не хочу опоздать на автобус, чтобы ждать целый час следующий.

— Ты можешь поверить, что врач не назначил мне противозачаточные? — шипит она. — Я сейчас переписываюсь с Леной.

— С Леной? — У меня в голове крутятся самые разные выводы.

— Да! Она сказала, что они тут ничего не спрашивают, а просто назначают то, что ты хочешь. Но врач сказал, что ничего мне не назначит, пока я не приду со своим «партнером». Она хочет поговорить с обоими, — говорит она, закатывая глаза.

Итак, время пришло. Я не могу больше это игнорировать. Если Лена занимается такой фигней, Трейси стоит знать, почему.

— Трейс, — говорю я, делая глубокий вдох: — Есть кое-что, что мне нужно сказать тебе о Лене.

Трейси отрывает взгляд от телефона.

— Что?

— Мы можем сначала отсюда уйти? — прошу я. — Я больше не хочу здесь находиться. — Я хватаю ее за руку и тяну из клиники.

— Рассказывай, — говорит она, мрачно глядя на хмурое небо, когда мы идем к автобусной остановке.

— Ну, в День святого Валентина, я на минутку зашла в «Cavallo's»...

Ее голова резко поворачивается ко мне.

— Я думала, ты была дома в День святого Валентина.

— Это долгая история. Но самое главное — когда я там была, я слышала, как Мишель, Сьюзен и Регина говорили с Леной про Мэтта. Лена сказала, что Мэтт собирается расстаться с тобой в тот вечер. Из-за нее.

Я жду извержения вулкана, приступа рыданий, нереальной паники. Но Трейси остается спокойной. Убийственно спокойной.

— Лена влюбилась в Мэтта, — говорит она. — Он думает, что это смешно. Но ему она не нравится.

Мне хочется схватить ее за плечи и хорошенько потрянуть, чтобы ее мозги встали на место.

— Трейси, он, возможно, видится с Леной с тех пор, как ты видела их в спальне твоих родителей на Хэллоуин. Почему ты не можешь это признать?

Она поднимает руку, чтобы остановить меня.

— Ты, правда, так думаешь?

— Да! Она крутится возле него после твоей вечеринки, и ее не волнует, что это тебя обижает. Она настоящая... стерва.

— Если ты так думаешь, почему ты мне раньше не сказала? Друзья должны рассказывать друг другу такие вещи, Роуз. А еще они не врут о том, что собираются делать в День Валентина.

Я по-настоящему надеялась, что она упустит этот момент, но как бы ни так — мне не повезло.

— Джейми прислал мне цветок в День Валентина. Не Роберт.

Трейси не сводит с меня глаз, не говоря ни слова.

— И он предложил мне встретиться, — заканчиваю я.

— Перед тем, как встретиться с Региной.

— Да, я тоже так думаю.

— Ты вообще собиралась мне рассказать?

— Не знаю. — Я смотрю на дождь, и мне хочется оказаться где угодно, но не здесь. Воспоминания о моих чувствах, когда мы с Джейми целовались — и смущение, когда он остановился и извинился, сказав, что не должен был меня целовать — заставляют меня краснеть. Пытаюсь выбросить их из головы, но уже поздно.

— Вы целовались.

Ненавижу то, что она так хорошо меня знает и может догадаться по моему выражению лица о случившемся несколько недель назад.

— Если то, что ты сказала о Лене — правда, — говорит она: — Тогда ты не лучше ее. Джейми — тоже чей-то парень, Роуз. — Автобус подъезжает к остановке и двери открываются. — Ты лицемерка.

Если бы я могла открыть рот и рассказать Трейси все о Регине — о надписях и угрозах, о том, какая она сумасшедшая, о том, что она недостойна Джейми — я бы заставила ее понять, что я совсем не такая, как Лена. Но я не могу. Ведь если я расскажу Трейси о Регине, ей придется выбирать между лучшей подругой и любимым «отрядом» — и я почти уверена, что уже знаю ее выбор.

Трейси садится в автобус, платит за проезд, занимает место, не глядя на меня. Водитель ждет, но я могу лишь смотреть на Трейси через окно. Дверь закрывается, и автобус уходит.

Архивраг (существительное): главный враг
(см. также: иметь домыслы...)

На легкоатлетическом отборе у меня есть зрители, и из-за этого я нервничаю еще сильнее. Джейми и Энджело на парковке рядом с беговой дорожкой ремонтируют машину Джейми. Время от времени Энджело останавливается, отрывается от работы над двигателем, машет мне рукой или показывает поднятые большие пальцы.

Джейми так не делает.

Я думаю, потому что чирлидеры тренируются на спортивной площадке напротив беговой дорожки. Это довольно далеко, но я не упускаю возможности, что Регина обладает сверхъестественным видением. Джейми, наверно, не хочет делать ничего, что может снова повлечь проблемы с Блондинистой Ведьмой.

Или он просто боится, что если будет много на меня смотреть, я опять его поцелую.

Роберт стоит, облокотившись на забор, с несколькими ребятами, мне не знакомыми, которые тоже наблюдают за отбором. Хотя он скорее наблюдает за Джейми и Энджело, а не за отбором.

Мы с Робертом больше не разговариваем. Возможно, он, наконец, осознал, как плохо я к нему отношусь, и он может добиться большего успеха в том, что касается дружбы.

Кстати, на этой неделе я осталась совсем без друзей. Мы с Трейси по-прежнему в ссоре, а когда мы с ней не разговариваем, Стефани чувствует себя странно рядом со мной. Она, конечно, поздоровается, но на этом все. Поэтому количество моих друзей дошло до... нуля. Я бы хотела назвать Джейми своим другом, но мы не разговариваем в присутствии других людей, поэтому не думаю, что он считается. Плюс тот факт, что мы дважды целовались. А это означает, что он не друг, он... кто-то еще.

Если я попаду в команду — а это большое «если», учитывая то, что случилось со мной на отборе по кроссу — у меня появятся новые друзья, определенно. С легкой атлетикой все будет по-другому. Новый старт.

Что бы, черт возьми, это ни значило.

Топчусь на месте, чтобы лучше сели мои беговые кроссовки. Когда я наклоняюсь, чтобы завязать шнурки, понимаю, что я сегодня Злая, с большой буквы З — я это чувствую. Хорошо. Может, из-за этого я буду бежать быстрее.

Тренер Морли дует в свисток:

— Царелли! Хватит витать в облаках, приходи в себя! Строимся на четыреста. Дорожка три.

Фантастика. Я уже произвожу неизгладимое впечатление.

Нахожу свою дорожку и краем глаза вижу, что Джейми и Энджело перестали работать и наблюдают. Роберт немного отдалился от своей группы и все еще следит за Джейми. Слышу, как чирлидеры репетируют новую кричалку, и мне хочется, чтобы они заткнулись. Звуки долбят мне по ушам больше, чем когда-либо.

У меня столько бабочек в животе — интересно, я полечу, когда попробую бежать?

Мне нужно перестать переживать из-за Джейми, Роберта и отряда и сосредоточиться на том, что я делаю, иначе я никогда не войду в команду. А если я не войду в команду, мне придется признать, что я неудачница. Еще и без друзей.

Занимаю стартовую позицию и жду свистка. Когда он звучит, я срываюсь с места так быстро, как только могу. Вскоре меня окутывает спокойствие — все теряет значение, и мозг

перестает работать на скорости миля в минуту. Бабочки исчезают, и я просто бегу, как учил меня папа. Большие шаги, плавные движения рук, прямая спина. Не понимаю, как я могла быть уверена, что никогда больше не смогу так бегать, и чувствую облегчение от осознания того, что могу.

Четверть мили будет моя, я чувствую. Я могу победить, если только оставлю силы на последнюю сотню. Уже близится последний круг, и я вдруг вижу боковым зрением помпоны. Несколько девочек выстроились рядом с беговой дорожкой, как будто собираются кого-то приветствовать. Мне хочется оглянуться, чтобы посмотреть, кто это, но если я это сделаю, я сбавлю темп. Продолжаю бежать. Я все ближе и ближе к ним, и слишком поздно понимаю, что это Лена, Сьюзан и Регина. Я почти их пробежала, когда они начали скандировать: «Как Папочкиной Малышке понравилось у гинеколога?»

Я теряю не только темп, но и равновесие. Я лечу на дорожку на полной скорости. Умудряюсь упасть прямо, чтобы не сбить тех, кто бежит рядом. Проскальзываю и ударяюсь о красное резиновое покрытие, ощущая, как горит кожа на руках и ногах. Но это не все, что я чувствую. Внутри меня закипает бешенство, и по тому, как оно наполняет все мое тело, я могу сказать, что на этот раз не смогу себя контролировать. Я слышу, как свистит тренер Морли, оповещая о конце забега, и встаю. На ногах появляется кровь, а на предплечьях, похоже, вообще кожи не осталось.

А потом, даже не понимая, что делаю, я бросаюсь через дорожку, которая отделяет меня от стерв-чирлидеров. И неважно, что их трое против одного. После всего, что Регина мне сделала, я хочу отплатить ей, причинив боль. Я бегу быстрее. Начинаю кричать.

Лена и Сьюзан выглядят как олени, попавшие под свет фар приближающейся машины — я, должно быть, выгляжу как настоящий маньяк, несусь прямо на них, покрытая кровью, и кричу, как ненормальная — но Регина стоит на месте с удивленной полуулыбкой на лице, словно она не думала, что я на это способна, но все-таки рада этому.

— Я тебя предупреждала! — кричит она, когда я приближаюсь. — Я говорила тебе держаться от него подальше!

Трейси. Трейси рассказала ей, что я поцеловала Джейми.

Я набрасываюсь на Регину с каждым граммом силы, который во мне есть, сбивая ее с ног. Помпоны взлетают в воздух, и я слышу вздох ее подхалимов, когда у нее задирается юбка. Я будто ослепла от ярости, и прижимаю ее к земле одной рукой и весом своего тела. Пальцы другой руки сжимаются в кулак. Я слышу, как лихорадочно тренер Морли дует в свисток — звук становится громче, а это значит, что она, возможно, бежит сюда. Крошечная часть моего мозга подсказывает, что не стоит бить Регину, ведь если я это сделаю, начнется тотальная война, которая может закончиться тем, что мне придется переходить в другую школу.

Но меня это не волнует.

Когда я отвожу руку назад, чтобы хорошенько размахнуться перед ударом, кто-то хватает меня за талию и поднимает, отрывая от Регины. По яростному выражению ее лица я понимаю, что это Джейми. Вы думаете, она счастлива, потому что он спас ее от удара в лицо, но на самом деле, она в бешенстве, потому что он избавил ее от уважительной причины избить меня. Он поворачивается и опускает меня на землю, придерживая одной рукой и вытягивая вторую вперед, чтобы не подпустить Регину, которая уже на ногах. Энджело хватает Регину за плечи и близко придвигается к ее лицу, быстро говоря, хоть я и не слышу, что он говорит. Похоже, я оглохла — не слышу ничего, кроме шума крови в ушах.

Переключаю внимание на Джейми, который разглядывает мои окровавленные ноги и руки, и понимаю, что должна поблагодарить его за то, что он спас меня от отстранения от уроков или исключения, но я вне себя. Я хочу ее ударить. Не думаю, что за всю свою жизнь хотела чего-то сильнее.

— Ты в порядке? — спрашивает он, и его голос прорывается через биение моего пульса. — Роуз?

Регина смотрит на него с недоверием, будто не может переварить то, что он спрашивает меня, а не ее.

Я в порядке? Нет, я не в порядке. Здесь все не в порядке. И все не в порядке с июня. Слезы обжигают мои щеки. Я все еще ощущаю, что готова убить. Джейми каким-то образом это чувствует и встает прямо передо мной, закрывая от меня Регину и вынуждая смотреть ему в глаза.

Подходит тренер Морли, взбешенная, а она еще не видела всей крови. Она смотрит на Регину. Энджелло до сих пор ее удерживает, сжимая руками ее запястья. Она вырывается и делает царапающие движения в мою сторону, как будто хочет разодрать мне лицо. Вижу, что Морли замечает у Регины яркий лак цвета фуксии, и наблюдаю за ее лицом, когда она складывает два плюс два и решает загадку с надписями. Она осторожно кладет руку мне на плечо, уводит от Джейми и ведет через футбольное поле в центре дорожки к раздевалке.

— В следующий раз, Царелли, расскажи взрослым прежде, чем до такого дойдет, — говорит она. — Издевательства — это серьезное нарушение.

Я чуть не смеюсь. Во-первых, издевательства бывают у ребят на детской площадке в начальной школе. То, что делает Регина, называется травля. Во-вторых, если рассказать взрослым, все станет только хуже. Если бы Морли потратила время, чтобы воскресить в памяти старшую школу, она бы вспомнила, что если ты на кого-то жалуешься, этот человек просто найдет способ отомстить тебе в десятикратном размере, когда никто не видит.

Я даже не утруждаюсь спросить Морли, вошла ли я в команду, потому что уже знаю ответ. Можно учесть необычные обстоятельства, но это не играет роли — если ты не закончил забег, тебя дисквалифицируют. В этом году у меня 0 из 2. Похоже, я не найду новых друзей после всего этого.

Когда мы подходим к школе, я слышу, как кто-то бежит за нами. Надеюсь, Регина сбежала от Энджелло, потому что я готова закончить свое дело. Я резко оборачиваюсь, сердце сразу же начинает часто биться, но это не она. Это Трейси, перепуганная и готовая разреветься.

— Трейси, — говорит Морли. — Отведешь Царелли в раздевалку? Помоги ей привести себя в порядке, хорошо?

Трейси кивает. Когда мы вне пределов слышимости тренера, Трейси говорит:

— Роуз, мне так жаль. Я не знала, что Регина собирается...

Я поднимаю руку, чтобы заставить ее замолчать.

Мы проходим остаток пути в раздевалку в тишине.

* * *

Я стою у раковины, отрывая кусочки застывшей грязи и резинового покрытия от своих рук. В зеркале я вижу Трейси, которая топчется сзади меня, хочет помочь, но не хочет

приближаться к кровавым ранам. А еще вижу первый шкафчик, на котором писала Регина в декабре. Лак для ногтей оттерли, но средство, которое для этого использовали, осветлило металл, поэтому все еще можно прочесть: «Соси, тупая сучка 911». Думаю над этой иронией судьбы — все старания школы по оттиранию надписи сделали ее постоянной — когда Трейси говорит слова, означающие конец той дружбы, к которой мы привыкли.

— Мне пришлось сказать ей, Роуз. Она должна была знать правду о тебе и Джейми.

В этих двух предложениях столько неправильного, что я даже не знаю, с чего начать. Смотрю на нее в зеркало. Она кажется неуверенной в себе. Трейси не знает, что делать, когда все планы рушатся, а у меня есть сила, которая просыпается только, если я очень-очень разозлюсь. У меня в голове бушует буря, и я понимаю, что сейчас скажу то, что не говорила весь этот год.

— Ты никогда не знала правду обо мне и Джейми.

— Я знаю, что ты поцеловала его, — говорит Трейси.

— Это все, что ты знаешь.

Рот болит, и я сплевываю кровь в раковину, понимая, что прикусила щеку внутри, когда упала.

— Что Регина имела в виду, говоря «я предупреждала тебя»? — спрашивает Трейси.

— Она видела, как Джейми шел за мной на твоей вечеринке и встрече выпускников. Она сказала, что если еще раз увидит меня рядом с ним, она надерет мне зад и выкинет тебя из отряда. Тогда она и начала делать эти надписи.

— Регина сделала это? — она на самом деле выглядит удивленной, словно она не может представить как дорогая, милая Регина делала что-то ужасное.

Я включаю воду и наблюдаю, как кровь смывается.

— Я держала рот на замке для тебя, Трейси.

Это не совсем, правда. Я держала рот на замке из-за страха — страха перед Региной, страха перед тем, что Трейси предпочтет мне чирлидеров, страха перед ярлыком доносчицы, которая сама не может постоять за себя — но мне хочется, чтобы она поверила, что я делала это ради нее, и ей было так плохо, как только можно.

— Я держала рот на замке, чтобы ты осталась в своей дурацкой команде, которую ты так любишь, с этими ничтожными, странными девчонками. Ты слышала, что они мне кричали? Они упоминали моего папу, Трейси. Моего папу! Каким нужно быть человеком, чтобы так поступать? — отрывисто говорю я, от унижения в легких почти не остается воздуха.

Она не отвечает.

— Они тебе не подруги. Ни одна из них. Лена спит с твоим парнем, и все об этом знают уже несколько месяцев. Когда ты собираешься это понять? — У меня вдруг закружилась голова. Я хватаюсь за раковину и тяжело дышу, как будто у меня астма. Мир начинает терять свои краски.

Глаза Трейси наполняются слезами, но она хватается за плечи и разворачивает так, что мы больше не спорим друг с другом через зеркало. Я теряю равновесие и опираюсь на стену, чтобы устоять на ногах. Раздевалка начинает расплываться.

— А когда ты собираешься понять, что если бы ты держалась подальше от Джейми, все было бы хорошо? Я даже не понимаю, зачем он тебе вообще нужен! Он даже не умный. И он типа фрика и неудачника. Но ты, наверно, тоже, Роуз. Наверно, поэтому он тебе и нравится.

Это все. Наконец я узнала правду. Моя лучшая подруга всегда считала меня фриком и

неудачником, и она предпочла мне помпоны, потому что они круче.

Добро пожаловать в старшую школу, Роуз Царелли. Здесь выживает крутейший. А ты, со своими беговыми кроссовками, валторной, боязнью секса, исчезнувшей девственной плевой, странными паническими атаками и погибшим отцом, ты определенно не вписываешься в компанию.

Ну что ж, ладно. Так и быть.

Чертова крутизна.

— Думаешь, это я неудачница? Ты чирлидер! Ты тратишь все свое время, болея за других людей, вместо того, чтобы делать что-то самой. Какой в этом смысл, кроме ношения коротких юбок и чувства, что ты лучше всех?

Вполне возможно, что я слегка ударила ее — настолько ошеломленной она выглядит. Похоже, сегодня все изучают, из чего я сделана — включая меня.

— Я чирлидер, потому что мне нравится поддерживать людей, — говорит она ледяным голосом. — Вот в чем смысл чирлидерства. — Она смотрит в зеркало и промокает пальцем под глазами, чтобы тушь не побежала по лицу. Потом выпрямляется, расправляет плечи и поворачивается ко мне. — Наверно, тебе стоит иногда быть приветливой, Роуз. Это поможет тебе завести новых друзей, которые тебе понадобятся, особенно, если ты продолжишь целоваться с чужими парнями.

Она берет свои помпоны со скамейки и идет к двери, а у меня перед глазами плавают черно-белые узоры, и перехватывает горло. Я оседаю на пол и теряю сознание.

Просветление (сущ): осознание

(см. также: исполняется 15)

Теперь у меня репутация школьного агрессора. Спасибо YouTube-шпиону, который записал всю драку с Региной на камеру и выложил ее в Интернет.

Ну, по меньшей мере, Роберт сказал, что теперь меня считают агрессором. Понятия не имею, правда ли это. Я лежу, дома в кровати с мононуклеозом, и провела так же и прошлую неделю. А сегодня мой День Рождения.

Стоить, ли говорить, что я не устраиваю вечеринку с Мэттом. Но это было и ежу понятно с самого начала. И это мой второй испорченный День Рождения подряд. Но, эй, я хотя бы не в больнице.

После моей ссоры с Трейси тренер Морли обнаружила меня без сознания на полу в раздевалке и позвонила 911. Бобби Пассео, мой старый приятель, приехал за мной на той же самой машине, которая испортила все веселье на встрече выпускников, и я провела день в неотложке, где меня тыкали иголками и пинцетами отдирали грязь с рук и ног. Бобби оставался рядом, пока мама не приехала, а это произошло как раз, когда врач спрашивал меня, как давно у меня распухли железы так, что я едва могу повернуть голову.

— Я увидел эти болты Франкенштейна в ту же секунду, когда вошел в комнату, — сказал он маме, которая выглядела настолько пристыженной, что мне стало неловко за нее.

Доктор был удивлен, что мой анализ крови показал слабо выраженный мононуклеоз. После того, как Бобби сказал, что я была без сознания больше пяти минут, он подумал, что меня нужно положить в больницу. Я решила не рассказывать ему о том, что происходило за десять минут до моего обморока, который мог быть связан с моим желанием на некоторое время остаться в блаженном неведении.

Мама разволновалась — она почувствовала, что мой мононуклеоз объясняет мое нетипично жестокое нападение на соученицу. По крайней мере, она так сказала миссис Чен, которая позвонила, чтобы меня «проверить», или, скорее, чтобы рассказать маме о случившемся в школе. Пока они разговаривали, я представляла миссис Чен на другом конце провода в ее рождественской ленте с рогами.

Миссис Чен сказала, что в школе все по мне скучают и с нетерпением ждут моего возвращения, что показалось мне довольно забавным. Уверена, что их даже не волнует, где я, но часть меня не отказалась бы походить по коридорам старой доброй «Юнион Хай», наслаждаясь своей временной известностью на YouTube. Хотя к этому времени люди могли уже переключиться на что-то еще. Готова поспорить, что видео никто больше не выкладывает — кибершпионы миссис Чен отслеживают все действия на школьных компьютерах, и если ученики отправляют своим друзьям особую ссылку, используя свои электронные адреса школы, миссис Чен быстро это обнаруживает.

Раздается дверной звонок. Это Роберт. На этой неделе он заходит каждый день с домашним заданием, что действительно мило и удобно, учитывая, что теперь он мой единственный друг. За эту неделю мы говорили больше, чем за последние несколько месяцев — я даже рассказала ему о Регине — но он по-прежнему не упоминает Джейми. И я тоже.

Мама звонит мне, сказать, что пришел Роберт, и я делаю попытку придать себе более презентабельный вид, а это достаточно сложно, когда ты валяешься в кровати в спортивном костюме, с невымытыми волосами и огромными кровотокащими коростами на руках и ногах.

— Заходи, — говорю я, когда он стучит в дверь.

— Привет. Как поживаешь? — Он занимает свое обычное место на моем старом кресле-мешке и лезет в свой рюкзак за домашним заданием.

— Привет. Знаешь что? Думаю, я выйду в понедельник.

— Тебе везет. Когда у меня был моноклеоз, я пропустил целую вечность. Хватит ковырять, — говорит он, видя, как пальцы моей левой руки работают над правым предплечьем.

— У тебя был моноклеоз? Я думала, ты был в колонии для несовершеннолетних.

— Ха-ха, — холодно произносит Роберт. — Могу я тебе напомнить, что никогда не отбывал срок за свои мелкие правонарушения?

— Оо, «правонарушения». Звучит, как слово литературного английского, Роберт.

Он закатывает глаза и протягивает мне беспорядочную стопку папок с бумагами, торчащими из них в разные стороны. Начинаю их просматривать, потом передумываю и бросаю эту путаницу на пол.

— Я думала, у тебя сегодня репетиция.

— Генеральная репетиция сегодня вечером. Серьезно, хватит ковырять.

— Чешется.

— Так намажь чем-нибудь. У тебя есть, чем? Где оно?

Показываю на свой стол, и он берет мазь с ноутбука.

— И как проходят генеральные репетиции?

— Как правило, старшеклассники держатся чертовски далеко от Шекспира, — говорит он, протягивая мне тюбик. Когда я начинаю наносить мазь, ко мне приходит мысль, что Роберт — один из немногих, перед кем я могу это делать. — Но нужно признать, что все идет неплохо. Мег Беннет просто гениальна в роли Леди Макбет. Она даже вкладывает чувства, когда говорит.

— А ты кого опять играешь? — спрашиваю я, притворяясь, что не знаю, пока толстым слоем мажу коросты.

Он ухмыляется, театрально изображает глоток из воображаемой фляжки и говорит скрипучим старческим голосом:

— Привратника. — Привратник — это совсем небольшая роль в «Макбете», но он вносит смешные эпизоды в эту бесконечную трагедию, и все старожилы драматического кружка были нереально взбешены, когда роль получил Роберт. Но он ее заслужил — все больше недели говорили о том, как потрясающе он выступил на прослушивании, и Роберт на время стал героем новичков, отстояв честь всех девятиклассников.

— Ты придешь посмотреть?

— Если мама выпустит меня из постели на выходные. И если ты обещаешь мне, что я не увижу Трейси или еще кого-нибудь, кого мы знаем.

Роберт неловко ерзает в кресле. Когда он, наконец, успокаивается, он надувает щеки и медленно выпускает воздух с тяжелым вздохом. Он тянет время.

— Что? — спрашиваю я.

— Ничего.

— Нет, что-то.

— Да, ну ладно, что-то. — Он лезет в карман и вытаскивает полупустую пачку сигарет, не вполне осознавая, что делает. Убирает ее обратно, вздыхает и наклоняется вперед, насколько это возможно на кресле-мешке. — Ходит слух. Не знаю, правда ли это.

— Обо мне? — Я готовлюсь к худшему.

— На самом деле, первый на этой неделе не о тебе. О Трейси. Речь идет о том, что она, наконец, это сделала.

Если есть способ окончательно убедиться, что твоя лучшая подруга — больше не твоя лучшая подруга, то это — услышать от кого-то другого, что она лишилась девственности.

— Серьезно?

Роберт пожимает плечами.

— Так говорят. Извини, что пришлось услышать это от меня.

Не могу поверить, что она это сделала. Учтывая, что она знает о Лене. А может, она сделала это, потому что знает о Лене. И какая вероятность, что они пользовались презервативами? Явно не такая, как у того, что она просто пошла напролом и безрассудно занялась незащищенным сексом.

— А другой слух — что он бросил ее и теперь с Леной.

Меня начинает тошнить, и это не мононуклеоз. Теперь Трейси — всего лишь зарубка на выданном командой по плаванию ремне Тупого Парня, каким он и был все это время.

— Думаешь, это правда?

Роберт задирает голову и делает паузу для театрального эффекта.

— Может, тебе стоит позвонить ей и выяснить, — говорит он с наигранной невинностью.

Нет. Неа. Я не позвоню Трейси. После всего, что она мне сделала. Как мы можем теперь быть подругами? Она осталась в отряде, возможно, стала подлизываться к Регине, даже после моего рассказа о том, что Регина сделала. Теперь все по-другому. Теперь мы даже не в одной вселенной. Я качаю головой.

— Что еще происходит? — спрашиваю я.

— Это все, что ты скажешь о Трейси? — говорит он, разочарованно глядя на меня. Пожимаю плечами. — Она осталась тем же человеком, Розы. Не похоже, что взаимодействия с Мэттом превратили ее в кого-то нового.

— Мы с ней больше не разговариваем, Роберт.

— Потому что она сказала Регине, что ты целовалась с Форта?

Значит, он знает. Мы несколько секунд изумленно смотрим, друг на друга, будто играем в гляделки. Потом я медленно киваю.

Роберт вытягивается в кресле и закрывает дверь комнаты. Потом садится на стул у письменного стола и подкатывается на нем к моей кровати. Он откидывается назад и скрещивает руки.

— Скажи мне, что происходит с Джейми — правду.

— Я не знаю. Честно. Это... меня смущает.

— Он тогда так носился по стадиону, будто ты горишь или вроде того.

В глазах Роберта есть нечто, чего я никогда раньше не видела. Как будто он закрывается или отгораживается. У меня в животе завязывается узел — чувствую, что приближается что-то плохое. Теперь понимаю, что я жду этого с некоторого времени. Того, чего я заслуживаю, если быть с собой честной.

— Люди говорят, что он бабник. Но тебе он нравится. Я имею в виду, ты с ним целовалась. Как минимум один раз.

— Люди говорят, что он бабник?

— Да, ну, он встречается с тобой и Региной, разве нет? — говорит Роберт, разозленный моей реакцией. — Все думают, что ваша ссора из-за этого и была.

— Ссора была не из-за Джейми. А из-за того, что Регина сказала кое-что о моем папе и сделала все, что возможно, чтобы сделать мою жизнь в этом году несчастной.

— Она делала все это, потому что ты была с Джейми.

Снова начинаю ковырять раны, не в состоянии принять это или оспорить. На этот раз он не просит меня прекратить.

— Мне пора идти, Роуз.

— Ладно. Спасибо за домашнее задание.

Он качает головой.

— Нет, я имею в виду, я не хочу больше болтаться рядом с этим.

Я не понимаю его.

— Что?

— Просто, я серьезно думал в этом году, что ты будешь со мной. Но ты встретила его. А потом была встреча выпускников, и поэтому, я просто подумал, что... я буду твоим другом, но издалека. Пока...

— Пока... что?

— Пока ты не захочешь встречаться со мной.

Я отвожу от него взгляд прежде, чем успеваю себя остановить.

Роберт встает.

— Подожди...

— Слушай, если ты встречаешься с Форта, будь осторожна, ладно? Не думаю, что он такой классный парень, как ты думаешь. — Роберт вытаскивает из кармана сигареты и несколько раз хлопает пачкой по руке. — И мне, правда, очень жаль из-за встречи выпускников. Если бы я знал... Теперь это уже неважно. — Он наклоняется и целует меня в щеку. — С Днем Рождения, Розы Роуз.

— Я приду на твой спектакль в выходные, — говорю я, удивившись, что это прозвучало немного безнадежно.

Роберт кладет в рот незажженную сигарету.

— Круто. Но не нужно, — отвечает он и, не оглядываясь, выходит из моей комнаты.

Слушаю его шаги по лестнице, и мне хочется пойти за ним, но знаю, что не стоит. Роберт делает это обдуманно — идет дальше или отпускает или еще что-то — потому что думает, что я его не ценю.

Я смотрю на бархатный футляр на тумбочке, где лежит кулон с буквой «Р» — за который я почему-то так и не поблагодарила его, и который надевала всего один раз — и понимаю, что он прав.

Сначала Трейси, теперь Роберт. Разве кто-то еще может потерять двух ближайших друзей за одну неделю?

— Роуз, — зовет мама, стоя внизу лестницы. — Обед готов.

Последнее, чего мне хочется — попытаться начать разговор с мамой. Снова мы остались с ней вдвоем в мой День Рождения, уже второй год подряд. Вот так я теперь провожу свои Дни Рождения. Вытаскиваю себя из кровати и иду вниз.

На кухне выключен свет, а мама стоит у стола с огромным шоколадным тортом со свечками. Их пятнадцать, если быть точнее. По одному их виду я могу сказать, что это свечки-обманки, которые снова зажигаются после того, как их задует. Папа любил ставить такие свечи на торты и изображать удивление, когда они снова загорались, будто он понятия не имел, откуда они вообще взялись в торте.

Я ожидаю, что разозлюсь на нее из-за папиных свечек. Я жду, но этого не происходит. Оказывается, я даже думаю, что это мило — использовать их. Сюрприз, сюрприз.

— Праздничный торт на обед? — спрашиваю я.

— Если бы даже на его изготовление ушел год, он бы здесь был. С Днем Рождения, милая, — говорит она. — Загадай желание.

Я обычно нервничаю из-за желаний в День Рождения, ведь выбрать правильную вещь слишком тяжело. Ко мне в голову приходит слишком много желаний одновременно, я пытаюсь расставить их по значимости и решить, о чем будет умнее всего попросить, а потом впадаю в полный паралич. Но в этом году все по-другому. Я закрываю глаза, и в голову не приходит ничего, кроме очевидного. Но мне не три года, поэтому нет смысла желать, чтобы мой папа был жив. Вместо этого я делаю вид, что пожелала чего-то хорошего, и задуваю свечи. Мама включает свет и протягивает мне нож, чтобы отрезать первый кусок, который, по семейной традиции Царелли, обеспечивает исполнение моего праздничного желания.

— Я попросила Роберта остаться, но не думаю, что он меня услышал, — извиняющимся тоном говорит она, словно знает, что я буду разочарована, если на моем Дне Рождения не будет никого, кроме нее.

— Это нормально. Он злится на меня, как и все остальные в этом мире.

Возвращаю ей нож, и она отрезает два больших куска, размером с полноценный обед. Мы вместе садимся за кухонный стол и откусываем свои первые кусочки одновременно.

— Мм, мам, он потрясающий, — говорю я с набитым ртом. Моя мама готовит лучший в мире шоколадный торт.

— Я рада. — Она улыбается, довольная, и я понимаю, что не говорила ей ни единой приятной вещи с тех пор, как умер папа. Ни единой. — А почему Роберт злится? — деликатно спрашивает она, будто готовясь услышать, что это не ее дело.

— Он устал ждать, когда я захочу с ним встречаться, — отвечаю я.

— А он просто не для тебя, да? — Я качаю головой. — Есть кто-то еще? — спрашивает она.

По тому, как она смотрит на меня, я понимаю, что она уже знает ответ. Решаю сказать ей правду и сделать это официальным, наконец, сказав об этом вслух. Мне вдруг кажется странным, что я так долго живу с этим и до сих пор так не сделала.

— Мне нравится Джейми.

— Вы вместе?

— Нет. Он с этой чирлидершей, Региной.

— На которую ты набросилась?

Есть что-то забавное в том, что я слышу это от своей мамы, и я слегка ухмыляюсь. — Да. Это она.

— Роуз, ты знаешь, что это не смешно, да? Физическое нападение на другого человека — это не смешно, — говорит она. Если бы она говорила своим «терапевтическим» голосом, я бы сразу же встала и вышла. Но нет. Она говорит как обычная мама. — Что случилось, милая?

Не знаю, смогу ли объяснить все так, чтобы она поняла, но на этот раз собираюсь попробовать.

— Ну, Регина посмеялась над моей фотографией на похоронах, и она все время поедает меня взглядом, и... я не хотела больше ее игнорировать, мне захотелось обидеть ее. Когда я упала, как будто что-то щелкнуло, и я набросилась на нее. Я просто должна была это

сделать. — Я смотрю на маму, ожидая злого или разочарованного выражения на ее лице, но она выглядит расстроено, словно ей жаль меня. — Джейми был тем, кто помешал мне ударить ее по лицу. Если бы его там не оказалось, меня бы, наверно, сейчас отстранили от занятий.

Мама кивает.

— Миссис Чен так и сказала. Но она еще сказала, что рассматривались бы и твои смягчающие обстоятельства.

Интересно, как долго смерть папы будет считаться моим «смягчающим обстоятельством». Меня осеняет, что ему бы понравилось слово «смягчающий». «Возьми себе на заметку», — сказал бы он мне. Хорошее слово для экзаменов.

— Милая, я хочу поговорить с тобой о твоём гневе. — Она внимательно наблюдает за моей реакцией. — Я хочу поговорить о папе. Хорошо?

Мои глаза начинают наполняться слезами, но, тем не менее, я киваю.

— Ты так злишься все это время, — говорит она: — И мне интересно, понимаешь ли ты, почему. — Она ждет от меня ответа, но вместо этого я откусываю кусок торта. — Я думаю, ты злишься по той же причине, что и я. Потому что папы больше нет.

Не похоже, что это правильно — злиться на папу за то, что его убили, особенно после того, как я наехала на Питера за то, что он злится. Но это легко могло бы объяснить множество вещей.

— И я думаю, что ты злишься на меня тоже.

Насчет этого она тоже права.

— Когда миссис Чен рассказала мне о ссоре с Региной и о надписях, которые кто-то делал о тебе, я поняла, что меня не было рядом. Я думала, что даю тебе пространство, чтобы справиться с твоим горем, но на самом деле, мне самой нужно было пространство, чтобы справиться с моим. И я оставила тебя совсем одну. Я очень сожалею об этом.

Теперь слезы начали капать. Мама потянулась через стол и вытерла их с печальной улыбкой.

— Второе, что я должна тебе сказать — почему это случилось. Правда, в том, что я чувствую вину из-за смерти папы. Если бы я так сильно не переживала из-за денег после того, как он потерял работу, он бы никогда не пошел служить по контракту. И я думаю, что должна извиниться перед тобой за это тоже.

Сейчас я действительно сильно расплакалась. Она поднимается, встает сзади моего стула и обнимает меня.

— Я знаю, что тебе, возможно, тяжело это слышать. И сегодня мы не будем больше это обсуждать. Но я собираюсь начать с кем-то говорить об этом — с психологом — и я бы хотела, чтобы ты пошла к нему вместе со мной. Ты подумаешь над этим?

Меня бесит идея о посещении психотерапевта — как будто я одна из тех ненормальных детей, которых моя мама видит каждый день.

Но что, если я и есть одна из тех ненормальных детей?

— Да, — говорю я.

— Хорошо. Спасибо.

Звонит телефон на стене. Мама оглядывается, чтобы увидеть номер звонящего, продолжая меня обнимать.

— Это Питер, милая, наверно, звонит, чтобы тебя поздравить. Хочешь с ним поговорить?

— Попозже. — Я хлюпаю носом.

Я сижу, слушаю монотонный телефонный звонок и чувствую мамины объятия — впервые за долгое время. Могу сказать, что что-то изменилось, и это хорошо и плохо одновременно. Мы двигаемся дальше, и мама, и я, но чтобы двигаться дальше, мы должны оставить папу в прошлом. Но я ненавижу это. Я хочу впиться в землю и отказаться двигаться, но не могу. Я слишком устала бороться.

* * *

Когда у моих мамы и папы было первое свидание, он пригласил ее в Метрополитан Опера на «Богему», и она думала, что это самая романтическая вещь, которую кто-либо для нее делал. Это до сих пор ее любимая опера, и она хотела сходить на нее со мной, поэтому купила билеты на мой День Рождения. Честно говоря, я совсем не люблю оперу — когда они с папой слушали ее дома, я выходила из комнаты, потому что голоса сопрано всегда казались мне визгом — но я еще никогда не была в опере, а это может быть круто.

В субботу днем мы садимся в машину и едем в город. Чувствую себя виноватой, когда мы проезжаем «Юнион Хай» — я должна сегодня посмотреть на Роберта в «Макбете», если надеюсь когда-либо снова с ним поговорить. Но я счастлива, что у меня есть освобождение от школы до понедельника. И я все равно понятия не имею, что бы я ему сказала.

Через полтора часа мы едем через Верхний Вест-Сайд в сторону Линкольн-центра и Метта. Я разглядываю огромные многоэтажные дома и мне интересно, каково жить в Нью-Йорке. В нескольких кварталах я вижу все виды людей, которые только можно вообразить — всех возрастов, всех цветов, всех типажей. Вижу двух парней, которые держатся за руки и говорят со старушкой, гуляющей с пуделем. Вижу нескольких маленьких детей, гоняющих на самокатах по тротуару, пока их родители несут пакеты из продуктового магазина и стараются оградить их от группы подростков, которые толкают друг друга перед обувным магазином.

Вижу полицейских на углах улиц, толпы людей, поднимающиеся над землей и вытекающие из подземных переходов на тротуары, шаткие палатки, где продаются сотни ярких цветов в огромных белых ведрах, черный полиэтиленовый пакет, который ветром сдувает с мусорки и уносит на автобусную остановку, где стоит парень и чуть не пропускает автобус, который он ждал, потому что набирает смски как ненормальный с таким видом, словно его жизнь зависит от отправки этих сообщений.

И вдруг что-то в моей груди немного расслабляется, в первый раз с прошлого лета. Жизнь движется дальше за пределами Юнион. Там целый мир.

Ставим машину в многоэтажном гараже и переходим безумно оживленный перекресток, где сталкивается целая куча улиц, а такси мчатся на желтый свет на скорости около девяноста миль в час. И вот он — Линкольн-центр. Это комплекс из нескольких огромных зданий с красивым фонтаном во внутреннем дворе в центре. За фонтаном находится Метт, с хрустальными люстрами, которые видны через массивные окна, которые выглядят так, словно занимают десять этажей. Видно, как публика поднимается по роскошной лестнице, покрытой красным бархатом, и меня застаёт врасплох непривычное чувство искреннего восхищения. Мама улыбается, когда мы ускоряем шаг, проходя мимо фонтана — струи которого поднимаются до невозможности высоко в своем

отрежиссированном танце — и спешим добраться до наших мест, пока не началась опера.

— Сюда, сюда, — зовет швейцар, а сотни людей проталкиваются вперед. Мы протягиваем ему билеты, которые он считывает с помощью устройства, похожего на лучевую пушку, а затем мы устремляемся вверх по лестнице со всеми остальными. Я берусь за блестящие медные перила, когда мы проходим мимо этажа с рестораном, где публика заканчивает десерт и пьет кофе, словно у них полно времени, хоть даже и раздастся звонок, означающий, что представление скоро начнется. Некоторые невероятно вычурно наряжены — смокинги и вечерние платья, другие в джинсах. Мы с мамой где-то посередине.

Какая-то леди помогает нам найти наши места в переднем ряду балкона под названием Бельэтаж, и нам приходится протискиваться мимо женщины, закутанной в меховую шубу, она награждает нас раздраженным взглядом и не встает, чтобы дать нам пройти. Пытаюсь понять, в чем ее проблема, но едва мы садимся, свет начинает гаснуть, а хрустальные люстры, висящие по всему залу, медленно поднимаются к потолку, словно красивые снежинки в обратной перемотке. Одна из них движется совсем рядом со мной — я могла бы дотянуться и потрогать ее, если бы захотела, чтобы меня выгнали или, что более вероятно, арестовали. Открывается тяжелый занавес из золотистого бархата, оркестр начинает играть, а на сцене оказывается целая комната с двумя парнями в ней — один рисует, другой пишет. Глазам своим не верю.

Не то, чтобы я никогда не бывала в театре. На самом деле, я выросла, смотря все виды спектаклей со своей семьей. Но это огромнейшая сцена, которую я когда-либо видела — она выглядит так, будто способна вместить весь город. И потом так и оказывается. Второе действие происходит на улицах Парижа, где есть рынки, толпы людей, кафе и даже кони — настоящие кони на сцене везут экипажи, а люди вокруг них поют во весь голос.

Поют красиво — для меня это звучит совсем не так, как по радио или в наушниках дома. И в Мет есть небольшие экранчики перед каждым креслом, на которых пишут по-английски то, что певцы произносят по-итальянски, поэтому ты точно знаешь, что происходит. Оттуда я поняла, что эти творческие ребята живут в комнате на верхнем этаже и не могут заплатить за жилье. Сейчас канун Рождества, и они замерзли, но у них нет дров для растопки, поэтому, чтобы согреться, они начинают сжигать страницы произведения, которое написал Родольфо, писатель. Он не выглядит слишком расстроенным из-за этого, что смешит публику.

Когда художник идет в кафе выпить с друзьями и оставляет Родольфо заканчивать работу, в дверь стучит красивая девушка по имени Мими. С Мими что-то не так — она болеет, постоянно кашляет и у нее кружится голова. Однако Родольфо быстро в нее влюбляется. А потом Мими поет невероятно красивую песню — полагаю, это называется ария — о том, что ее зовут Мими, она зарабатывает на жизнь вышивкой цветов и ей жаль, что она его побеспокоила.

Пока я смотрю оперу, время летит так, будто его не существует. Во время второго антракта — после третьего действия, в котором на сцене идет настоящий снег — мама ведет меня в бар в фойе и заказывает один бокал шампанского на двоих. Она спрашивает, нравится ли мне опера, но я не могу подобрать слова, чтобы рассказать ей, что я чувствую, наблюдая за игрой этих исполнителей. У них настолько разные голоса, но все они такие сильные, такие мощные. И они действительно играют — а не просто стоят и поют перед публикой, как мне всегда казалось, когда я видела оперу по телевизору.

Раздается звонок перед последним действием. За занавесом снова оказывается комната,

и по какой-то причине я понимаю, что дела пойдут совсем нехорошо — творческим ребятам было настолько весело, что должно случиться что-то плохое. В тот момент, когда парни бегают по комнате, притворяясь, будто сражаются на мечах, появляется подруга Мими и говорит, что Мими слишком больна, чтобы подняться. Они помогают ей зайти в комнату, укладывают ее на кровать. Они выходят на улицу и продают дорогие для них вещи, чтобы вызвать доктора и купить лекарство. Но я понимаю, что это уже не потребуется, и я права — Мими умирает прямо на сцене.

Никто не замечает, когда она умирает — ее рука просто соскальзывает с кровати на пол, и зрители понимают, что она умерла, еще до того, как это понимают ее друзья. Весь зал хлопает носами и вытирает слезы, включая и маму, и меня. Бедняжка Мими — она была слишком бедна и слишком больна, и даже любовь не спасла ее. Когда Родольфо обнаруживает, что она мертва, он долго-долго плачет, падает на ее тело, сжимает ее руками и всхлипывает, словно не может больше выдержать ни минуты. Я не могу оторвать от него взгляд, и когда занавес начинает опускаться, мне хочется встать и заявить, что мне нужно знать, что будет дальше. Как Родольфо будет жить без Мими? Что он будет делать? Продолжит ли он писать? Будет ли он писать только о Мими всю оставшуюся жизнь, или наоборот, никогда больше не сможет написать ее имя?

Пока мы едем домой, я пытаюсь разгадать смысл этой оперы. Думаю, есть два способа понять ее, в зависимости от вашего взгляда на жизнь. Если вы циник и думаете, что жизнь — дерьмо, тогда смысл в том, что любви и дружбы недостаточно, время решает все, и ничто вас не спасет. А если вы оптимист и думаете, что жизнь в целом хороша, тогда смысл в том, что Мими очень повезло, и она нашла любовь до того, как умерла, ведь любовь, дружба и забота друг о друге — это все, что мы имеем в конце.

Я могу ее рассматривать с обеих точек зрения. И я вижу, что обе могут быть правильными одновременно. А это, я думаю, значит, что «Богема» — гениальная вещь.

Моменты оперы засели у меня в голове — обшарпанная, но счастливая, комната; друзья, вместе бегущие по улицам со смехом; снег, падающий на Париж; то, как рука Мими бесшумно упала с кровати на пол и дала понять, что она умерла. Я все еще слышу, как она поет ту арию, и глаза наполняются слезами. Я украдкой смотрю на маму, чтобы понять, не заметила ли она, но ее взгляд прикован к дороге, и она за миллион миль отсюда — возможно, вернулась в свое первое свидание в опере с папой.

Когда я отворачиваюсь, чтобы скрыть движение, которым я вытираю слезы, у меня появляется очень странная мысль: могу ли я играть? Могу ли петь или выступать на сцене, вызывая у людей чувства? На что это похоже — создавать кого-то другого? Становиться кем-то другим на время? Это способ узнать, кто ты есть на самом деле, или способ уйти от себя?

Моя первая мысль — позвонить Роберту и сказать, что начинаю понимать, почему он играет в театре. Вторая мысль — Роберт — уже не мой друг, каким он всегда был, и мне, возможно, стоит оставить его в покое.

Мы возвращаемся домой довольно поздно, я иду в свою комнату, залезаю в постель, но не могу заснуть. У меня в ушах до сих пор звучит опера, словно я включила проигрыватель. Бросаю попытки заснуть, встаю и открываю ноутбук, чтобы зайти в Интернет и узнать, когда будут следующие актерские прослушивания в Юнион. Компьютер загружается, и на нем оказывается папин мемориальный сайт — должно быть, я забыла закрыть его в последний раз, когда над ним работала.

Сайт еще не работает, потому что я до сих пор не попросила маму купить мне доменное

имя. Вообще, это не совсем правда — сайт еще не работает, потому что я не попросила маму, потому что я так и не выбрала фото. Мой курсор подплывает к папке с фотографиями, колеблется около секунды, а потом я нажимаю на нее. Папка открывается, и я выбираю «слайдшоу». Появляется папа с широкой улыбкой, глаза скрыты солнечными очками-авиаторами, которые слишком круто на нем смотрелись, чтобы их снимать. Это фото исчезает и сменяется другим — он на заднем дворе, вспотевший, копает яму для саженца, который стоит рядом в ведре. Фото исчезает и сменяется еще одним, и еще одним.

Не помню, что я видела последнюю фотографию в слайдшоу, хотя помню, как ее делала. В тот день, когда он уехал. Он стоит около машины, которая ждет, чтобы отвезти его в аэропорт, с сумками у ног, и он наклонился, притягивая к себе маму и обнимая ее. Ее лица не видно, но видно его, и он не улыбается.

Неудивительно, что мама чувствует себя виноватой. Под храбрым выражением лица папы скрывается печаль и беспокойство. И страх.

Я перетаскиваю фотографию в пустое место на шаблоне, заменяя веселое фото, где он угрожающе смотрит из-за кофейной кружки, и увеличиваю ее. На более крупном изображении я вижу, что мама бежит к нему, бежит в его объятия. То, как она вытягивает руки, заставляет меня думать, что она собирается не просто обнять его, а удержать навсегда, прекратить план, который уже приведен в действие, и увести его обратно в дом, чтобы он посадил больше деревьев во дворе и пил больше кофе по утрам.

В первый раз после смерти папы я задумываюсь, почему мы с Питером никогда не говорили родителям, что их план кажется нам плохим.

Делает ли это нас ответственными за то, что произошло?

Просто чтобы узнать, как это будет выглядеть, я печатаю в пустом прямоугольнике под фотографией: «Папа отправляется в Ирак».

И стираю в тот же момент, когда закончила печатать.

Курсор продолжает мигать, ожидая от меня другой подписи. Но, по правде говоря, другой подписи для этого фото нет.

Я закрываю ноутбук и ложусь в кровать, усталость берет верх надо мной, и я говорю себе, что время есть, не нужно спешить запустить сайт, я не должна доделывать его прямо сейчас. Позже я вижу во сне красивую квартиру в Париже, где мы с мамой и братом смеемся, едим вкуснейшую еду и отпиваем шампанское из хрустальных бокалов, а папа лежит на кровати в углу с закрытыми глазами, а его рука бесшумно соскальзывает на пол.

освободиться (глагол): отпустить
(см. также: разрывать отношения)

Тренер Морли все еще пытается заставить меня признаться, что Регина — преследователь с лаком для ногтей, но я не хочу. Если я расскажу тренеру Морли, она расскажет миссис Чен. И я поняла, что эта информация для меня полезнее, если я держу ее при себе. Регина знает, что я больше ее не боюсь, и теперь я могу устроить ей большие проблемы, когда захочу.

Когда я валялась дома в постели и болела, повтор «Сплетницы» научил меня одному или двум способам, как удержать что-то вне понимания другого человека. Информация — это власть, и я хочу держаться за нее так долго, как только смогу.

С тех пор, как я вернулась в школу, меня поддерживают три вещи: мое небольшое преимущество перед Региной, музыка из «Богемы», которая постоянно крутится в голове, и художественный кружок. Я хотела выбрать искусство в качестве факультатива на второе полугодие, но так сделали абсолютно все в этом мире, и я передумала. Поэтому, когда я вернулась в школу, я решила попробовать записаться во внеклассный художественный кружок.

Я думала о прослушивании для вокального кружка, но прослушивания для хора и группы, а капелла прошли несколько недель назад. Ну и отлично — я еще не вполне готова узнать, умею ли я петь. Это может стать крахом для меня — узнать, что не умею. Поэтому я пока лучше буду воображать, что умею, периодически представляя себя поющей в роли Мими и чувствуя себя глупо, но и возбужденно, словно мне теперь есть что предвкушать.

Посещение того, что кончается на «кружок» и проходит после школы, гарантирует тебе ярлык отсталого, но, к счастью, никого больше не волнуют мои ярлыки. На время я, вроде бы, стала крутой из-за видео на YouTube, но когда пошел слух, что Ричи Гамильтона арестовали в городском клубе, и он, возможно, лишился своей футбольной стипендии в штате Огайо, я вновь погрузилась во мрак неизвестности.

Во мраке есть какой-то комфорт. Это приятное облегчение — пытаться пролезть в мир, в который не имеешь права пролезать.

В искусствах я ужасна. Я не умею чертить, не умею рисовать, не умею лепить. Но мне это нравится. И я обожаю художественную мастерскую. Она напоминает мне начальную школу, с работами учеников, развешанными на стенах. Мисс Ботеро, преподаватель, вешает работы ребят рядом с картинами известных художников. Если чей-то рисунок напоминает ей определенную картину Пикассо, она находит постер с этой картиной и помещает рядом с рисунком. И в девяти случаях из десяти я могу ясно увидеть, почему она подумала, что эти два изображения должны быть рядом.

Пребывание рядом со всем этим искусством и рядом с ней успокаивает мой мозг. Пока дверь в мастерскую не открывается и не входит Джейми.

Мисс Ботеро поднимает голову и приветствует Джейми так, словно она каждый день его здесь видит, что не может быть правдой, потому что я понятия не имела, что он ходит в художественный кружок. Но я помню тот день в начале года, на уроке самоподготовки, когда он рисовал дом. Джейми — по-настоящему хороший художник, не то, что я. Именно поэтому, когда он хватает свои вещи с полки в конце комнаты и садится прямо рядом со мной, я чувствую себя немного испуганно, если не считать всего остального, что я чувствую, когда нахожусь рядом с Джейми.

Например, мне горячо. В буквальном смысле. Не в том, в котором это слово употребляют, когда говорят о страсти. Как будто кто-то включил подогрев до тысячи градусов, и я сейчас растаю, и все лицо горит. Но, если подумать, возможно, люди как раз это и имеют в виду, когда говорят «горячо» в другом смысле.

Мисс Ботеро подходит к нашему столу с книгами в руках.

— Джейми, я рада, что ты вернулся. Я взяла их для тебя из библиотеки. — Она с грохотом опускает книги на стол. — Это книга о Фрэнке Гери, а это — о Захе Хадид. Книги о Калатраве не было, но я попросила библиотекаря дать мне знать, когда ее вернут.

— Спасибо, — говорит Джейми. Он выглядит немного ошеломленным количеством книг перед ним. Мисс Ботеро улыбается, и я понимаю, что никогда не видела взрослых, которые хорошо относятся к Джейми, кроме моей мамы. Мисс Ботеро относится к нему как к нормальному человеку, личности с амбициями и будущим.

Она заглядывает в мой лист. Я рисую один и тот же цветочек снова и снова, как будто создаю обои или что-то вроде того. Но на самом деле, я просто пытаюсь правильно его нарисовать.

— Неплохо, Роуз. Мне нравятся повторяющиеся узоры. Интересуешься текстильным дизайном?

Я киваю, даже не представляя, что такое текстильный дизайн. Она отворачивается, чтобы помочь сидящим за соседним столом. Здесь тихо — никто не разговаривает во время работы — но я должна сказать кое-что Джейми Форту.

— Ты спас меня от исключения, — шепчу я. — Спасибо.

— Так ты драчунья, да? — говорит Джейми.

— Нет. Правда, нет. Я просто разозлилась. — Не знаю, насколько Джейми уже осведомлен о том, что произошло, и думаю, должна ли я просто оставить его в покое. Но я не могу, чего и следовало ожидать. — Мы с Трейси поссорились. Я не рассказала ей, что ты... что мы... ну, про те два раза, но она догадалась, что между нами что-то было. И она захотела мне отомстить за то, что я сказала, что Мэтт спит с Леной. Поэтому она все рассказала Регине. Извини. Надеюсь, у тебя не было проблем.

Он смотрит на мои руки, на гигантские раны, которые, наконец, начали заживать после того дня, когда я пролетела по дорожке.

— Она заслужила пинка под зад, — говорит он.

Меня переполняет облегчение.

— На самом деле, я не жестокий человек по характеру. По крайней мере, я так думаю.

— Я слышал, ты упала в обморок и тебя увезли в больницу.

— Мононуклеоз, — говорю я. — Мне уже лучше.

Джейми кивает и берет первую книгу из стопки, которую принесла мисс Ботеро. Я чувствую его запах чистоты и прачечной. Солнечные лучи через окна мастерской падают на его шею и лицо, и мне хочется провести по ним пальцем. Потом я вспоминаю, что я ему не интересна. Что он извинился после того, как меня поцеловал.

Возвращаюсь к своему листу.

— Ты любишь архитектуру? — спрашивает он, не глядя на меня.

— Я немного о ней знаю. А ты любишь? — говорю я, даже более удивленно, чем есть на самом деле.

Он пожимает плечами.

— Мисс Ботеро хочет, чтобы я их просмотрел.

Он листает книгу, которая наполнена изображениями безумных конструкций из блестящего металла, которые даже не похожи на здания и называются «Танцующий дом» или вроде этого. Мисс Ботеро включает какой-то джаз, чтобы вдохновить нас, пока мы работаем. Она делает чуть громче, чем следует, и из-за этого она нравится мне еще сильнее.

— Посмотри на это, — говорю я, показывая на здание, которое выглядит так, словно может слететь со страницы. Он некоторое время разглядывает его, а потом смотрит на мой лист. Не могу удержаться, чтобы не прикрыть его пораненной рукой.

— Это просто цветочек, снова и снова. Ничего хорошего.

— Я его уже видел. Хороший.

— Нет.

— Ты сильно принижаешь себя, ты знаешь это?

Когда он говорит подобные вещи, обо мне, я чувствую себя голой. Его способность видеть все в реальном свете сейчас немного меня бесит, учитывая наше странное положение. Он не хочет быть со мной, поэтому он не должен говорить такие вещи. Я меняю тему:

— Над чем ты работаешь?

Джейми медлит, и мне становится интересно, стесняется ли он своей работы. Но потом он открывает свой альбом и начинает демонстрировать мне свои дома. Они не похожи на тот, который я тогда видела, миллион лет назад. Некоторые — современные, как те постройки, которые мы видели в книге. Они красивые и необыкновенные. Глядя на них, я чувствую себя странно, пока не понимаю, что ощущаю гордость. Я горжусь, что Джейми может это делать.

— Джейми, все очень красивое.

Он не сводит пристальный взгляд от листа, не осознавая, что я говорю. Но мне нужно... мне нужно убедиться, что он меня услышал.

— Ты можешь создавать красоту. Знаешь, не каждый может.

Мои слова не вызывают желаемого эффекта. Он смотрит на меня, словно я вдруг заговорила на иностранном языке и поставила его в неудобное положение. Догадываюсь, что Джейми не получает комплименты на регулярной основе, потому что он понятия не имеет, как на них реагировать. Он опускает свой карандаш.

— Чего ты хочешь? — говорит он, практически со злостью.

— Чего я... что ты имеешь в виду? — бормочу я, хотя я точно знаю, что он имеет в виду.

— От меня, — поясняет он, строго глядя на меня, будто он мне не доверяет.

Это моя возможность рассказать ему, как много я думала о наших поцелуях, и как я хочу поцеловать его снова. Но я полагаю, есть правильный ответ на его вопрос, и рассказ о том, что я хочу его поцеловать — это явно не он. У меня пересыхает во рту, и я глотаю слюну.

— Ну, я... я не уверена, — говорю я, чтобы остаться в безопасности.

Он разглядывает меня еще секунду, а потом опять берет свой карандаш. Я смотрю вниз, на свой дурацкий рисунок одного и того же цветка, проклиная себя и желая, чтобы я хоть раз в жизни смогла правильно сказать правильные слова.

Я жду, что он начнет рисовать, но он лишь пристально смотрит на чистый лист. У меня все перепуталось в голове, а по спине текут реки пота. Моя рубашка прилипла к телу.

— Ты мне нравишься, — говорит он. — Ты умная. Симпатичная. — В горле перехватывает дыхание. Меня еще никто не называл симпатичной, за исключением папы, а это не считается, как бы мне этого не хотелось. — Я не подхожу тебе, Роуз, — наконец вырывается у Джейми. — Я другой. И ты... маленькая, — добавляет он.

Он сказал это без издевки и без снисхождения, но это смутило меня. А когда я смущаюсь, я опасна — раздражаюсь длинной тирадой и говорю то, что не имею в виду. Конечно, именно это и происходит.

— Ты хочешь сказать, слишком маленькая, чтобы делать это с тобой?

Какую-то секунду мы оба в шоке, после чего Джейми встает, оставляет свой альбом и книги на столе, и выходит из комнаты, до того, как я понимаю, что происходит. Мисс Ботеро смущенно смотрит на дверь, затем переводит взгляд на меня. На миг меня парализует, потом мой мозг распутывается и приказывает мне поднять свой зад. Я выбегаю в коридор. Он уже на другом его конце, идет к лестнице.

— Джейми, подожди! — Он не останавливается. Я мчусь, наконец, догоняя его около его шкафчика. Не могу отдышаться. — Извини, — умудряюсь сказать я.

Его глаза темнеют, когда он смотрит на меня.

— Думаешь, я это имел в виду? Думаешь, я такой?

— Нет. Я так не думаю. Я просто... Я ничего не понимаю.

Он отворачивается от меня и открывает шкафчик. На внутренней стороне дверцы нет ничего — ни картинок, ни надписей, ничего. Он хватает свою камуфляжную куртку.

Я понижаю голос.

— Ты поцеловал меня на встрече выпускников, — начинаю я. Потом останавливаюсь. Потом начинаю снова. — Потом я поцеловала тебя в День святого Валентина, но ты сказал, что я не должна была...

— Я не это сказал.

— Это.

— Нет. Я сказал, что я не должен был тебя целовать.

— Какая разница?

— Это на мне — это моя вина.

— Почему, Джейми?

— Я сказал — много причин. Я был не свободен. У меня проблемы. И тебе четырнадцать...

— Пятнадцать, — раздается голос позади нас. Я смотрю через его плечо и вижу Регину в чирлидерской форме. Интересно, как долго она здесь стоит, что она слышала, и откуда, черт возьми, она узнала про мой День Рождения. — Ей только исполнилось пятнадцать.

Джейми разворачивается и встает передо мной. Я делаю шаг в сторону, чтобы видеть ее — насколько мне известно, меня больше не нужно защищать от Регины Деладдо — но она даже не смотрит на меня. Ее взгляд прикован к нему.

— Я ждала тебя в «Cavallo's», — говорит она.

— Я сказал, что меня там не будет.

— Я тебе не поверила.

— Готов поспорить, что теперь веришь, — говорит он. Я удивлена тем, как грубо это прозвучало — никогда раньше не слышала, чтобы он разговаривал таким тоном. Она переводит взгляд на меня, принимая меня во внимание. Я жду стервозного комментария, но она просто смотрит на Джейми.

— Извини, — говорит она. Звучит так, словно ей это дорогого стоит.

— Роуз это скажи, а не мне, — отвечает Джейми.

Я знаю, что она ни в коем случае не сделает то, что он просит — наверно, это физически невозможно для нее.

— Что с выпускным? — Ее голос дрожит.

— А что с ним?

Она сжимает зубы. Если бы я так хорошо ее не знала, подумала бы, что она сейчас заплачет.

— Мы идем? — спрашивает она, старательно произнося каждое слово со стиснутыми зубами, стараясь держать их вместе.

— А ты как думаешь?

У нее вырывается громкий вздох, будто ее ударили в живот.

— Ты пойдешь с ней?

— Я не знаю. Хочешь пойти со мной на бал, Роуз? — спрашивает он, не отрывая сердитого взгляда от Регины.

Вот оно — это расплата, о которой я мечтала месяцами, за все, что Регина мне сделала. Но я не могу ею насладиться, и не важно, как сильно мне этого хочется. Прежде всего, он спросил меня, чтобы разозлить ее — возможно, ему никогда бы это не пришло в голову, если бы она не подсказала. Однако Джейми уничтожает Регину, разбивает ее маленькое измученное сердечко прямо передо мной, человеком, которого она сейчас ненавидит больше, чем кого-либо во всем мире. Ей не позавидуешь. Когда Регина поворачивается и идет к лестнице, не дожидаясь моего ответа, я понимаю, что мне ее жаль.

Я готова себя ударить. Как я могу быть такой тупой? Я ни за что не переживу старшую школу, если я даже не могу быть счастлива, когда мои враги получают по заслугам.

Регина останавливается на верхней лестничной площадке и смотрит на нас сверху вниз, в ее глазах снова пылает ненависть, и жалость улетучивается, словно ее никогда и не было. Так же, как и прилив храбрости, который у меня был, когда я впервые ее там увидела.

— После всего, что моя семья, и я сделали для тебя, Форта, ты будешь сожалеть об этом, — говорит она.

Регина исчезает в темноте лестничных пролетов, а у меня по позвоночнику бегут легкие мурашки — я не понаслышке знаю, на какую месть она способна, если приложит к этому усилия. Джейми резко захлопывает свой шкафчик, с таким громким грохотом, что он эхом отдается в пустых коридорах. Он уходит, не удостоив меня ни единым словом.

Я понятия не имею, что только что произошло, но, думаю, что возможно: а) Джейми и Регина официально расстались и б) я могу пойти на бал.

Мстительный (прил): ищущий возмездия
(см. также: месть Регины)

— Привет, Роуз, я Шерри. Мы сегодня укладываем их наверх или вниз? — спрашивает парикмахер, перебирая пряди моих волос, и, возможно, раздумывает — как, черт возьми, она будет что-то делать с этой жухлой, отстойной шпуклой у меня на голове.

Никогда не была одной из тех девочек, которые предаются фантазиям о выпускном бале — думаю, это те же девочки, которые мечтают о своей свадьбе — но, признаю, что сегодня я взволнована. У меня красивое платье, и я пришла в салон делать прическу и макияж. Проще говоря, я не хочу повторять свои глупые ошибки в плане внешности, которые я сделала на встрече выпускников.

— Думаю, я бы хотела поднять их наверх в укладку или вроде того. С моими волосами можно это сделать?

— Конечно, можно! Мы можем заставить твои прекрасные волосы делать все, что мы захотим. В этом вся прелесть материала. — Она берет бутылочку с пульверизатором. — Это просто вода. Я намочу волосы, чтобы мы могли нанести на них серьезное средство, хорошо?

Я киваю, и она брызгает, делая меня похожей на утонувшую крысу.

— Ты выпускница?

— В девятом классе.

— Ого! Ты в девятом классе и пойдешь на выпускной со всеми старшеклассниками? Здорово! Поздравляю! И кто этот счастливец?

— Мм, он мой друг... я думаю, — говорю я.

— Оо, обожаю такое. Обожаю, когда точно не знаешь. Это так волнительно, правда?

Мне нравится позитивный взгляд Шерри на вещи. Но, честно говоря, понятия не имею, кто я для Джейми — разве что отличный способ позлить Регину.

Шерри выдавливает на руку огромное количество мусса и начинает втирать его в мои волосы. Теперь я похожа на утонувшую водяную крысу с кремом для бритья на голове.

— Знаешь, моя младшая сестра как раз учится в выпускном классе в Юнион. Мишель Виченца. Ты с ней знакома? — спрашивает Шерри.

— Мишель — ваша сестра?

Она с улыбкой кивает.

— Да. Даже не верится, что она выпускница.

Если Шерри — сестра Мишель, значит, Мишель делает у нее прически. А если Мишель делает у нее прически, значит, весь «отряд», возможно, тоже. У меня начинается легкая паника, и я сканирую салон на предмет аварийных выходов, снова прокручивая в голове угрозу Регины. Напоминаю себе, что я могу с ней справиться — в конце концов, я набросилась на нее и собиралась ударить.

— Так ты знакома с Мишель? — снова спрашивает Шерри.

— Она дружила с моим братом, пока он учился, а моя лучшая подруга — то есть, девочка, которая была моей лучшей подругой — в одной команде чирлидеров с ней, — говорю я, отмечая, что Шерри действительно сильно похожа на Мишель, только у нее пышные светлые волосы.

— Похоже, там есть какая-то история, — говорит Шерри, включая фен и спасая меня от необходимости говорить что-либо еще. Она сушит мои волосы, расчесывая их и поднимая вертикально. Я вижу в зеркале, как мои гладкие волосы становятся невероятно объемными,

и мне интересно, закончится ли это огромным птичьим гнездом у меня на голове. Наверно, это не такая уж хорошая идея — доверить свою прическу для выпускного сестре главной чирлидерши.

Дверь салона открывается, и происходит неизбежное. Мои ладони становятся потными, когда входят Мишель, Регина и Сьюзан. Мишель подбегает и целует сестру в щеку. Вижу в зеркале, что она мне машет, но она не такая жизнерадостная, как обычно. Она стоит и смотрит то на меня, то на Шерри, словно ждет, когда Шерри выключит фен, чтобы она могла что-то сказать, но Сьюзан отводит ее в сторону. Я не свожу взгляд с Регины на случай, если она решит пристать ко мне, но она даже не смотрит в мою сторону. Чирлидерши садятся около стойки ресепшн и начинают листать журналы с прическами, выискивая начесы, которые они так любят.

Я слышала, что Регина сегодня идет на бал с Энтони Паррина. Это тот хоккеист из «Вест Юнион», которого Джейми ударил клюшкой по шее, и за это его выгнали из команды. Похоже, она пытается заставить Джейми ревновать. А может, она надеется, что Энтони постарается наподдать Джейми.

Шерри выключает фен, и начинает острым концом расчески взбивать мои волосы в огромный шар. Понятия не имею, зачем она это делает. Подходит другой парикмахер и уводит Сьюзан и Мишель в дальнюю комнату, чтобы вымыть голову, но Регина остается. Она продолжает листать свой журнал.

— Я сейчас немного побрызгаю, хорошо? — Очевидно, для Шерри «немного побрызгаю» значит совсем не то, что для других людей. Она выливает мне на голову почти всю банку.

А потом, чудесным образом, она берет огромный шар липких спутанных волос и за тридцать секунд превращает его в красивый овальный пучок. Я вдруг становлюсь совсем другим человеком. Она открывает ящик маленького столика рядом со мной и вытаскивает кусок белого картона с крошечными стразами на нем.

— Давай немного украсим твои волосы. Я их обожаю, — говорит она, приклеивая их. Я поворачиваю голову, и стразы переливаются, когда на них падает свет. Симпатично. И я симпатичная. Я едва узнаю сама себя.

У Регины звонит телефон, и я не могу удержаться, чтобы не посмотреть на нее. Она встречается со мной взглядом за секунду до того, как вытаскивает из сумки телефон и выходит на улицу, чтобы ответить.

— Что думаешь, Роуз? — спрашивает Шерри, поворачивая мое кресло и протягивая мне зеркало, чтобы я увидела пучок сзади.

— Красиво смотрится. Даже не думала, что из моих волос можно это сделать, — говорю я. — Спасибо большое.

— Всегда, пожалуйста! Ты должна отлично провести время сегодня, хорошо? — Она улыбается фирменной улыбкой Виченца и уходит к Мишель и Сьюзан. Регина возвращается и садится рядом со стойкой ресепшен, со странным выражением лица, которое я не могу понять, но оно уже меня нервирует.

Я роюсь в карманах и вытаскиваю деньги, оставляя чаевые на столе Шерри. Теперь я должна заплатить, а это значит — пойти на ресепшен. Я впиваюсь взглядом в стойку и иду прямо туда, не смотря по сторонам. Краем глаза вижу, что Регина смотрит на меня, но не поворачиваю голову. Надеюсь, ее пригласят в салон до того, как мне придется повернуться, но этого не происходит.

— Неплохая прическа, — говорит она.

Она иронизирует, конечно. Я отдаю деньги администратору и иду мимо неё к двери.

— Все же, это пустая трата времени.

Внезапно рядом появляется Мишель в одной из черных полиэтиленовых салонных накидок, с мокрыми вытянутыми волосами. Понятия не имею, что имеет в виду Регина и зачем прибежала Мишель.

— Регина. Не надо.

Регина поворачивается к ней с этим странным выражением на лице. Словно она взволнована, но на самом деле счастлива.

— Оставь Роуз в покое, — говорит Мишель.

— Я просто собиралась сказать ей.

— Просто прекрати!

— Сказать мне что? — спрашиваю я, а у меня по голове начинают ползти панические мурашки.

— Позвони Джейми, хорошо Роуз?

— Что произошло? — спрашиваю я. — Он в порядке?

— Просто позвони ему, — говорит Мишель, когда берет Регину за руку.

— Ты его не получишь, — говорит Регина: — Но не переживай. Ты всегда можешь продать свое платье на eBay. Хотя, если оно такое же уродливое, как было на встрече выпускников... — Регина выплевывает слова с грубым смехом, а Мишель тянет ее обратно в салон.

— Прости, Роуз, — говорит Мишель. — Я не знала. Клянусь.

* * *

Телефон Джейми отправляет сразу на голосовую почту каждый раз, когда я звоню.

Он игнорирует меня? Он злится на меня? Ранен? В больнице? Умер?

Я изо всех сил стараюсь оставаться спокойной, дышать и не давать разуму представлять самый плохой сценарий. Это не так просто — в прошлом году вся моя жизнь состояла из самых плохих сценариев.

Я слышу как мама копается в шкафу в моей комнате, ища цифровую камеру, чтобы сфотографировать меня, пока будет читать лекцию о том, что я должна приехать домой сразу после танцев или я никогда снова не выйду из дома.

Я знаю, что ей не нужна камера или лекция.

Сейчас 6:45. Джейми должен забрать меня в 7:00. У меня сделаны прическа и макияж, но я все еще в обрезанных джинсах и одной из папиных рубашек. Синее платье-футляр лежит на кровати, а туфли на супер-высоких каблуках — в коробке. Я не могу заставить себя переодеться, потому что знаю, что это бессмысленно.

Когда в 6:55 я слышу, как кто-то подъезжает к дому, часть меня хочет помчаться вниз, а другая часть — спрятаться под кроватью. Решаю подойти к входной двери, как сделал бы нормальный человек. Мама кричит откуда-то со второго этажа, что она до сих пор ищет камеру, спустится через минуту, и пока она не придет, я не должна никуда уходить. Я открываю дверь и вижу Энджелю, выходящего из машины.

Он поднимает руку для приветствия, но не улыбается, и в этот момент я четко понимаю,

что случилось что-то плохое. Энджело всегда улыбается, даже когда не надо, и, возможно из-за этого, он все время попадает в неприятности. Меня вдруг начинает тошнить.

Я встречаю его на тротуаре перед домом и понимаю, что он одет в смокинг, который ему немного маловат.

— Выглядишь очень хорошо, Энджело, — говорю я, специально не спрашивая то, что должна спросить.

— Спасибо, Свитер. Знаешь, ты сама выглядишь очень симпатично. Хорошо привела себя в порядок.

Я смотрю на свои обрезанные джинсы и рубашку, в которой я ходила в салон. Трейси научила меня этому приему — надевать в салон рубашку на пуговицах, чтобы не пришлось, потом снимать одежду через голову, боясь при этом повредить прическу.

Я все еще смотрю на свою рубашку. Я не могу заставить себя посмотреть на Энджело.

— Джейми не приедет, Роуз.

Я киваю, внушая себе не плакать. Энджело не любит когда девушки плачут.

— Что случилось? — спрашиваю я. — Он изменил свое мнение?

— Нет, все не так. Он был бы здесь, если бы мог. Но он в тюрьме.

Я не могу переварить то, что Энджело говорит мне.

— Он в тюрьме, — повторяю я, словно попугай.

— Регина его посадила за то, что он покупал с поддельным паспортом. — Я тупо смотрю на Энджело. — Я думаю, хм, Регина подговорила Мишель, чтобы она попросила Джейми закупиться для сегодняшней вечеринки, и он согласился, потому что Мишель попросила, а не Регина. А потом эта стерва вызвала копов и сказала им взять его прямо в магазине.

— И они посадили его в тюрьму?

— Да. Поддельный паспорт и покупка алкоголя для несовершеннолетних. Его папа сказал своим приятелям-копам, чтобы обращались с ним жестко, и что он не собирается вытаскивать Джейми оттуда до завтра. Он просто идиот, который готов оставить своего ребенка в тюрьме на всю ночь просто, чтобы кому-то что-то доказать.

Регина — гений. Злой гений.

— Я пошел увидеть его, и он попросил меня забрать тебя сегодня.

Не могу поверить. Джейми беспокоится, что я расстроюсь из-за пропущенного выпускного, пока он сидит в тюрьме.

Энджело тянет за лацкан смокинга.

— Он взял его напрокат для себя, поэтому он не сидит на мне так классно, но я готов зажечь в этом зале отеля, если ты хочешь.

Я заставляю себя слегка засмеяться. Энджело притворяется оскорбленным.

— Что? Не думаешь, что я хорошо выгляжу?

— Выглядишь. Но ты не идешь с кем-нибудь еще?

— Нет. «Нахрен это дерьмо» собиралась выступить на одной из афтерпати, но я не хочу идти... — Он останавливается. — Хм, извини, я не это имел в виду. Я имею в виду, я хочу пойти, если ты хочешь пойти, но...

— Спасибо, Энджело, но я не хочу идти без Джейми.

— Да. Я сказал ему, что ты так скажешь. Он заставил меня пообещать попробовать в любом случае. — Энджело тянет за свой галстук-бабочку, который, кажется, душил его. — Чертова Регина. Надо было Джейми дать тебе ее ударить, когда у тебя был шанс.

В этот раз я по-настоящему рассмеялась, зная, что он шутит только наполовину.

Энджело осторожно дотрагивается до одной из блестящих штучек в моих волосах.

— Могу сказать, что ты ему нравишься, Роуз. И ему очень-очень жаль. — Он лезет в набитый карман своего пиджака и вытаскивает скомканную футболку и мятый кусок бумаги, сложенный во много раз. — Футболка чистая, клянусь. Про записку ничего сказать не могу.

Он подмигивает, разворачивается и идет к своей машине. Прежде чем тронуться с места, он снимает галстук-бабочку и выбрасывает в окно. Потом заводит двигатель и несколько раз жмет на газ перед тем, как поехать по улице. Его длинные волосы развеваются в окно, грохочет старая запись «Nine Inch Nails». Он сигналил, заворачивая за угол.

Я разворачиваю его подарок и вижу, что это футболка с концерта Неко Кейс, в которой он был в День святого Валентина. Смотрю на записку, немного боясь заглянуть в нее.

Почерк не такой аккуратный, как был на открытке с гвоздикой. Он неровный, будто писали в машине — возможно, на заднем сиденье полицейском машины. Может быть, они не надели на него наручники из-за его папы.

Роуз. Как я и говорил. Я не подхожу для тебя. Я другой. Поверь мне. Веди себя хорошо.

Почему я чувствую себя так, словно он со мной расстается, когда я даже не уверена, что мы были вместе? И что заставляет его быть таким уверенным, что он другой?

Я хочу позвонить Трейси. Но как я могу, ведь прошли недели, а я так и не заговорила с ней, чтобы узнать в порядке ли она после всего, что случилось с Мэттом?

Я вдруг начинаю ненавидеть себя за то, что всего боялась в этом году. Я боялась, что люди узнают, что мне нравится парень, который ходит на английский для отстающих. Я боялась постоять за себя, когда Регина делала эти психопатические надписи. Я боялась потерять Трейси из-за чирлидеров и из-за секса, и подумала, что если я просто зарюю голову в песок, ничего плохого не случится. И все же случилось как раз только плохое.

Плохое происходит, независимо от того, боишься ты или нет, поэтому можно даже не задумываться о страхах. Это просто трата времени.

Я оглядываюсь на дом и вижу маму, стоящую в дверном проеме в нерешительности, с камерой в одной руке и телефоном — в другой. Она поднимает телефон, показывая, что мне звонят. Я бегу по дорожке к дому и хватаю его до того, как она успевает сказать, кто это.

— Джейми? — выдыхаю я, и это звучит так же отчаянно, как я себя чувствую.

— Это Трейси. — На миг я не могу поверить, что правильно расслышала. — Я все слышала. Ты в порядке, Роза?

То, как моя бывшая лучшая подруга называет меня «Роза», наполняет меня таким облегчением, что ноги становятся ватными. Не верю, что она мне звонит — она поняла, что я хочу поговорить с ней, и не важно, что было между нами раньше. Я, пошатываясь, поднимаюсь в свою комнату, падаю на кровать и смотрю в потолок, больше не беспокоясь, что испорчу прическу.

— Роуз? — снова говорит она.

— Да, я в порядке. А ты?

— Я буду в порядке.

Молчание.

— Я должна была позвонить, Трейси.

— Все в порядке. Я знаю, почему ты это не сделала.

— Мне очень жаль, — мой голос выходит шепотом.

— Мне тоже. Я не знала, что Регина сделает это, — говорит Трейси.

— Я отчасти рада, что она это сделала. Я никогда бы на нее не наехала, если бы не это.

— Это было безумно, Роуз. Ты была напугана. Я никогда не видела, чтобы ты такое делала. — Я тоже никогда не видела, чтобы я такое делала. Хотела бы я сказать, что такое больше не повторится, но если я чему-то и научилась за этот год, то лишь тому, что не могу пообещать, каким будет мое поведение.

— Он, правда, в тюрьме? — спрашивает она.

— Его папа собирается оставить его там на всю ночь, чтобы проучить. — Я пытаюсь представить, на что похожа тюрьма. Юнион — небольшой город, поэтому хочется верить, что Джейми не угрожает опасность — я не могу забыть образы тюрьмы, вбитые мне в голову сериалами по НВО. Наверно, худшее, что может случиться — ему придется делить камеру с кем-то, кто перебрал с выпивкой в «Morton's» и его стошнило прямо на его рубашку, а потом он схватил официантку с коктейлями или что-то в этом роде. Но я все равно боюсь за него.

Я повернула голову и увидела синий цветок, который я нарисовала на стене в октябре, пока болтала по телефону с Питером, на следующий день после вечеринки у Трейси на Хэллоуин. Такое ощущение, что Питер миллион лет назад сказал, что попросил Джейми за мной присматривать. Могу поспорить, что Джейми даже не предполагал, что согласие на это может довести его до тюрьмы.

— Так, мм, ты это сделала, да? Как это было? — спрашиваю я, стараясь говорить не осуждающе и не задавать вопрос, пользовались ли они презервативом. Я знаю, что если я хочу продолжить общение с Трейси, мне стоит спросить об этом позже. Намного позже.

— Ужасно, — говорит она скучным голосом. — Мисс Масо была права. И ты тоже была права. Он полный придурок, и я должна была оставить его кому-нибудь другому. Если хочешь, можешь сказать: «Я же тебе говорила».

— Да, ну, ты тоже можешь, так что давай притворимся, что мы обе так сказали и забудем об этом.

— Хорошо. Значит, ты сделала прическу?

Есть миллион вещей, которые нам нужно обсудить — например, что случилось между нами в этом году и как это стало таким неприятным, но на самом деле, она предпочитает говорить о моей прическе. И на этот раз я тоже.

Я рассказала ей о Шерри и стразах, о моих туфлях и синем платье. Я рассказала о том, как Джейми прислал Энджело в смокинге на случай, если я все равно захочу пойти на выпускной. Я рассказала о том, что произошло в салоне с Региной и Мишель. Как же хорошо рассказывать ей это после того, как я настолько долго держала все в себе, что даже не верится, что пережила это.

— Значит, Джейми — твой парень?

Я смотрю на записку, которую все еще держу в руке. Неужели Джейми думает, что сможет отделаться от меня, говоря: «Я другой»? Это лишь вызывает у меня желание снова его поцеловать.

— Он не мой парень. Мы дважды целовались, а он сказал, что мы не должны были.

— Но он пригласил тебя на бал.

— Не совсем. Он сделал это, чтобы позлить Регину, я думаю.

— Розы, Джейми не похож на парня, который беспокоился бы о бале, чтобы кого-то позлить.

— Все, что я знаю, Трейс, — это то, что он мне нравится, — смущаюсь я. — Я хочу быть с ним.

— Тогда мы должны что-нибудь сделать. Если бы я была тобой... — начинает она.

— Если бы ты была мной, то что? — спрашиваю я.

— Если бы я была тобой, я бы рассказала обо всем миссис Чен, начиная с первого раза, когда Регина тебе угрожала и сделала надпись на твоём шкафчике, и, заканчивая тем, что она сегодня сделала с Джейми.

— Но что, если она выполнит свое обещание, Трейс? Я имею в виду, если она отыграется на тебе и найдет способ выгнать тебя из команды?

— Тогда, наверно, меня не будет в команде. Не похоже, что мне теперь хочется быть рядом с Леной, — говорит она.

— Но...

— Это больше не имеет значения, Роуз, — говорит она. Это звучит действительно печально, и мне интересно, что она имеет в виду: это не имеет значения, потому что ее больше не волнует чирлидинг или потому что она теперь не с Мэттом. — Сдай эту стерву.

— А если она попадет в неприятности, и это сделает ее еще безумнее в следующем году? — спрашиваю я.

— Сейчас не нужно из-за этого переживать. Регина заслуживает серьезной расплаты. Особенно, после того, что она сделала — я имею в виду, в этот момент Джейми сидит в тюремной камере, и вы оба пропустили выпускной из-за нее. Морли же пытается заставить тебя рассказать миссис Чен, правда? Ну, вот и твой шанс. Если ты сейчас напишешь по электронной почте, я не сомневаюсь, что она прибудет вовремя, чтобы при всех помешать Регине достать билеты в зал отеля. Это будет просто идеально.

Я так долго скрывала от всех секрет о Регине, что мысль об освобождении от него несколько пугает. Смотрю на ноутбук, лежащий на столе и ждущий от меня действий.

— Ты мне поможешь? — спрашиваю я, чувствуя тошноту.

— Я буду через пять минут. В любом случае, хочу посмотреть на стразы в причёске, — говорит она и вешает трубку, не дав мне сказать ни слова. Я представляю, как она кричит своей маме, что пошла ко мне, а сама выбегает через свою красную входную дверь, как она делала с тех пор, как нам разрешили самим переходить через дорогу. Моя лучшая подруга придет, чтобы помочь мне. Мне гораздо спокойнее, чем было последние недели.

Смотрю в окно на задний дворик, где цветет кизил и начинают всходить цветы, которые посадила мама. Я не люблю втягивать людей в неприятности. Однако Регина Деладдо этого заслуживает. Понятия не имею, какие будут последствия, но Трейси права — сейчас не нужно из-за этого переживать. Я берегла информацию для подходящего момента, и подходящий момент настал.

Страха нет.

Я иду к столу и открываю ноутбук. Экран возвращается к жизни.

Обострять (глагол): увеличение интенсивности, что переводится в конфликт или войну, ухудшаться.

(см. также: десятый класс Роуз Царелли.)

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Dr.Martens (Docs; Doc Martens) — обувная серия фирмы AirWair Ltd. Со времени появления на рынке достигла интернационального культового статуса.